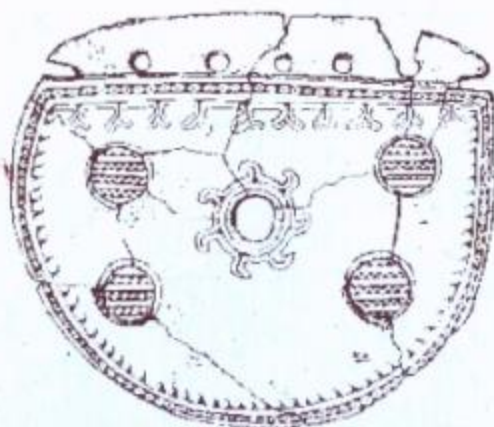

ДОНО-ВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

ВОРОНЕЖ 2001

Воронежский государственный университет

Исторический факультет

Кафедра археологии

ДОНО-ВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Воронеж 2001

ББК 63.4

П 85

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. *Дон-волжская абашевская культура.* – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 172 с.

Priakhin A.D., Besedin V.I., Zakharova E.Yu., Savrasov A.S., Safonov I.E., Svistova E.B. *The Don-Volga Abashevo Culture.* – Voronezh: Voronezh State University, 2001. – 172 p.

ISBN – 5-9273-0112-6

Научный редактор – академик РАН В.И. Молодин

Editor-in-chief - academician of RAN V.I. Molodin

В коллективной монографии дается оценка как доно-волжской абашевской культуры эпохи средней бронзы, так и ее места в системе абашевской культурно-исторической общности. Реализуется подход, исходящий из целесообразности последовательного рассмотрения проблематики доно-волжской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности, включая оценку переходных памятников. Характеризуется роль пастушеских скотоводов восточноевропейской лесостепи в цивилизационных процессах в древности.

Для историков, археологов, всех интересующихся древней историей Евразийской степи и лесостепи.

The collective work contains the estimation of the Don-Volga Abashevo culture of the Middle Bronze Age as well as the assessment of the place it occupied in the system of the Abashevo cultural-historical formation. The research thoroughly asserts the expediency of the integrated approach to the studying of the Don-Volga Abashevo culture problems together with numerous sites of the Timber-grave (Srubnaya) cultural-historical formation which are widespread on the territory concerned in the Late Bronze Age. Special attention is paid to the estimation of particular "transitional" sites. Authors consider the role which herdsmen and cattle-breeders of the Eastern European forest-steppe played in the civilizational processes of the antiquity.

Materials are of most interest to those professionally concerned with archaeology and ancient history of the Eurasian steppe and forest-steppe.

ISBN – 5-9273-0112-6

© Воронежский государственный университет, 2001

© Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001

ВВЕДЕНИЕ

В изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи несомненным достижением последних десятилетий явилось выделение и осмысление абашевской культурно-исторической общности и культур ее образующих эпохи средней бронзы (доно-волжская абашевская, средневолжская абашевская, уральская абашевская), хронологические рамки которой по традиционным датам – большая часть первой половины – середина II тыс. до н.э. Они распространены на пространствах доно-волжско-уральской лесостепи и на прилегающих территориях лесной и степной зон Евразии¹. В то же время, до сих пор в оценке абашевских древностей чувствуется признание приоритетных позиций средневолжской, а в известной степени и уральской абашевской культур².

Что же касается абашевских памятников на территории лесостепного Подонья и примыкающих территорий, то долгое время они не только недооценивались, но и оставались в тени. Так, несмотря на то что первые раскопки могильников, включенных затем в систему древностей абашевской культуры, были осуществлены в Подонье (Тюнинские курганы и другие памятники)³, выделение соответствующей культуры было сделано после раскопок 1925 г. под руководством В.Ф. Смолина курганного могильника у с. Абашево в Среднем Поволжье⁴. Представление о ведущих позициях древностей Среднего Поволжья в оценке абашевского мира закрепилось после публикации в серии МИА тома по абашевским древностям этой территории⁵.

И, тем не менее, уже в начале 60-х гг. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков в абашевских памятниках территории Подонья видят связующие звенья между среднеднепровской культурой и абашевской культурой Поволжья⁶. П.Н. Третьяков даже предполагал днепровское происхождение абашевской культуры⁷. Тогда же А.Х. Халиков, склоняясь к точке зрения о формировании абашевцев в районе окско-

донского междуречья, ссылается на абашевские памятники этой территории, в том числе на Частые курганы под Воронежем, Тюнинские курганы под Задонском⁸.

В середине 60-х гг. анализу абашевских памятников Среднего Подонья отдельную главу своей книги по эпохе бронзы этой территории посвятил П.Д. Либеров⁹. Появление абашевцев на этой территории он связал с продвижением исходного населения из Среднего Поволжья, а сами абашевские памятники этой территории он поместил во время не ранее последней четверти II тыс. до н.э., попытавшись усмотреть за ними и один из ведущих компонентов в становлении здешней культуры раннего железного века¹⁰.

Несколькими годами позже попытка оценки памятников Среднего Подонья в системе абашевских древностей предпринимается ведущим исследователем абашевских древностей Южного Урала К.В. Сальниковым. Исследователь указал на их своеобразие в сравнении с абашевскими древностями других территорий, что, по его мнению, проявляется прежде всего, в наличии связей со среднеевропейской (среднеднепровской – А.П.) культурой. Он даже склонялся тогда к мнению, что развитие абашевской культуры в Подонье происходило чуть ли не ранее позднекатакомбных памятников¹¹. В самом начале 70-х гг. появляется и монографическое исследование по абашевским древностям Подонья¹².

Это были шаги на пути к выделению доно-волжской абашевской культуры, обоснование которой стало возможным, когда были осмыслены проведенные в конце 60-х – начале 70-х гг. новостроечные исследования Института археологии АН СССР и Воронежского госуниверситета в зоне будущего Воронежского водохранилища (поселения Шиловское, Масловское, Тавровское, Отрожкинское и др.), а затем и результаты раскопок ряда курганных могильников и отдельных курганов на территории областей Центрального Черноземья (прежде всего изучение под ру-

ководством А.Т. Синюка могильника у с. Староюрьево (Тамбовская область), Введенского кургана (Липецкая область)¹³. Само же выделение доно-волжской абашевской культуры сопровождалось и обоснованием абашевской культурно-исторической общности¹⁴.

Что касается дальнейшего осмысления доно-волжской абашевской культуры, то оно в значительной степени зависело от изучения погребальных памятников этой культуры, целенаправленное изучение которых ведется экспедиций Воронежского государственного университета (многолетние раскопки крупнейшего из курганных могильников абашевской общности – Подклетненского на северной окраине современного Воронежа, Кондрашкинского кургана на территории Воронежской области, могильника Селезни-2 (совместные работы с Тамбовским госуниверситетом и областным краеведческим музеем), других памятников)¹⁵. Важнейшее значение имеют и исследования Воронежского педагогического института (затем педуниверситета) под общим руководством А.Т. Синюка (Власовского могильника на территории Воронежской области, Филатовского кургана на территории Липецкой области, других памятников)¹⁶. Весьма значимы и работы последнего времени на территории окско-донского междуречья Тамбовского областного краеведческого музея и Тамбовского госуниверситета, проводимые под руководством Н.Б. Моисеева¹⁷. Эти исследования позволили сформировать новую источниковую базу, особенно по погребальным памятникам этой культуры, что позволяет, в свою очередь, выйти на качественно новый уровень осмысления доно-волжской абашевской культуры, а в известной степени и абашевской культурно-исторической общности в целом. Последнее проявилось уже в ходе работы состоявшейся в 1996 г. в Тамбове научной конференции по абашевской культурно-исторической общности¹⁸. Не случайно, что важнейшим итогом конференции явилось признание места и роли доно-волжской абашевской культуры как в системе абашевской

культурно-исторической общности, так и в системе общей оценки древностей эпохи средней бронзы евразийской лесостепи.

Но в то же время нельзя не видеть, что за последнее время обозначился и подход, сущность которого сводится чуть ли не к отрицанию правильности выделения этой абашевской культуры¹⁹, что не способствует выходу на качественно новый уровень оценки тех процессов, которые имели место на территории лесостепи в эпоху средней бронзы.

В силу сказанного ощущается настоятельная необходимость теперь уже на новой источниковой базе оценки доно-волжской абашевской культуры, что открывает возможности для выхода на новый уровень оценки одноименной культурно-исторической общности, а тем самым и на оценку роли пастушеских скотоводов этого времени в развитии цивилизационных процессов в древности. По замыслу авторов – данная книга это один из шагов в обозначенном направлении.

Важно также иметь в виду, что в своих научных построениях авторы исходят из предпосылки, согласно которой оценка доно-волжской абашевской культуры, как и абашевской культурно-исторической общности, ведется с позиций постпервобытности, в рамках осмысления роли пастушеских скотоводов эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи в развитии цивилизационных процессов в древности.

Данная книга отражает основные результаты выполненной сотрудниками кафедры археологии Воронежского государственного университета в рамках единого заказа-наряда в 1998-2001 гг. темы "Историческое место пастушеских скотоводов II тыс. до н.э. доно-донецкого региона в истории восточноевропейской степи и лесостепи (доно-волжская абашевская культура)".

¹ Пряхин А.Д. История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность): Автореф. дисс. ... д. ист. наук. – М., 1976; Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. – М., 1987. – С. 124-131, 218-226, рис. 59-64.

² Кузьмина Е.Е. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. – СПб., 1995. – С. 27-50; др. раб.

³ Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж, 1981. – С. 22-23.

⁴ Smoline V. La nécropole d'Abachevo // ESA. – 1927. № 1; Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерк археологических раскопок в 1925 году). – Чебоксары, 1928.

⁵ Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. – 1961. № 97.

⁶ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. – 1961. № 97. – С. 87-89.

⁷ Третьяков П.Н. Абашевская культура // Památky archeologické. – Ročník. LII. – 1961. Číslo 2. – С. 382-383.

⁸ Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. – МИА. 1961. № 97. – С. 224-226.

⁹ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М., 1964. – С. 111-156.

¹⁰ Там же. С. 155-156.

¹¹ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967. – С. 130-131.

¹² Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. – Воронеж, 1971.

¹³ Синюк А.Т., Килейников В.В. Курганы у с. Введенки на Дону // СА. – 1976. № 1. – С. 160-169; Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. – 1972. № 3. – С. 233-243; др. работы.

¹⁴ Пряхин А.Д. Доно-волжская абашевская культура. Историко-географический очерк // Исторические записки. Вып. 2. - Воронеж, 1997. - С. 152 и след.

¹⁵ Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. - Рязань, 1996. - С. 34-51; Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. - Воронеж, 1989. - 20 с.; Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. - Воронеж, 1998; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. - Воронеж, 1988. - С. 13-120; др. работы.

¹⁶ Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. - Воронеж, 1996. - С. 196-218.

¹⁷ Моисеев Н.Б. Курганы окско-донской равнины. Памятники Тамбовской области. - Тамбов, 1998 и др. раб.

¹⁸ Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тез. докл. международ. науч. конф. - Тамбов, 1996.

¹⁹ Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: Тез. II Рыковских чтений. - Саратов, 1991; Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. - С. 190-219; др. раб.

ГЛАВА I

К ОЦЕНКЕ АБАШЕВСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОДКЛЕТНЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА*

В возросшем за последние годы интересе к абашевской проблематике, связанном с осмыслением роли абашевской общности в культурногенетических процессах периода средней – начала поздней бронзы на территории как восточноевропейской, так и в целом евразийской степи и лесостепи, вновь просматривается акцентирование внимания на памятниках волго-уральского региона. Это объясняется продолжающим отстаиваться подходом к средневожской абашевской культуре как к своего рода эталонной, а к уральской (баланбашской) – как к ее производной или тесно связанной с ней. В какой-то степени этому способствует существенное расширение источниковой базы по средневожскому (раскопки II Виловатовского, Пеленгерского и других могильников) и еще более по уральскому (раскопки поселения Тюбяк и др.) регионам. Получил распространение и тезис о приоритетном значении волго-уральского очага культурогенеза эпохи бронзы¹, особенно в свете открытия и изучения в Волго-Уралье ряда весьма значимых памятников – Синташты², Потаповки³ и др. Доно-вожская абашевская культура вновь вольно или невольно отодвигается на второй план, в том числе и в связи с гипертрофированным восприятием памятников покровского типа, в числе которых оказываются и многие памятники доно-вожской абашевской культуры.

* Статья опубликована: Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. - Рязань, 1996. - С. 34-51.

В этих условиях принципиальную важность приобретает осмысление материалов раскопок одного из крупнейших погребальных памятников как доно-волжской абашевской культуры, так и абашевской культурно-исторической общности – Подклетненского курганного могильника под г. Воронежем, изучавшегося экспедицией Воронежского университета с перерывами со второй половины 70-х годов.

Раскопано более 40 из 74 зафиксированных курганных насыпей. Но пока опубликована лишь краткая сводка результатов первого года исследований памятника⁴. И хотя полная публикация результатов исследования памятника еще впереди, есть смысл дать общую оценку могильника, наметить обрядовые группы захоронений доно-волжской абашевской культуры и в известной степени предложить их хронологическое членение. Предлагаемая оценка основывается на анализе свыше 50 погребений абашевского круга. Оказываются неучтенными лишь результаты раскопок 1994 и 1999 гг.

Подклетненский могильник расположен у восточной окраины с.Подклетное (вблизи западной окраины г. Воронежа) в урочище Дубрава. Курганы могильника протянулись с востока на запад на расстоянии свыше 700 м. Фиксируется концентрация насыпей в несколько групп, между которыми находятся более или менее обособленные насыпи. Центральная группа изучена почти полностью.

Помимо абашевских в могильнике выявлены также единичные погребения среднедонской катакомбной, воронежской и более значительная группа захоронений донской лесостепной срубной культуры, а также единичные захоронения раннего железного века. Они либо находились на периферии могильника, либо были впущены в абашевские курганы.

При изучении погребального обряда стало традиционным применение метода выделения обрядовых групп. Метод, предложенный Н.Я. Мерпертом для памятников древ-

неямной культурно-исторической области⁵, прошел апробацию на материалах других культур, в том числе и применительно к территории лесостепного Подонья⁶. В его основе лежит группировка захоронений по положению и ориентировке костяков с учетом внутри- и надмогильных сооружений, разного рода подстилок, подсыпок и т.д. К сожалению, на Подклетненском могильнике такой подход применим не в полной мере. Дело в том, что в силу природных условий органические материалы здесь сохраняются крайне неудовлетворительно. В результате ориентировку погребенных удалось зафиксировать лишь в пятнадцати случаях, а их положение — в пяти. Кроме того, необходимо учитывать и саму специфику абашевского погребального обряда с его практикой устройства под одной насыпью нескольких синхронных или близких по времени захоронений, возведением внемогильных конструкций и размещением за пределами могил жертвоприношений, отдельных сосудов и пр. Поэтому в основу анализа нами был положен метод группировки погребений по степени их сходства между собой.

Исходный список признаков включал размеры могильных ям (в сантиметрах), их ориентировку (в градусах), устройство (наличие приступок), погребальный инвентарь (его количество), наличие жертвоприношений животных, в том числе на перекрытии могилы. Кроме того, в список были внесены признаки, характеризующие абашевский курган как единый комплекс: наличие под насыпью одного или нескольких расположенных в ряд захоронений, внемогильные сооружения (оградки, ровики, наличие сосудов и жертвенников). В список не были включены данные о положении костяков и их ориентировке, поскольку в большинстве случаев они не фиксировались.

Анализу подвергнуто 51 захоронение. Реальное количество абашевских погребений было, видимо, большим. Но во избежание ошибок, связанных с наличием в могильнике инокультурных захоронений, из анализа исключены безын-

вентарные впускные погребения, а также те из основных погребений, которые не сопровождались инвентарем или оказались сильно разрушенными.

Поскольку в списке присутствуют разнородные признаки, то предварительно был проведен анализ количественных признаков с целью их перевода в качественные.

В практике археологических исследований ориентировку объектов обычно дают по румбам (север, северо-восток и т.д.) с границей признака через 45° . Для могильных ям указываются две точки горизонта по длинной оси. Поскольку в Подклетненском могильнике все зафиксированные случаи ориентировки умерших, за исключением погребения 1 в кургане 3, находились в интервале от 0 до 180° , то и анализировалось только одно направление — по предполагаемой ориентировке костяка. Такой подход не исключает ошибок, поскольку, во-первых, возможно наличие погребений с альтернативной ориентировкой костяков, а во-вторых, в могильных ямах крупных размеров могло быть несколько погребенных, положенных поперек длинной оси ямы. Но вероятность таких ошибок невелика и на общие выводы существенного влияния они оказать не могут.

Частотная гистограмма ориентировок могильных ям (рис. 1, 1) показывает, что принимаемые в качестве исходных направления в целом отражают картину, близкую к реальной, но применительно к Подклетненскому могильнику требуют корректировки в определении границ каждого из направлений. Так, для погребений с северной ориентировкой интервал составляет от 30 до 20° . Погребения с северо-восточной ориентировкой распределены в интервале от 20 до 80° , причем кривая распределения имеет отчетливо выраженную асимметрию к северу. Для погребений с восточной ориентировкой устанавливается очень узкий диапазон — $80-100^\circ$. Наибольшее количество могильных ям имело юго-восточную ориентировку.

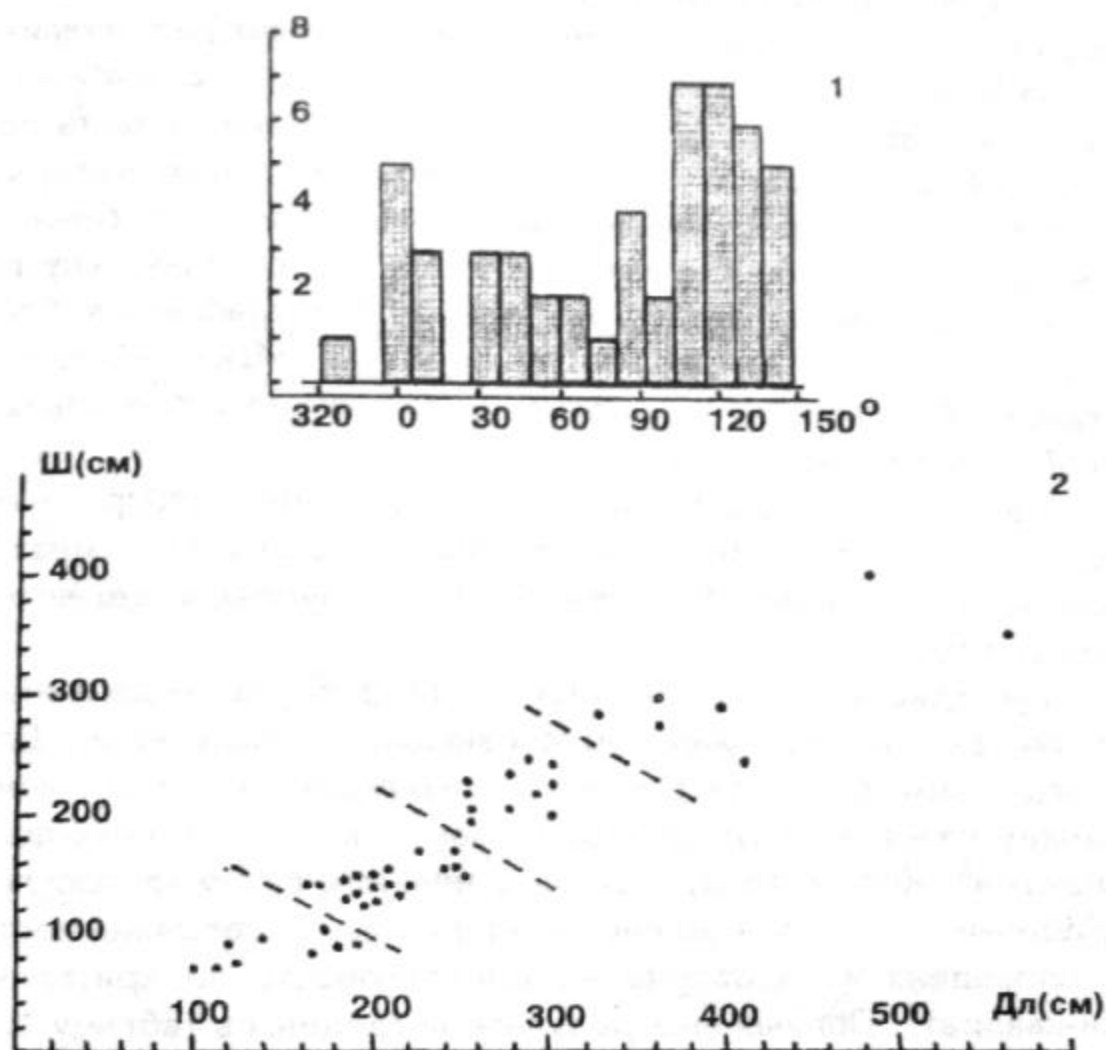

Рис. 1. Количественные характеристики могильных ям

Подклетненского могильника

1 – гистограмма ориентировок; 2 – график соотношения
длины и ширины

Для дифференциации могильных ям по размерам построен корреляционный график (рис. 1, 2), который позволил разбить их на четыре группы: малые (80-120×100-260 см), средние (120-180×160-230 см), большие (180-260×250-310 см), очень большие.

После преобразования количественных признаков в качественные для каждой пары из числа взятых для анализа погребений были рассчитаны коэффициенты схождения⁷, и по их результатам построен граф (рис. 2). Большая часть погребений разбилась на четыре группы, в основе которых лежат блоки погребений, объединенных наиболее сильными связями. Чтобы не размывать общую картину, внутри блоков показаны только эти связи. Более слабыми к блокам присоединен ряд других захоронений. Исключение составили 8 захоронений, которые в силу индивидуальных особенностей оказались как бы вне групп.

Наибольшим сходством, преимущественно стопроцентным, обладают погребения I группы. Достаточно компактной является также IV группа. Во II и III группах выделяются подгруппы.

Не вдаваясь пока в оценку каждой из выделенных групп, выясним причины, обусловившие их выделение. Для этого нами были рассчитаны коэффициенты ассоциации между каждой из групп и описывающими погребения признаками⁸. Кроме того, в связи с немногочисленностью погребений были определены коэффициенты сопряженности и проведена их проверка на достоверность по критерию Хи-квадрат⁹. Полученные результаты сведены в таблицу 1.

При коэффициентах ассоциации от 1 до 0,5 связь рассматривалась как положительная. Сила этой связи обозначена в таблице условными знаками. Наличие этой рамки показывает, что проверка по критерию Хи-квадрат подтвердила ее достоверность. Признаки с такими коэффициентами можно рассматривать как диагностические для соответствующей группы.

Коэффициенты ассоциации в интервале от 0,5 до -0,5 принимались за показатель отсутствия связи между выделенными группами и признаками погребального обряда. То есть признаки с такими коэффициентами встречаются сразу в нескольких группах и не обнаруживают устойчивой принадлежности к какой-либо одной из них.

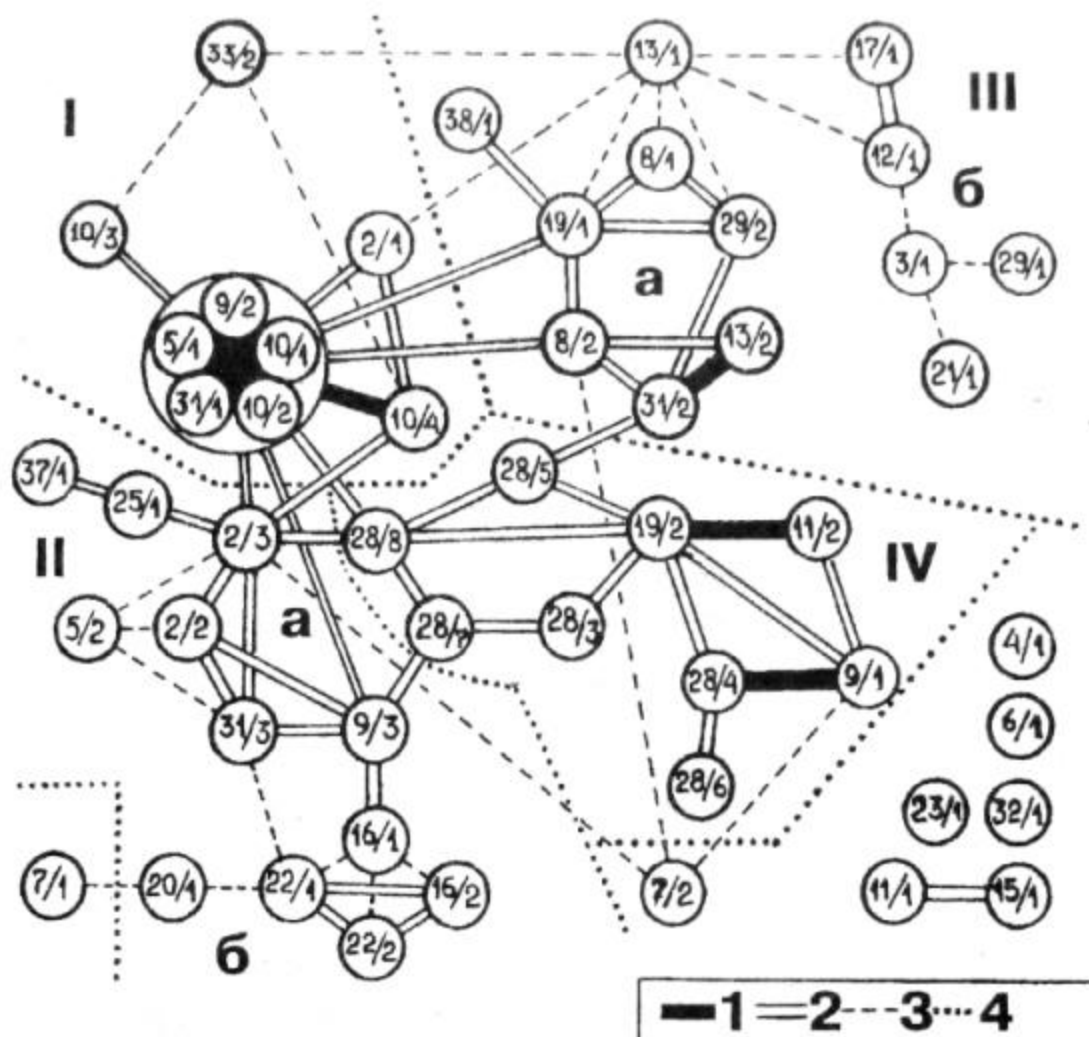

Рис. 2. Граф группировки погребений Подклетненского
могильника по степени сходства

I-IV, а, б – группы и подгруппы;

коэффициенты сходства: 1 – от 1 до 0,81;

2 – от 0,8 до 0,71; 3 – от 0,7 до 0,6;

4 – границы групп

Наконец, высокие отрицательные коэффициенты ($-0,5 \dots -10$) указывают на несовместимость признака погребального обряда и соответствующей группы захоронений, что также характеризует эту группу, отличая ее от тех, в которых такие признаки присутствуют.

Признак	Вариант признака	Группа			
		I	II	III	IV
Ориентировка могилы	юго-восток				
	восток				
	северо-восток				
	север				
Размеры могилы	малые				
	средние				
	большие				
	очень большие				
ступеньки или заплечики					
Находки в могиле	сосуд(ы)				
	кости животных				
	украшения				
	оружие				
	символы власти				
	орудия труда				
Находки на перекрытии	сосуд(ы)				
	кости животных				
Общее число сосудов	один				
	два				
	три и более				
Основные погребения	одно				
	два и более				
Впускные погребения					
Объекты вне могил	оградка				
	ровик				
	жертвенник(и)				
	сосуд(ы)				

 1
  2
  3
  4
  5

Таблица 1. Взаимосвязь признаков погребального обряда с группами погребений Подклетненского могильника
 1 — ...0,81; 2 — 0,8...0,71; 3 — 0,7...0,6; 4 — 0,6...0,5;
 5 — 0,5...—1 (отрицательная связь)

Примечание: Рамками обведены статистически достоверные связи.

Сопоставление выделенных групп и признаков позволяет достаточно полно охарактеризовать каждую из них.

Для I группы погребений характерна юго-восточная ориентировка могильных ям средних размеров, в которых помещалось чаще всего по одному сосуду и иногда украшения. Погребения этой группы являются основными. Они образуют под курганами ряд из двух и более захоронений. Отсутствуют находки на перекрытиях и внемогильные сооружения (оградки и ровики). Яркий пример таких погребений дает курган 10, где в ряд располагались четыре погребения: два – в центре, два – ближе к полам.

Погребения II группы близки предшествующим. Для них также характерны юго-восточная ориентировка и наличие нескольких расположенных в ряд погребений под одной насыпью. В то же время в этих погребениях фиксируются большие размеры могильных ям, иногда наличие ступенек. Кроме инвентаря в могилах встречаются находки на перекрытии или на погребенной почве. Могут присутствовать столбовые оградки или отдельно расположенные жертвенники.

Группа II неоднородна, в ней выделяются две подгруппы.

Первая из них (подгруппа "а") весьма близка погребениям I группы, что и нашло отражение на графе сходства. Не случайно и то, что в них входят явно синхронные захоронения одних и тех же курганов 2, 5, 9.

Интерес представляют погребения подгруппы "б", где представлены комплексы курганов 16, 20, 22. Подгруппа выделилась благодаря присутствию в этих курганах круговых столбовых оградок и расположенных вне могил жертвенников.

Иную картину демонстрируют погребения III группы. Их связь с I группой явно слабее, а со II – практически отсутствует. Характерными особенностями этих погребений являются северная ориентировка могильных ям, крупные размеры последних и наличие под курганом только одного

захоронения. Однако эти признаки свойственны далеко не всем захоронениям данной группы. Часть из них имеет могильные ямы больших и средних размеров. Они обнаруживают основную, тесно взаимосвязанную подгруппу "а". Именно она близка погребениям I группы. Отмеченные же выше признаки в большей степени определяют облик подгруппы "б", в рамках которой фиксируется довольно слабое сходство между погребениями, поскольку каждое из них имеет наряду с общими и индивидуальные особенности, усложняющие погребальный обряд.

Интерес представляют захоронения IV группы. Значительная часть признаков, отмеченных в погребениях описанных ранее групп, в них не встречается. Их характеризует впускное положение в курганах, северо-восточная ориентировка и малые размеры могильных ям. Тем не менее они связаны с захоронениями как II, так и III групп. Связующим звеном явились некоторые из погребений кургана 28. Два из них (28/7 и 28/8) совершены в ямах средних размеров, ориентированных по линии север-северо-запад — юг-юго-восток. Скорее всего, эти два погребения имели ориентировку в северный сектор. Но, поскольку никаких следов костяка в них не сохранилось, их ориентировка в соответствии с обозначенными выше принципами была принята как юго-восточная. То есть в данном случае сказалась условность принятого допущения.

Внегрупповые захоронения выделились в связи с тем, что в каждой из них отмечено редкое сочетание признаков. В первую очередь, это опять же погребения в больших или очень больших могилах в сочетании с оградкой или ровиком, нестандартным набором погребального инвентаря и т.д. (6/1, 7/1, 11/1 и др.).

Таким образом, объединение погребений в группы не случайно, а отражает реальные различия по степени усложнения обряда от погребений I группы к погребениям подгруппы IIб. Слабее, но также достаточно отчетливо вы-

ражена связь между захоронениями I группы и подгруппы IIIa.

Оценки полученных типологических рядов могут трактоваться как хронологические и (или) социальные. В этой связи представляют интерес стратиграфические данные.

Погребения I и II групп между собой не стратифицированы. Более того, в курганах 2, 5, 9, 31 их расположение в ряд и одинаковая ориентировка явно указывают на близость во времени или даже синхронность. В курганах 16 и 22 эта синхронность подчеркивается наличием общей столбовой оградки. В то же время типологические различия не позволяют полностью исключить фактор времени. Если это предположение верно, то какая-то часть захоронений II группы несколько более поздняя.

Хронологическое соотношение захоронений III группы и двух предыдущих устанавливается по наличию впускного погребения 2 в кургане 31. Достаточно длительное существование погребений этой группы документируется случаями внутригрупповой стратиграфии (курганы 8 и 29). Кроме того, есть основание предположить деление погребений данной группы в соответствии с двумя выделенными подгруппами по социальному признаку. Первая подгруппа (IIIa) может трактоваться как рядовые захоронения. На это указывают средние размеры ям, малочисленность инвентаря, нередко впускное положение в кургане. Вторая подгруппа (IIIб), скорее всего, оставлена социально значимой частью населения. Как неординарные следует рассматривать и большинство внегрупповых захоронений.

Подчеркнем, что степень связи у социально значимых захоронений значительно ниже, чем у рядовых, поскольку они содержат минимальное количество "общекультурных" признаков. Это нашло отражение и в выделении внегрупповых погребений.

Наконец, очевиден в целом относительно поздний характер погребений IV группы, которые оказались впускны-

ми в курганы с основными захоронениями первых трех групп (курганы 9, 11, 19).

Анализ погребального обряда существенно дополняется результатами изучения инвентаря погребений.

Наиболее массовой находкой в них является керамика. Для морфологического анализа использовано 79 сосудов как правило сохранившихся на полный профиль. Мы исходили из традиционного членения ее на колоколовидные, горшковидные, баночные, чашевидные сосуды и миниатюрные острореберные сосудики.

Для колоколовидных сосудов характерны приземистое, слегка профилированное тулово и резко отогнутая наружу шейка. Наибольший диаметр тулова не превышает диаметр венчика. Плечико иногда подчеркнуто едва намеченным ребром. Подобные сосуды представлены в захоронениях первых трех групп и внегрупповых (рис. 3, 1, 5, 7, 9, 10; 4, 5, 6, 9, 13; 5, 11, 14, 17; 6, 10). Их реплики есть и в погребениях четвертой группы, но уже в значительной степени видоизмененные (рис. 7, 3, 4, 7).

Горшковидные сосуды появляются в погребениях III группы (рис. 5, 7, 8 и др.), но более характерны для IV (рис. 7, 5, 9).

Сравнение пропорций тулова колоколовидных и горшковидных сосудов показывает почти полную их тождественность: у последних лишь чуть сильнее выражена его профилировка. Существенная разница обнаруживается по одному признаку — степени отгиба шейки: у горшковидных сосудов она ближе к вертикальной, в то время как у колоколовидных фиксируется резкая отогнутость наружу.

Ярким примером абашевского керамического комплекса, его своеобразным индикатором являются миниатюрные острореберные сосудики. В Подклетненском могильнике они располагаются в погребениях первых трех групп и погребениях, не вошедших в основные группы (рис. 3, 3, 6; 4, 4, 7, 8; 6, 6, 9, 11).

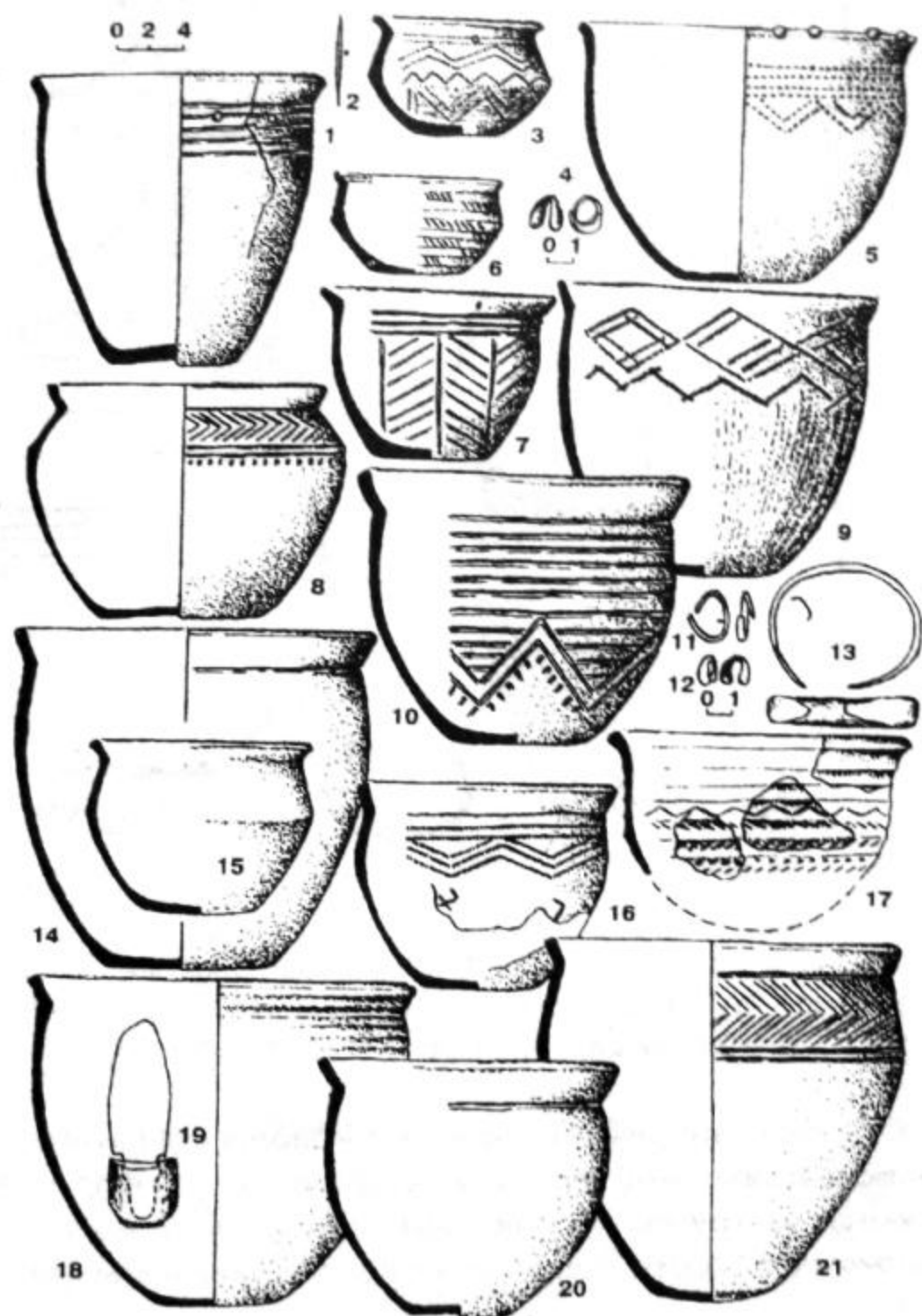

Рис. 3. Инвентарь погребений I группы (1-7, 9-13, 15-17, 21) и подгруппы IIa (8, 14, 18-20)

1 — курган 31/погр.1; 2-4 — 33/2; 5 — 10/2; 6,10 — 10/3;
 7 — 33/насыпь; 8 — 25/1; 9 — 10/1; 11-13, 17 — 10/4; 14 — 9/3;
 15,21 — 2/1; 16 — 9/2; 18,19 — 2/2; 20 — 2/2

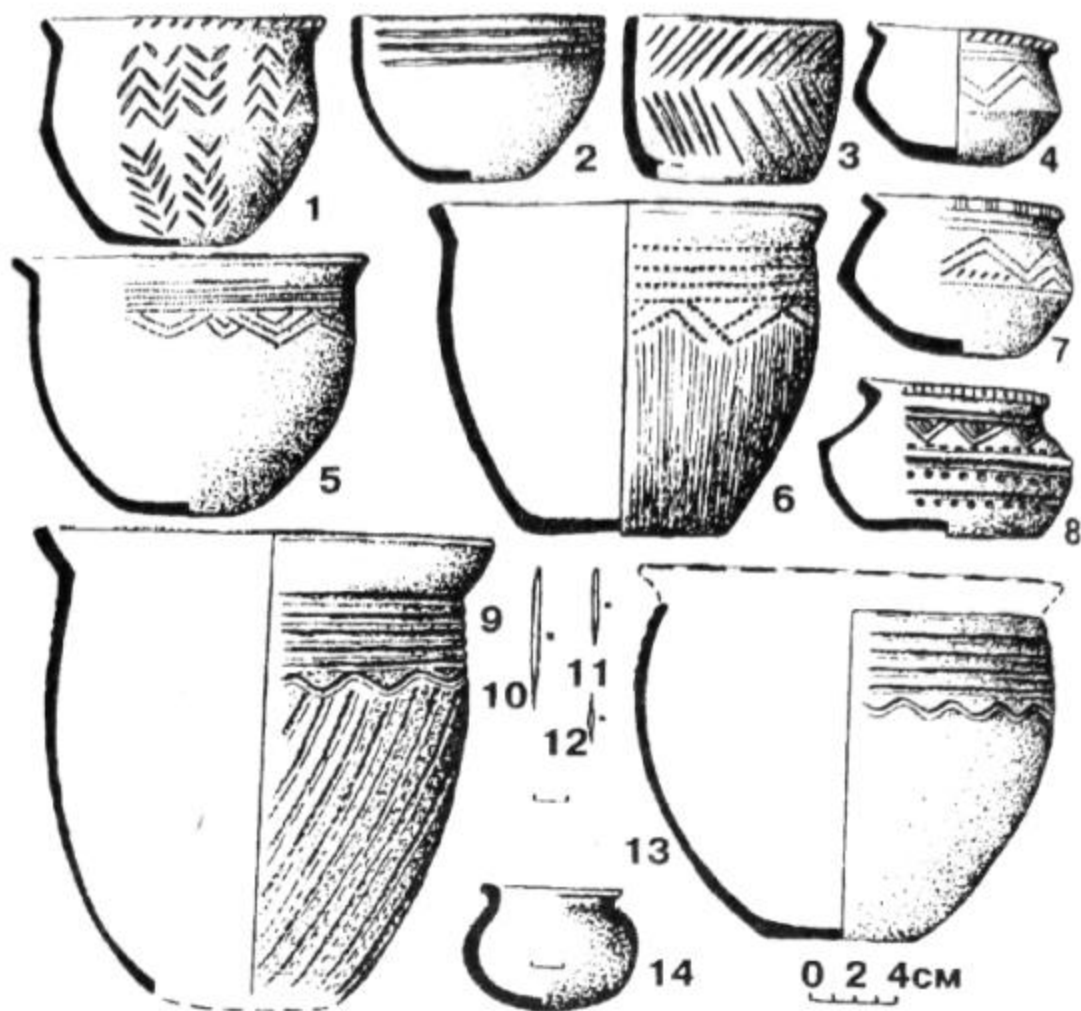

Рис. 4. Инвентарь погребений подгруппы IIб
 1,7,8,11 – курган 22/погр. 1; 2,4,10,13 – 16/2; 3 – 20/1;
 5 – 22/насыпь; 6,7,9,14 – 22/2; 12 – 16/1

Отметим, что два сосудика из погребений III группы, сохраняющие признаки керамики такого рода, по форме выделяются из группы типично острореберных и могут рассматриваться скорее всего как их поздние дериваты (рис. 5, 2, 4).

Особо выделим находку миниатюрного сосудика с шаровидным туловом (рис. 4, 14), имеющего аналогии в памятниках катакомбной культурно-исторической общности.

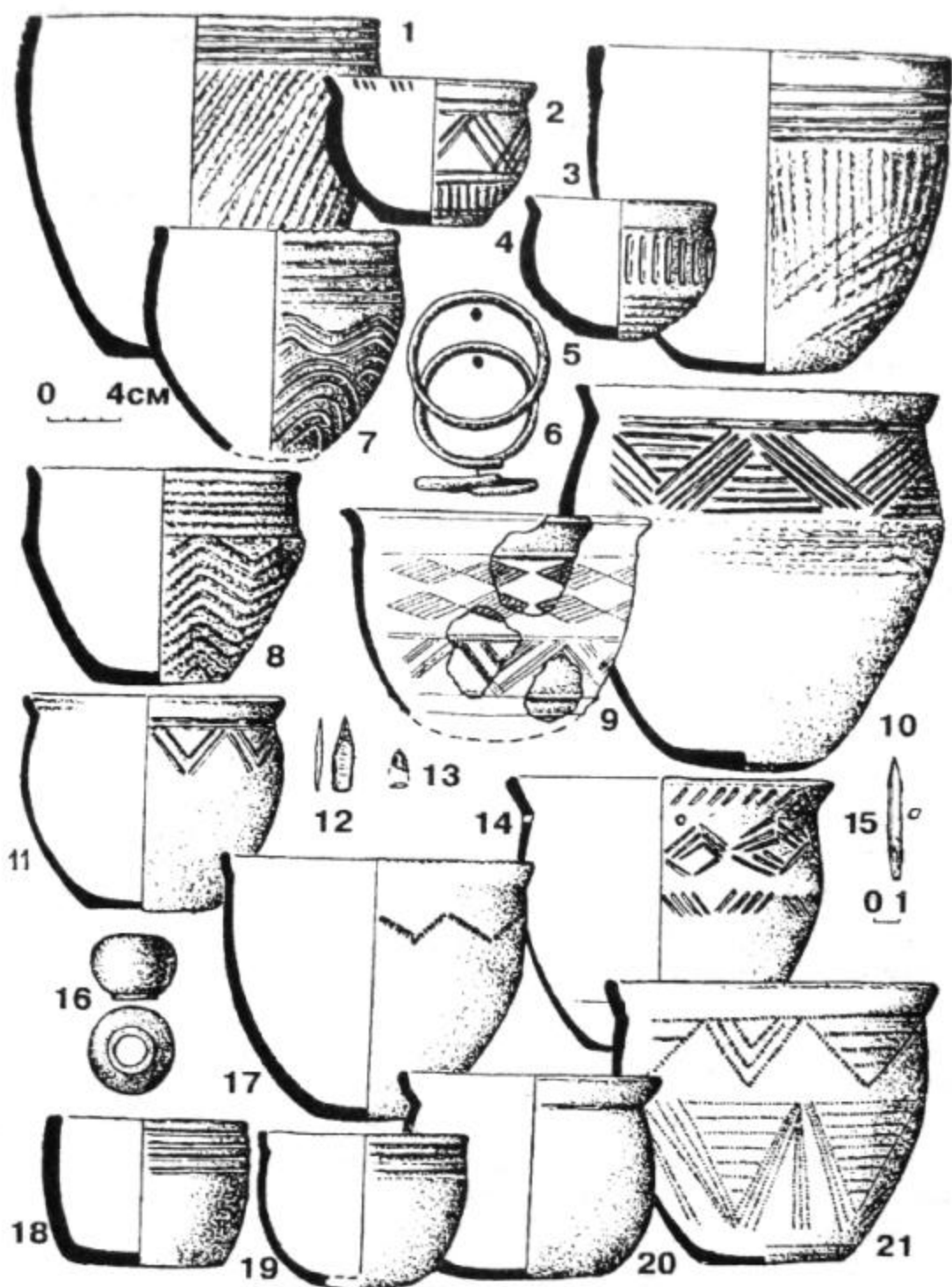

Рис. 5. Инвентарь погребений III группы:

1, 2 – курган 13/погр.1; 3-6 – 17/1; 7 – 29/1; 8 – 29/2; 9, 12, 13 – 29/1; 10 – 3/1; 11 – 8/насыпь; 14 – 8/2; 15 – 12/1; 16 – 13/2; 17 – 38/1; 18, 21 – 21/насыпь; 19, 20 – 38/насыпь

Последнюю крупную группу керамики Подклетненского могильника образуют баночные сосуды. Среди них есть небольшие сосудики с цилиндрическим или почти цилиндрическим туловом — чашечки (рис. 4, 3; 6, 2), типичные для средневожской абашевской культуры. Но встречаются крупные банки (рис. 5, 1, 3; 6, 3, 4; 7, 1, 2, 6), характерные для погребений III и IV групп.

Перечень форм керамики могильника завершают сосуды близкие к чашам (рис. 3, 17; 5, 9). Имеющиеся экземпляры, к сожалению, фрагментированы.

Орнаментация сосудов Подклетненского могильника в целом соответствует характеристике погребальной посуды доно-вожского региона, приведенной ранее¹⁰.

Украшенными в рассматриваемой выборке оказались почти 80% сосудов. Орнамент чаще всего прочерченный (43%) или выполненный мелкозубчатым штампом (25%). Как поздний признак выступают оттиски гребенки с широкими редкими зубцами (6%) и перевитого шнура (9%). Иногда узор образован широкими желобками.

Показательно также, что вопреки устоявшемуся мнению о почти обязательном для абашевской керамики Подонья наличии желобка на внутренней поверхности шейки этот признак отмечен лишь на 28% колоколовидных сосудов.

Наиболее распространенными элементами орнамента являются горизонтальные линии (81%), зигзаг (37%), различного вида треугольники и ромбы (29%), часто ограниченные "бахромой" из наклонных или округлых вдавлений. Отметим также и узор из равносторонних треугольников с горизонтальной штриховкой, прерывающуюся вертикальную елочку, валики. Особенно ярким узором выделяются остросереберные сосудики, чаши и банки небольших размеров, в то время как на остальных сосудах орнамент чаще всего предельно прост.

Следует отметить, что в ряде случаев отмечены и не характерные для абашевской посуды элементы, такие как вертикальная елочка с разделителями из вертикальных же линий, паркетоподобный узор и другие, которые, скорее всего, отражают инокультурные воздействия.

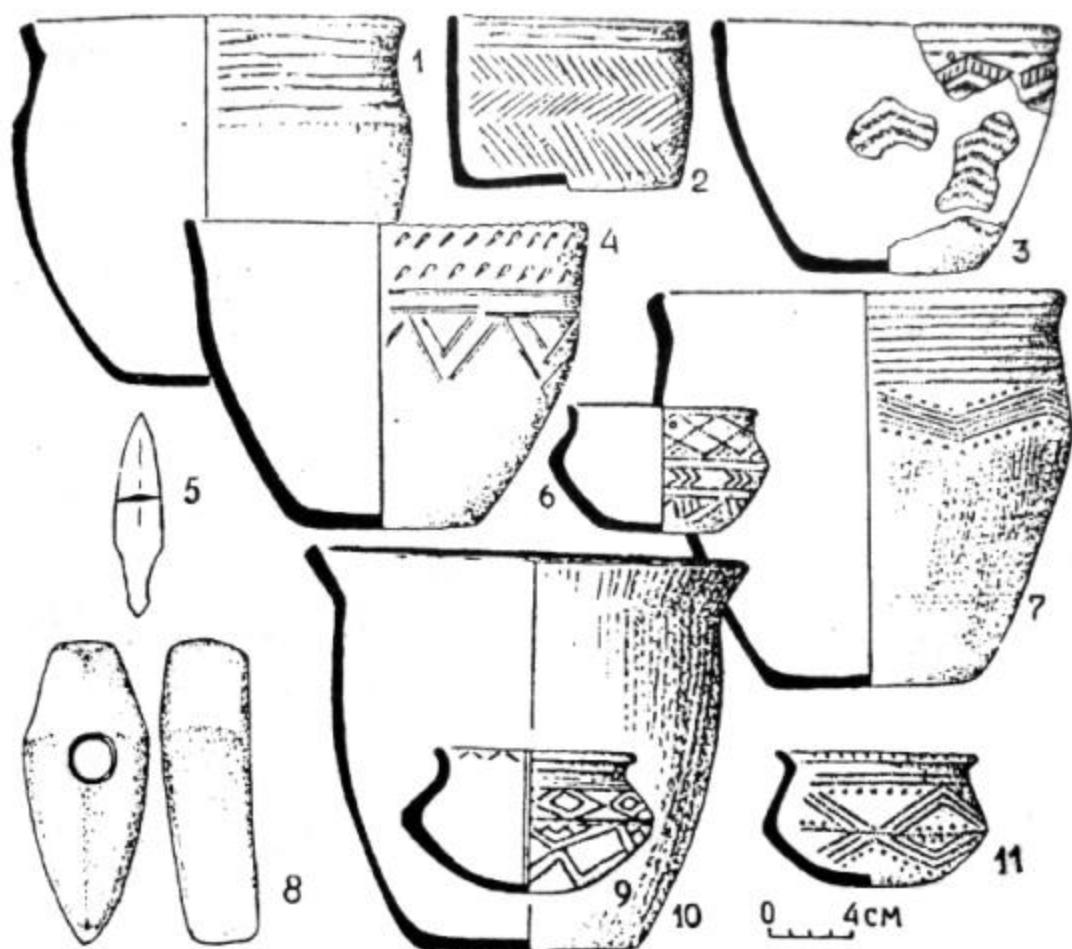

Рис. 6. Инвентарь погребений, не вошедших в основные группы:
1, 11 – курган 11/насыпь; 2, 5, 7 – 32/1; 3 – 32/насыпь; 4 – 7/1;
6 – 15/насыпь; 8, 9, 10 – 6/1

Приведенный обзор форм абашевских сосудов и их соотношение с выделенными обрядовыми группами показывает, что, несмотря на различия в погребальном обряде, для всех обрядовых групп в принципе характерны одни и те же формы с устойчивым сохранением традиций колоколовидности. В то же время по мере развития обряда захоронения появляются некоторые новые разновидности сосудов, например горшковидные.

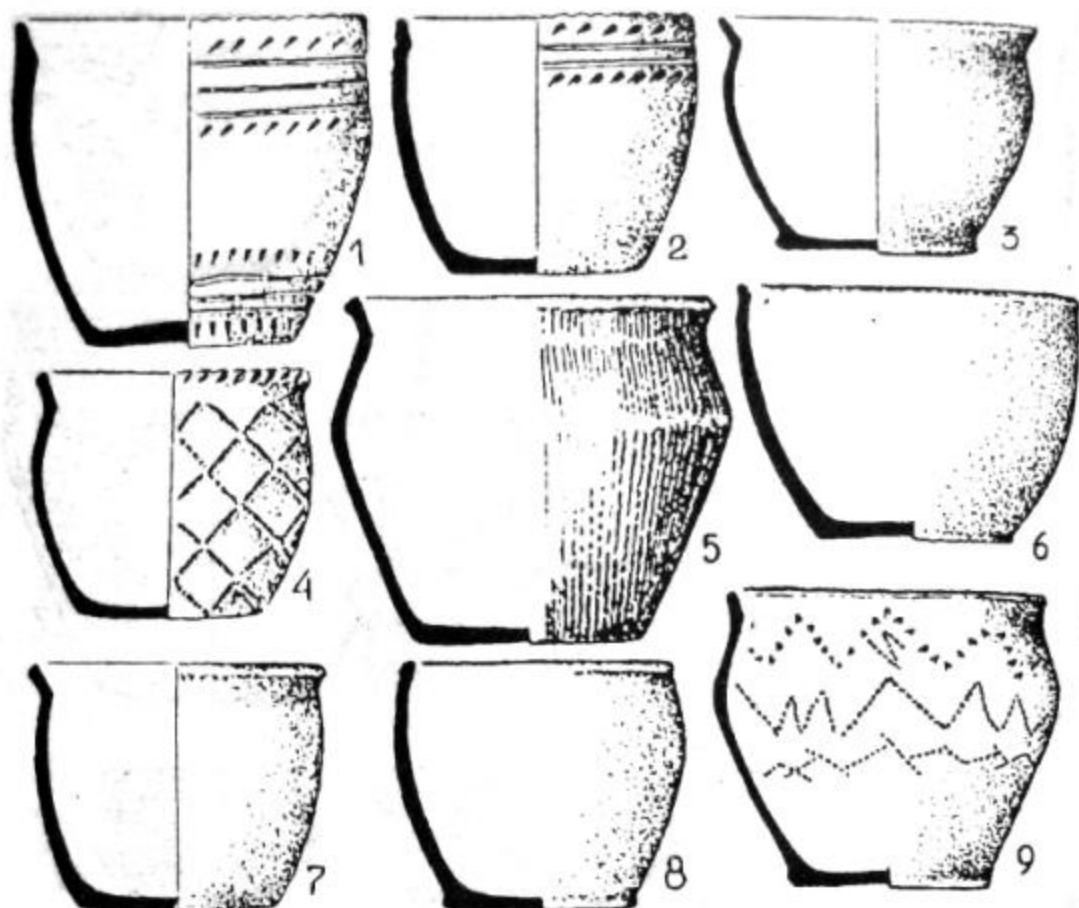

Рис. 7. Инвентарь погребений IV группы:
1, 2 — курган 9/погр. 1; 3, 7 — 28/насыпь; 4 — 28/3; 5, 8 — 28/6;
6 — 28/4; 9 — 28/8

Все это дает основание говорить не о смене культуры, на что могли бы указывать изменения обрядности, а о ее развитии. Сказанное касается и захоронений IV группы.

Прочий инвентарь немногочислен, но достаточно показателен. Прежде всего отметим наличие абашевских желобчатых подвесок с расширяющимися концами. Одна из них, сделанная из бронзы, найдена в погребении 4 кургана 10 вместе с такой же по форме, но полукруглой в сечении (см. рис. 3, 11, 12). Еще одна, серебряная, найдена в погребении 2 кургана 33 (см. рис. 3, 4). Три экземплярами представлены бронзовые браслеты. Вместе с подвесками в

погребении 4 кургана 10 встречен широкий желобчатый браслет с приостренными несомкнутыми концами (рис. 3, 13), а в погребении 1 кургана 17 — два браслета из толстого округлого в сечении прута (см. рис. 5, 5, 6). Возможно, браслету принадлежал и фрагмент бронзовой пластины из погребения 2 кургана 22.

Достаточно представительна серия бронзовых шильев, нередко с остатками деревянных рукоятей (см. рис. 3, 2; 4, 10-12), которые найдены в погребениях 1 и 2 кургана 16; 1 кургана 12; 2 кургана 33.

Двумя экземплярами представлены бронзовые ножинжалы, происходящие из погребения 2 кургана 2 (см. рис. 3, 19) и погребения 1 кургана 32 (см. рис. 6, 5). Единичны кремневые наконечники стрел, найденные в погребении 1 кургана 29 (см. рис. 5, 12, 13).

Перечень находок завершают каменный топор из погребения 1 кургана 6 (см. рис. 6, 8) и навершие булавы из погребения 2 кургана 13 (см. рис. 5, 16).

Показательно, что подавляющее большинство бронзовых украшений и шильев встречено в погребениях I и II групп. Как и обряд захоронения, они находят прямые аналогии в материалах средневожской абашевской культуры. В то же время прутковые браслеты из погребения 1 кургана 17 (группа III) связываются с позднеабашевскими древностями Подонья и памятниками так называемого покровского типа в Поволжье¹¹. Погребение с булавой, аналогии которой происходят из памятников того же круга¹², также оказалось в группе III.

Таким образом, характер инвентаря подтверждает хронологический приоритет погребений I и II групп по отношению к захоронениям III группы. Но он еще не отвечает на вопрос, насколько ранними являются первые две группы и как долго они существуют. В этом отношении примечате-

лен нож из погребения 2 кургана 2. Характерными особенностями ножа, отличающими его от типично абашевских древностей, являются параллельные грани, опущенные вниз края лезвия и отсутствие подромбического окончания черенка. По своему характеру он близок к ножам второго привольненского типа, широко представленным в донецких катакомбных древностях¹³. Но подклетненский нож отличается от них опущенными краями лезвия. Чуть ли не единственным аналогом его является нож из погребения раннего этапа среднедонской катакомбной культуры могильника Прилепы-2¹⁴. Это обстоятельство наводит на мысль о возможности частичной синхронизации I и II групп погребений Подклетненского могильника с ранним этапом среднедонской катакомбной культуры.

Достаточно широк хронологический диапазон этих погребений. Чтобы убедиться в сказанном, сошлемся на желобчатый браслет, обнаруженный в погребении 4 кургана 10. Распространение такого рода браслетов зафиксировано в Синташте¹⁵ и комплексах, выделяемых самарскими археологами в потаповский тип¹⁶, как, впрочем, и в памятниках "покровского" типа¹⁷. Там же находит аналогии ряд зафиксированных в Подклетненском могильнике признаков погребального обряда (подгруппа IIIб и внегрупповые захоронения): северная и северо-восточная ориентировка, особенно крупные размеры могильных ям и сложное их устройство, наличие жертвенников с черепами и костями крупного рогатого скота и лошадей, расположение инвентаря не только в могилах, но и возле них.

Но в синташтинско-потаповских комплексах куда лучше сохранность органических остатков, что в значительной степени и позволило выявить там наличие коллективных захоронений и захоронений воинов-колесничих, включая остатки колесниц и псалии. С учетом широкого распростра-

нения в доно-волжском регионе воинских захоронений, в том числе и захоронений колесничих¹⁸, нельзя исключать возможность их наличия и в Подклетненском могильнике.

Таким образом, выделенные группы погребений Подклетненского могильника отражают, с одной стороны, хронологические изменения погребального обряда, а с другой — фиксируют нарастающую дифференциацию общества.

Наиболее ранними в могильнике являются погребения I и II групп. Выше уже отмечалось, что и по обрядовым признакам, и по инвентарю они находят наибольшее число соответствий в средневолжских абашевских памятниках. Это, однако, не является показателем их безусловной синхронности. Во-первых, сами погребения I и II групп неодновременные. Древнейшие из них, проявляющие катакомбные черты, по ныне принятым представлениям датируются не позднее конца первой четверти II тыс. до н.э. Во-вторых, несмотря на стремление некоторых исследователей удревнить средневолжские абашевские памятники¹⁹ их относительная хронология остается дискуссионной. В этой связи укажем, что Пепкинский курган, считающийся одним из наиболее ранних на Средней Волге²⁰, достаточно надежно синхронизируется с воинскими захоронениями абашевского круга Восточной Европы и Зауралья²¹. Между тем этим погребениям в Подклетненском могильнике соответствует более поздняя III обрядовая группа.

Подчеркнем, что отмечаемая для данного памятника смена погребального обряда не повлекла за собой существенных изменений в керамическом комплексе: здесь фиксируется плавная эволюция ведущих форм сосудов и их орнаментации. Некоторые же инновации с чертами, указывающими на их восточное происхождение, не имеют здесь массового распространения. Это заставило усомниться в правомерности возведения признаков, присущих социально

значимым захоронениям, в ранг чуть ли не культурных индикаторов.

Подчеркнем, что в инвентаре погребений III группы проявляются и те черты, которые, как нам представляется, неправомерно называются покровскими. Не случайно, в рамках Подклетненского могильника, они выглядят как результат развития доно-волжской абашевской культуры, а не смены ее продвинувшимся сюда населением. И лишь в погребальном обряде и в инвентаре IV группы, наиболее поздней среди рассматриваемых захоронений, достаточно широко представлены признаки, которые в дальнейшем получают развитие уже в срубной культурно-исторической общности. Именно по отношению к ним возможно применение термина "памятники покровского типа", а вернее, своего рода переходные памятники, которые, фиксируя поздний этап абашевских древностей, в своей основе открывают уже пласт памятников срубной культурно-исторической общности.

Полученная картина убедительно подтверждается самой планиграфией Подклетненского могильника. Курганы I и II групп составляют ядро. Курганы с погребениями III группы либо примыкают к этому ядру, либо образуют изолированную группу к югу от него, а часть погребений впущена в более ранние насыпи. И, наконец, погребения IV группы оказываются впускными по отношению к захоронениям, включенными в другие группы.

¹ Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. - СПб., 1995.

² Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1992.

³ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. - Самара, 1994.

⁴ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. - Воронеж, 1977. - С. 9-20.

⁵ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М., 1974.

⁶ Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). - Воронеж, 1983.

⁷ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). - М., 1975. - С. 50; Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. - М., 1987. - С. 145.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. - С. 92-95, табл.2.

¹¹ Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология восточноевропейской степи. Вып. 3. - Саратов, 1992. - С. 26-29, рис. 1, 9, 10 и др.

¹² Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. - Саратов, 1991. - С. 37, рис. 7, 3, 5, 8 и др.

¹³ Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). - Киев, 1976. - С. 49-51, рис. 22, 8; 24, 5, 10 и др.

¹⁴ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. - Воронеж, 1991. - С.4, 17, рис. 3, 2.

¹⁵ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей.

пей. - С. 274, рис. 153, 1; С. 291, рис. 163, 5, 6; С. 307, рис. 175, 6; др.

¹⁶ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. - Спб., 1992. - С. 60-62, рис. 3, 17; 5, 10.

¹⁷ Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья. - С. 29, рис. 1, 12, 15.

¹⁸ Матвеев Ю.П. Воинские погребения эпохи средней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.): Матер. межд. конф. - Киев, 1991. - С. 117-119; Пряхин А.Д., Беседин В.И. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // Studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis. - 1992. E. 37. - С. 51-59; Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии: Материалы к курсу археологии России. - Уфа, 1993. - С. 14-19.

¹⁹ Кузьмина О.В. Абашевская культура лесостепного Волго-Уральского междуречья. - Самара, 1992. - С. 74-75.

²⁰ Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). - Йошкар-Ола, 1966. - С. 25-36.

²¹ Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. №3.

ГЛАВА II

КОНСКАЯ УЗДА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И СТЕПИ *

С заключительным этапом периода средней бронзы лесостепи и степи Евразии связано широкое распространение свидетельств массового использования лошади в качестве упряжного животного – щитковых (дисковидных) псалиев, значительная часть которых связывается с комплексами доно-волжской абашевской культуры. Первая сводка псалиев эпохи бронзы волго-уральского региона, опубликованная в начале 60-х гг. К.Ф. Смирновым, открывалась псалиями из расколотой пополам кости¹. О щитковых псалиях в ней речи еще не шло. С этих пор псалии эпохи бронзы привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Они стали постоянным предметом типологических построений и дискуссий, чему способствуют все новые и новые находки. Достаточно сказать, что в работе В.С. Горбунова начала 90-х гг. только с памятников волго-уральского региона учтено свыше 20 местонахождений псалиев, включая уже и находки щитковых псалиев². В более поздней сводке Е.Е. Кузьминой (и к моменту выхода работы уже далекой от полноты) уч-

* В основе главы – опубликованные ранее статьи: Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. – 1998. №3. – С.22-35; Они же. К интерпретации псалиев староюрьевского типа и их орнаментации // Матеріали міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Евразії" (від кам'яного віку по ранне середньовіччя). – Дніпропетровськ, 1999. – С.97-98.

тено свыше 60 памятников и местонахождений эпохи бронзы в степи и лесостепи Евразии с более чем 100 находками³. В появившейся позже типологической схеме Ю.В. Гончаровой, содержащей, к сожалению, ряд неточностей, использовано уже более 70 экземпляров одних только щитковых псалиев с шипами, происходящих с 39 памятников⁴.

Нет необходимости доказывать, сколь существенное значение ныне придается оценке этой категории псалиев в хронологических построениях. Дело в том, что фиксируемый факт распространения близких типов этих изделий на обширных пространствах Евразии позволяет синхронизировать различные комплексы и культуры.

На этом фоне в тени остался подход, учитывающий не только глобальные диахронные построения, но и локальные особенности псалиев в пределах отдельных культур и культурно-исторических образований эпохи бронзы⁵. Заметим, что подобная идея была заложена еще в работе К.Ф. Смирнова, в частности в выделении им первого поволжского или поволжско-казахстанского типа псалиев⁶.

Значительное расширение круга источников привело к тому, что значительная часть псалиев ныне публикуется в виде подчас весьма схематичных рисунков, без сколько-нибудь подробного описания каждой из находок. При этом иногда опускаются важные конструктивные детали, не говоря уже о следах использования. Результатом явились многочисленные неточности в последующих формально-типологических построениях.

На протяжении ряда лет нами *de visu* изучались щитковые псалии с шипами из собраний музеев Воронежа, Тамбова, Липецка, Самары, Саратова, Екатеринбурга, Челябинска и других городов. Наиболее обстоятельному изучению подверглись находки с территории доно-волжского региона. Большая часть приводимых прорисовок выполнена

нами непосредственно с оригинальных изделий и в некоторых деталях может отличаться от авторских публикаций. По некоторым из них есть к тому же и результаты выполненного А.Н. Усачуком трасологического анализа⁷.

Мы опирались на сведения о более чем 60 находках дисковидных псалиев с шипами, их деталей или фрагментов из 30 памятников с территории Восточной Европы (рис. 8). Подавляющее их большинство расположено в доноволжской лесостепи и в прилегающих районах Заволжья. Причем подобная концентрация не является отражением степени археологической изученности различных регионов. Напротив, наибольшее число находок получено из относительно слабо исследованных районов северной доноволжской лесостепи.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют проследить стадии изготовления и эксплуатации щитковых псалиев. Для обработки кости применялись металлические и кремневые инструменты. Отмечены следы резки, строгания и перетирания (распиливания лезвием без зубцов). Для уплощения и выравнивания поверхности изделий использовался абразив. Отверстия, по наблюдению А.Н. Усачука, сверлились как станковым, так и ручным сверлом⁸.

Зафиксированные следы термической обработки могли иметь, как мы полагаем, двоякий характер: во-первых, это распаривание кости для облегчения процесса изготовления и, в частности, для вставки шипов; во-вторых, сухой нагрев готового изделия с целью придания ему большей твердости.

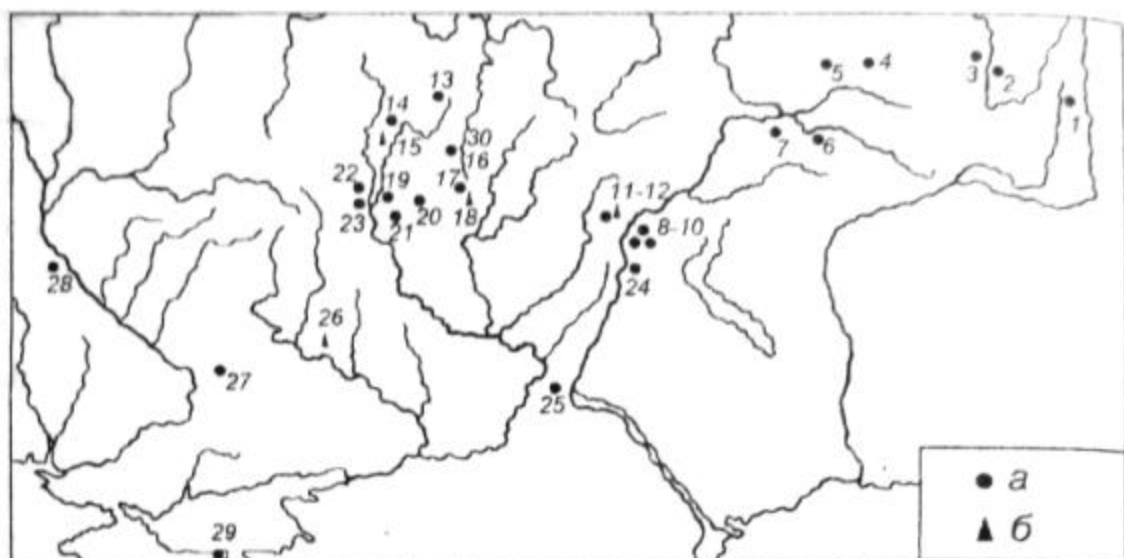

Рис. 8. Карта распространения щитковых (дисковидных) псалиев с шипами на территории Восточной Европы

а — находки псалиев, б — находки шипов

- 1 — Тавлыкаево IV; 2 — Веселый; 3 — Баланбаш; 4 — Сурушское;
 5 — Потаповский; 6 — Красноселка; 7 — Утевский IV;
 8–10 — Бородаевка II, Старицкое, Березовка; 11–12 — Золотая
 гора (Большая Дмитриевка), Сторожевка; 13 — Староюрьево;
 14 — Филатовский; 15 — Введенка; 16 — Селезни-1; 17 — Пичаево;
 18 — Власовский; 19 — Отрожка; 20 — Софьино; 21 — Кондраш-
 кинский; 22 — Богоявленский; 23 — Кондрашевка; 24 — Красно-
 полье; 25 — Баранниково; 26 — Ильичевское; 27 — Богуслав;
 28 — Трахтемиров; 29 — Каменка; 30 — Селезни-2

Общий облик рассматриваемых псалиев хорошо известен. Это щиток со вставными или моноклитными шипами, большим центральным отверстием и одним или несколькими меньшими отверстиями, расположенными как на периферии щитка или его боковой поверхности, так и на примыкающей к нему планке. Причем планка может и отсутствовать.

Схема крепления псалиев, правда применительно к желобчатым изделиям, была установлена еще К.Ф. Смир-

новым. Согласно его реконструкции, основу узды составлял намордник (капцуг, недоуздок). К планке крепился низко опущенный наносный ремень, к мягким удилам – подгубный и пропущенный через боковое отверстие нащечный ремни⁹. Сходный способ крепления дисковидных псалиев с шипами был предложен одним из авторов для находок из погребения доно-волжской абашевской культуры у с. Староюрьево на территории Тамбовской области (рис. 9, 1-2)¹⁰. Н.Н. Чередниченко полагал, что крепление пропущенного через боковое отверстие нащечного ремня к удилам с внутренней стороны вообще являлось общим признаком для псалиев евразийских степей и Карпато-Дунайского бассейна¹¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют внести определенные коррективы в изложенные построения. Прежде всего это касается способа крепления нащечного ремня. Дополнительное изучение староюрьевских псалиев показало отсутствие на обратной стороне щитка узколокализованных следов, которые можно было бы связать с креплением нащечного ремня к удилам. А наличие сильной заполировки на поверхностях у бокового отверстия правого псалия позволяет предположить, что ремень крепился непосредственно к нему (рис. 9, 3). Это наблюдение подтверждается случаями расположения бокового отверстия напротив одного из шипов, когда крепление нащечного ремня к удилам невозможно (рис. 9, 4-5; 10, 1,3,8). По-видимому, не использовался и подгубный ремень. Во всяком случае, на тех псалиях, где центральное отверстие окружено с внутренней стороны конической втулкой, характерные следы износа отсутствуют.

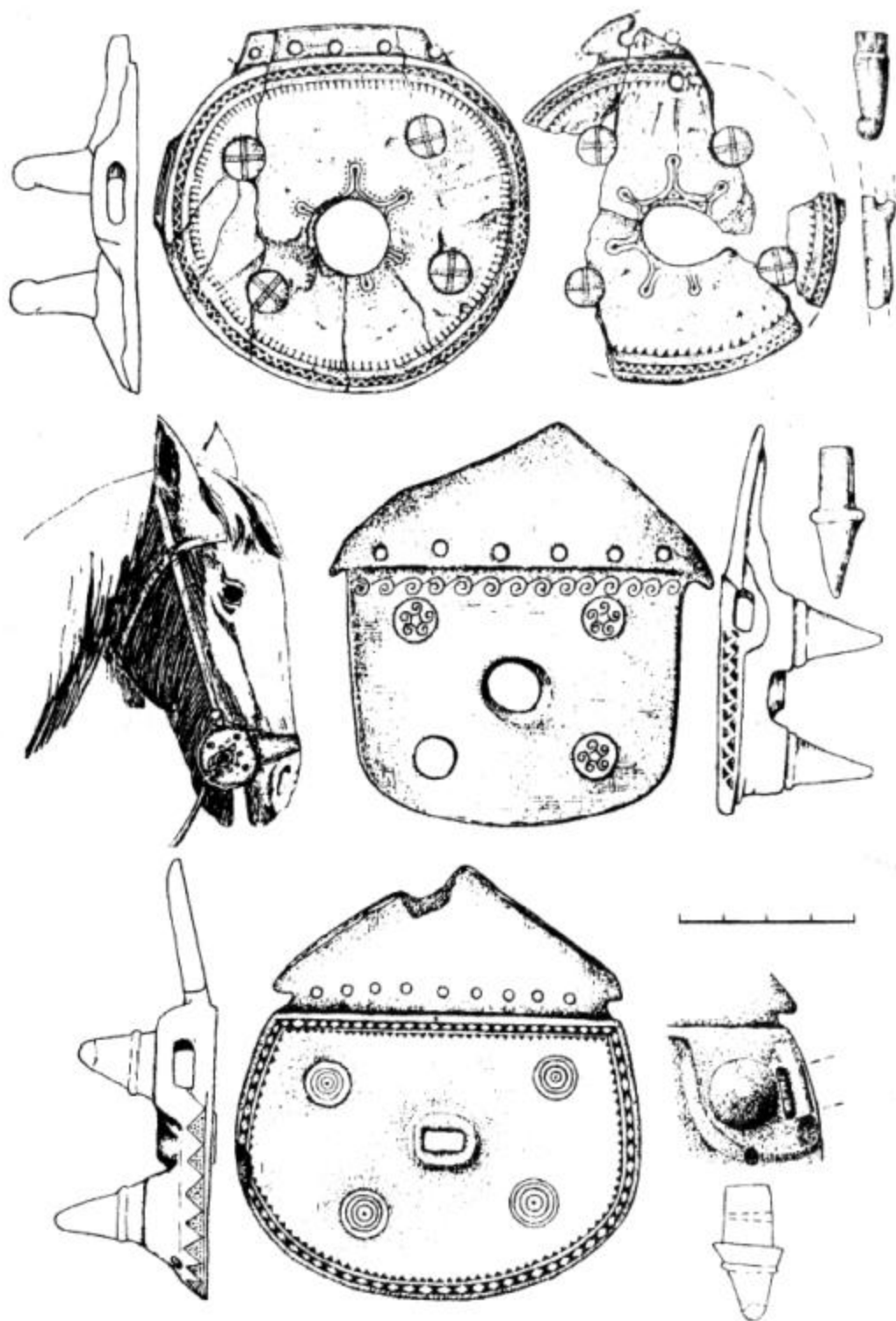

Рис. 9. Псалии из Староюрьево и их аналогии
 1,2 – Староюрьево, курган 2, погребение 2; 3 – реконструкция
 употребления староюрьевских псалиев; 4 – Богоявленский, по-
 гробение 3; 5 – Филатовский, погребение 1

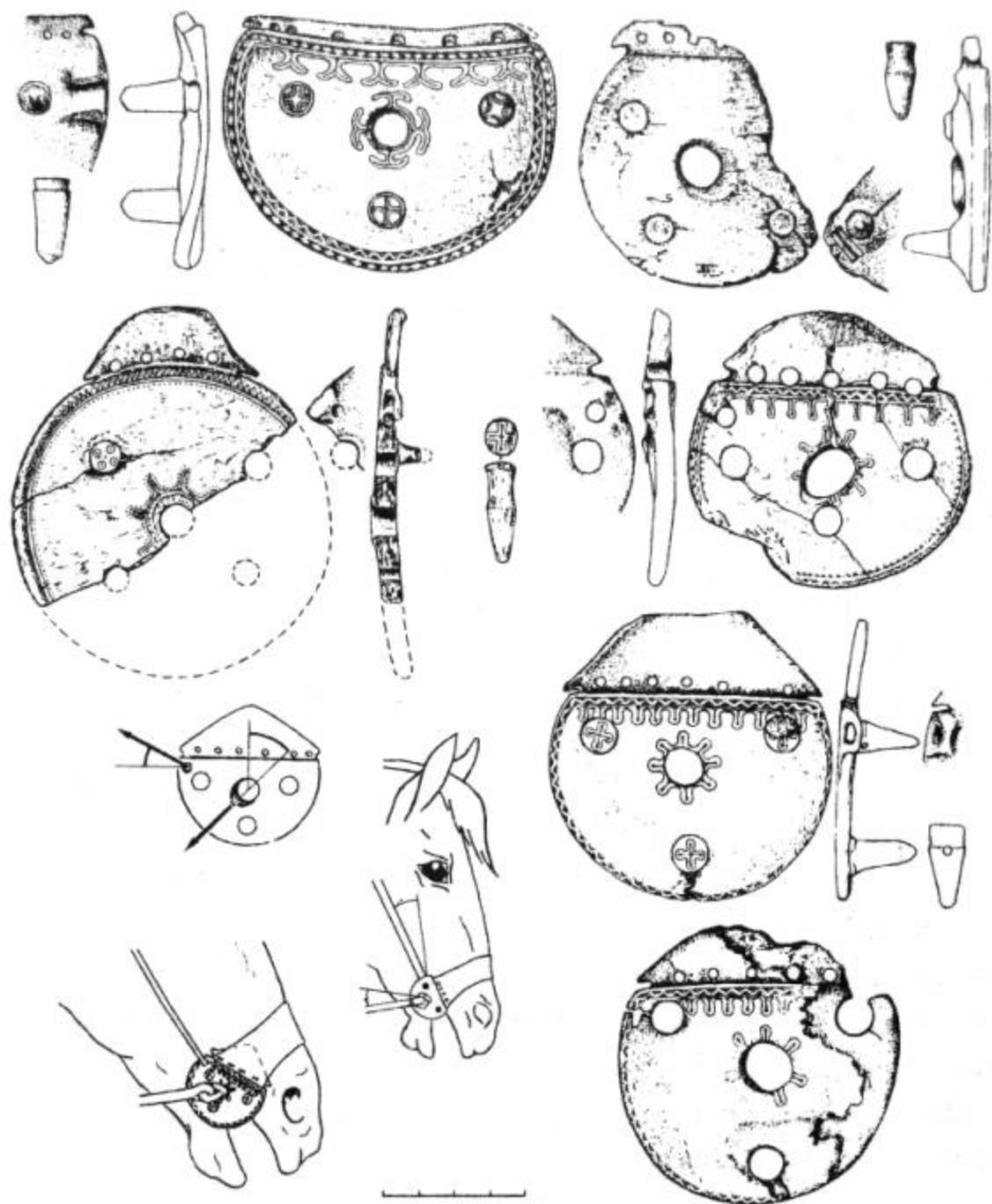

Рис. 10. Псалии староюрьевского типа

1,2 – Пичаево, погребение 1; 3,4 – Селезни-1, погребение 2;
 5-7 – схема механических воздействий и реконструкция употребле-
 ния псалиев с тремя шипами; 8,9 – Потаповский, курган 5, по-
 гробение 8

Псалии из Староюрьева представляют значительный интерес еще и потому, что несут многочисленные следы длительной эксплуатации и переделок. Так, на хорошо сохранившемся правом псалии, возможно, была укорочена планка, для чего она была надпиlena с двух сторон. В пользу подобного предположения говорит слабая заполировка боковой поверхности, явно не соответствующая состоянию остальных частей щитка и планки. Показательно, что аналогичная картина фиксируется и еще на одном из псалиев с узкой планкой, происходящем из захоронения доново-волжской абашевской культуры Пичаевского кургана на территории Тамбовской области (рис. 10, 1). Причем, как отмечает А.Н. Усачук, прием перетиранья (распиливания лезвием без зубцов) особенно характерен для изготовления именно узких планок.

Ранее уже отмечались некоторые различия правого и левого староюрьевских псалиев. Щиток первого значительно сильнее изношен. Есть несоответствия в орнаменте. Наконец, правый псалий — единственный из изученных трапезологически, у которого отверстия для шипов изготовлены не сверлением, а резкой. Предложенное ранее объяснение сильной изношенности правого псалия большей нагрузкой на него при управлении¹² подтверждается на других парных экземплярах.

Но в случае со староюрьевскими находками нельзя исключать и того обстоятельства, что левый псалий был изготовлен позже, взамен сломавшегося. Тогда же были изготовлены и шипы для обоих экземпляров, которые на правом псалии явно моложе щитка. Для новых шипов отверстия были аккуратно подрезаны. Орнамент на новый псалий наносился по прежнему образцу. Но он не являлся его точной копией. Впрочем, и вновь изготовленный экземпляр не остался неизменным. На нем уже в ходе эксплуатации

было просверлено отверстие в верхней части щитка, через которое пропусклся какой-то ремешок.

Определенное представление о первоначальном облике староюрьевских псалиев дают менее изношенные экземпляры из погребений доно-волжской абашевской культуры в Богоявленском (Воронежская обл.) и Филатовском (Липецкая обл.) курганах (рис.9, 4,5)¹³. Подчеркнем, что планка у них, как и у других находок, хорошей сохранности, имеет значительные размеры и треугольную или трапециевидную форму.

Богоявленский комплекс дал весомые свидетельства использования наряду с костяными и деревянными псалиев – костяные втулка и два шипа без каких-либо следов костяного щитка¹⁴. Аналогичная ситуация зафиксирована в кургане 1 у пос. Сторожевка на территории Саратовской области, где найдены семь шипов (один не сохранился – ?), опять же без остатков щитков¹⁵.

Значительна серия псалиев, имеющих три шипа. Их синхронность с четырехшипными экземплярами документируется многочисленными случаями совместного нахождения в закрытых комплексах (рис.10, 1,2,3,4). В Пичаевском кургане они были помещены вместе, один на другом¹⁶, что предполагает возможность принадлежности их одной уздечке. Сохранившийся частично неорнаментированный псалий еще в древности ремонтировался – трещина возле шипа была стянута бронзовой скобой (рис.10, 2).

Дополнительные материалы к изучению эксплуатации псалиев и реконструкции узды дают находки из погребения 2 доно-волжской абашевской культуры могильника Селезни-1¹⁷. Обращает на себя внимание то, что направление канала бокового отверстия на одном из псалиев и следов потертости от нащечного ремня на другом не перпендикулярно оси симметрии изделий, как следовало бы ожидать, а находит-

ся под довольно острым углом к нему (рис.10, 3-5). Подобное отклонение фиксируется и на проанализированных выше находках. Но там оно менее значительно. На наш взгляд, объяснение следует искать в особенностях крепления псалиев на морде лошади. При расположении оси изделий перпендикулярно к губам один из шипов неизбежно оказывался между зубами и мог быть закусен. Направление нащечного ремня и характер изношенности центрального отверстия определяют степень поворота псалия (рис. 10, 6-7). При такой реконструкции один из шипов давил на угол рта, а два других – на губы лошади.

Правый псалий из кургана 1 могильника Селезни-1 отличается от рассматриваемых здесь находок отсутствием торцевого отверстия. Для крепления нащечного ремня на нем поверх орнамента (!) у края щитка просверлено отверстие. Внимательное изучение изделия позволило, однако, зафиксировать на обратной стороне щитка два почти полностью сnivelированных бугорка, которые сильно залощены проходившим здесь ремешком (рис.10, 4). Напрашивается предположение, что это остатки сломавшейся и срезанной планки для торцевого отверстия. В качестве дополнительного аргумента сошлемся на безусловно парные экземпляры из Потаповского могильника в лесостепном Заволжье¹⁸. На левом экземпляре потаповских псалиев имеется аналогичное староюрьевским псалиям торцевое отверстие (рис. 10, 8). На правом же псалии отверстие, как и на псалии из могильника Селезни-1, просверлено поверх орнамента у края щитка (рис. 10, 9). Обратная сторона щитка разрушена и остатки боковой планки не фиксируются. Но в том, что она была, у нас сомнения нет.

Псалии, подобные селезневскому и потаповскому, часто относят к иной разновидности, чем староюрьевские, причем типологически более ранней. В основу кладется

подход с позиций развития от простого к сложному. Мы проанализировали и ряд других аналогичных находок (рис.11). На псалии из погребения доно-волжской абашевской культуры в Кондрашкинском кургане на территории Воронежской области (рис.11, 1) вторичный характер нанесенного поверх орнамента отверстия документируется результатами трасологического анализа¹⁹. У экземпляров, происходящих из могильника Красноселки (Самарская обл.), края дисков разрушены, но на одном из них отверстие у края опять же просверлено по орнаменту (рис.11, 2,3)²⁰. Край псалия с поселения Богуслав (Днепропетровская обл., Украина) вообще стерт до самого шипа (рис. 11, 4). Сильно изношено изделие с поселения Отрожка в черте современного г. Воронежа²¹. Отверстие у края щитка на нем врезано в шип, поскольку иначе его нельзя было сделать (рис.11, 6). Судя по имеющимся фотографиям, не сохранился край щитка утраченного ныне псалия из Кондрашевки на территории Воронежской области²². В литературе часто приводится опубликованный А. Оанча псалий с поселения Сарату-Монтеору в Румынии²³. Но при этом почему-то упускается из виду, что и этот экземпляр неоднократно ремонтировался: поломанный щиток был скреплен, его край срезан, поверх орнамента просверлены отверстия для крепления нащечного ремня, возможно даже повторно (рис. 11, 5).

Не ясна ситуация только с изделием из могильника Каменный Амбар-5, расположенного уже в Зауралье. Авторы публикации отмечают многочисленные следы ремонта на происходящих оттуда псалиях: спил и зашлифовку сломанных шипов, просверливание отверстия или его наметка на месте сломанного шипа и т.д.²⁴ Судя по публикации, у интересующего нас экземпляра край щитка поврежден (рис. 11, 7).

Рис.11. Псалии, производные от староюрьевского типа
 1 – Кондрашкинский, погребение 1; 2,3 – Красноселка;
 4 – Богуслав; 5 – Сарату-Монтеору; 6 – Отрожка; 7 – Каменный
 Амбар-5, погребение 8; 8-10 – Веселый; 11 – Золотая гора, кур-
 ган 2, погребение 1; 12 – Краснополье, курган 2, погр. 4

Тем самым фиксируемое на псалиях с планкой отверстие у края щитка в большинстве случаев оказывается вторичным. Возможно и иное объяснение. Чтобы не нарушать целостности композиции, на орнаментированных изделиях отверстие прорезалось сбоку. В то же время на лишенных декора псалиях оно делалось у края щитка. Но в любом случае мы имеем дело с одной и той же традицией крепления нащечного ремня.

Е.Е. Кузьминой опубликованы щитковые псалии с шипами из раскопанного И.М. Смирновым в 1920 г. кургана у хут. Веселый близ Стерлитамака в Башкирии²⁵. Псалии из Веселовского кургана наряду с планкой для наносного ремня имели еще одну небольшую планку для крепления нащечного ремня, что послужило основанием для выделения ею этих псалиев в особый тип. Заметим, что в состав названного комплекса входило три псалия (рис. 11, 8-10), предположительно определенных И.М. Смирновым как пряжки²⁶. Обращает на себя внимание третий, не публиковавшийся ранее, псалий. Он имеет узкий прямоугольный (?) щиток с примыкающей треугольной планкой, вставные шипы и боковое отверстие для крепления нащечного ремня (рис. 11, 10). Внешний облик изделия сближает его с желобчатыми псалиями 1 типа по К.Ф. Смирнову, но все конструктивные особенности характерны для псалиев староюрьевского типа. Насколько можно судить по рисунку, стилистические особенности оформления планок и шипов всех трех псалиев из данного захоронения позволяют предполагать их изготовление одним мастером. Что касается различий в оформлении отверстия для нащечного ремня, то это возможно объясняется характером материала: для первых двух использовались слишком тонкие заготовки, не позволившие прорезать боковое отверстие.

Комплекс из кургана у хут. Веселый позволяет связать псалии староюрьевского типа с некоторыми находками

с территории Нижнего Поволжья. Псалии из могильника Золотая гора на территории Саратовской области сохранились во фрагментированном виде. Однако в совокупности они дают представление о их первоначальном облике²⁷. Как и в кургане у хут. Веселый, они имели удлинённый плоский (!) щиток, планку и специально оформленное боковое отверстие, но уже монолитные шипы (рис.11, 11). Аналогичные конструктивные особенности характерны и для хорошо известных псалиев из Краснополья (рис. 11, 12)²⁸. Н.М. Малов попытался реконструировать их как один, имеющий две симметрично расположенные планки для наносного и подгубного ремней²⁹. Исследователь не учел, что при подобной реконструкции вся нижняя часть изделия утрачивает какую-либо функциональную нагрузку, в частности отверстия на планке вообще оказываются под мордой лошади. В обоснование своей реконструкции Н.М. Малов отмечает, что фрагменты псалиев совмещаются. Однако поверхность соприкосновения незначительна, что, как нам представляется, не позволяет признать приводимую им реконструкцию достоверной.

Сходство в креплении ремней к староюрьевским и желобчатым псалиям уже неоднократно отмечалось ранее³⁰. Находки из Веселого, Краснополья и Золотой горы надёжно документируют их типологическую взаимосвязь.

Подводя итог обзору этой группы псалиев, выделим их наиболее характерные черты. Важнейшим функциональным признаком является крепление нащечного ремня к щитку в его верхней части. Вместе с ним использовался крепившийся к планке широкий наносный ремень. Эти признаки устойчиво связаны с традицией орнаментации щитка и изготовлением вставных шипов.

Прежде чем дать оценку остальных находок, отметим, что из крепящихся к псалиям ремней оголовья функционально необходимым является только нащечный, поскольку удерживает удила в углах рта лошади. Поэтому при любой

конструкции узды должно предполагаться его наличие. Для характеристики узды важны и другие признаки. Во-первых, сработанность центрального отверстия на псалиях всегда направлена вниз и вбок, к шее лошади. Эта сработанность хорошо фиксируется на изделиях и опознается даже по публикациям. Во-вторых, удила и нащечный ремень оказывали разное воздействие на изделие. Удила с прикрепленным к ним поводом в процессе эксплуатации стирали, разнашивали края отверстия, в то время как жестко закрепленный нащечный ремень вызывал сильную заполировку поверхностей.

Примечательны псалии из погребения 3 Филатовского кургана³¹. По большинству признаков они близки рассмотренным выше, но не имеют дополнительного отверстия на щитке (рис. 12, 1). Слабая изношенность изделий не позволяет визуально определить характерную для нащечного ремня заполировку. Размещение верхних шипов и отверстия для удил в одну линию предполагает, как отмечалось, наклонное положение псалиев, что исключает крепление нащечного ремня к отверстиям на планке.

В то же время на планках есть симметрично расположенные пазы, к которым, надо полагать, крепился нащечный ремень (рис. 12, 2). Скорее всего, сходным образом крепился ремень и к орнаментированному псалию из VI Утевского могильника в Заволжье (рис. 12, 3). Вместе с ним в одном комплексе (погребение 6 кургана 6) обнаружен еще один, уже неорнаментированный экземпляр (рис. 12, 4). Края его планки имеют нехарактерную для других изделий вогнутость, что, подобно пазам на Филатовских псалиях, может быть связано с фиксацией нащечного ремня. Среди многочисленных находок из VI Утевского могильника³² только эти два псалия имеют по три шипа и, возможно, использовались в одной уздечке.

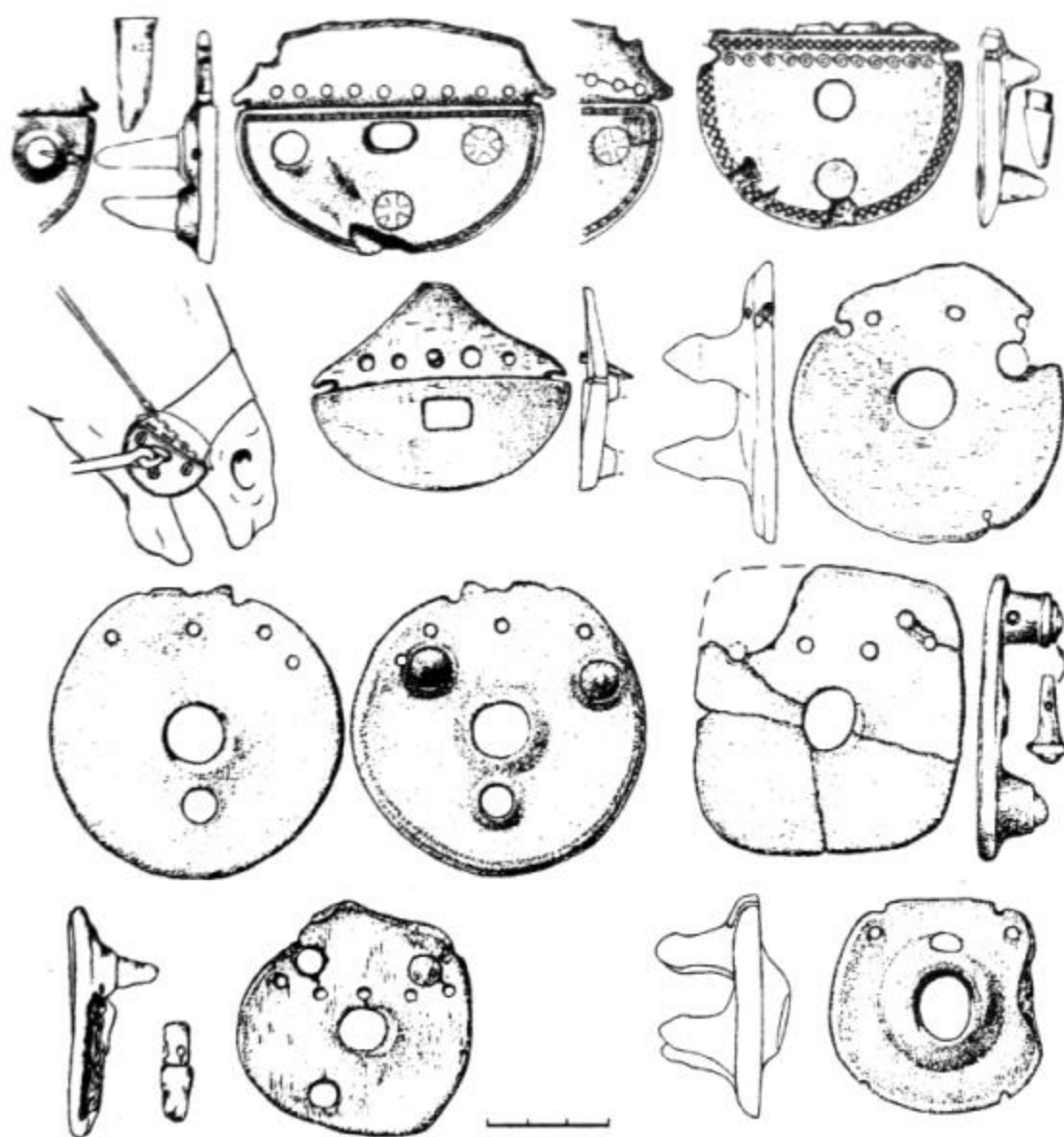

Рис. 12. Псалии Филатовского кургана и их аналогии из лесостепного Заволжья

1,2 – Филатовский, погребение 3 (псалии и реконструкция крепления); 3,4 – Утевский VI, курган 6, погребение 6; 5,6 – Филатовский, погребение 1; 7 – Филатовский, погребение 3; 8,9 – Потаповский, курган 3, погребение 4

Широкий наносный ремень использовался на псалиях без планки, также происходящих из Филатовского кургана и Потаповского могильника. На двух из них у края щитка есть и отверстия для крепления нащечного ремня (рис. 12, 5,6). Два других, хотя и найдены в разных могильниках, имеют одинаковую конструктивную особенность: отверстия для крепления ремней находятся ниже верхнего ряда шипов, почти вплотную к отверстию для удил (рис.12, 7,8). Такое их расположение, видимо, связано с тем, что к ним крепились одновременно и нащечный, и наносный ремни.

Иной характер имеют отверстия в верхней части щитка у еще одного изделия из Потаповского могильника (рис. 12, 9). Они различны: центральное имеет овальную форму, а расположенные по краям – округлые и меньших размеров. Очевидно их различное функциональное назначение. Оно определяется благодаря находкам из Трахтемирова под Киевом и Каменки в Крыму³³, поскольку в общих чертах сходно с системой крепления псалиев староюрьевского типа. Овальное отверстие в центре предназначалось для узкого наносного ремня, расположенные у края щитка округлые – для нащечного (рис. 13, 1-3). Именно своеобразный характер отверстия для крепления наносного ремня на перечисленных псалиях позволяет опознать его и на изделии из Потаповского могильника (рис. 12, 9). В таком случае нащечный ремень крепился вдоль края щитка поперечным прошивом через округлые отверстия и расположенные напротив них пазы в щитке.

Весьма однородная серия псалиев происходит из погребений 4 и 6 кургана 6 и из погребения 5 кургана 2 уже называвшегося VI Утевского могильника. Все они имеют щиток и примыкающую к нему планку с отверстиями. От псалиев староюрьевского типа их отличает отсутствие дополнительных отверстий на щитке, монолитные шипы и их размещение как на щитке, так и на планке, а также наличие вставных шпеньков (рис.13, 4-7). Аналогичные псалии широко распространены в Зауралье³⁴. Но в Восточной Ев-

ропе помимо VI Утевского могильника они не известны. Отдельные авторы предполагают наличие в подобных случаях крепления ремней к шипам, акцентируя при этом внимание на их фигурной форме³⁵. Не исключая такой возможности в принципе, нельзя не видеть, что для большинства утевских псалиев она тем не менее исключена. Различный характер отверстий на планке позволяет предполагать, что на утевских находках оба ремня крепились к ней.

Заметим, что подобное отличие в креплении нащечного ремня сохраняется и в более позднее время на псалиях из расколотой пополам кости: большинство зауральских псалиев (Аксайман, Сатан, Мирный IV и др.) не имеет бокового отверстия на щитке³⁶.

Среди восточноевропейских находок только три псалия имели по одному дополнительному отверстию: с поселения Баланбаш уральской абашевской культуры в Башкирии (рис. 13, 8), из Утевского VI (рис. 13, 9) и Потаповского (рис. 13, 10) могильников³⁷. Утевский экземпляр отличается от остальных наличием планки. Данных для реконструкции узды недостаточно. Следует, видимо, исключить возможность крепления нащечного ремня к центральному отверстию, поскольку на выступающих втулках Потаповского и Утевского изделий фиксируются только следы потертостей от удил. К тому же дуговидная поверхность щитков не обеспечивала надежной фиксации ремня, допускала его проворот, а значит и возможность сползания удил из углов рта лошади. Исходя из взаимного расположения шипов и отверстий мы допускаем возможность одновременного крепления нащечного и наносного ремней к меньшему.

Еще несколько дисковидных псалиев с шипами обнаружены в последние годы в саратовском Поволжье, причем как в левобережье, так и на противоположном берегу Волги (рис. 14)³⁸. По нашим представлениям, они происходят из комплексов, характеризующих поздний этап доноволжской абашевской культуры.

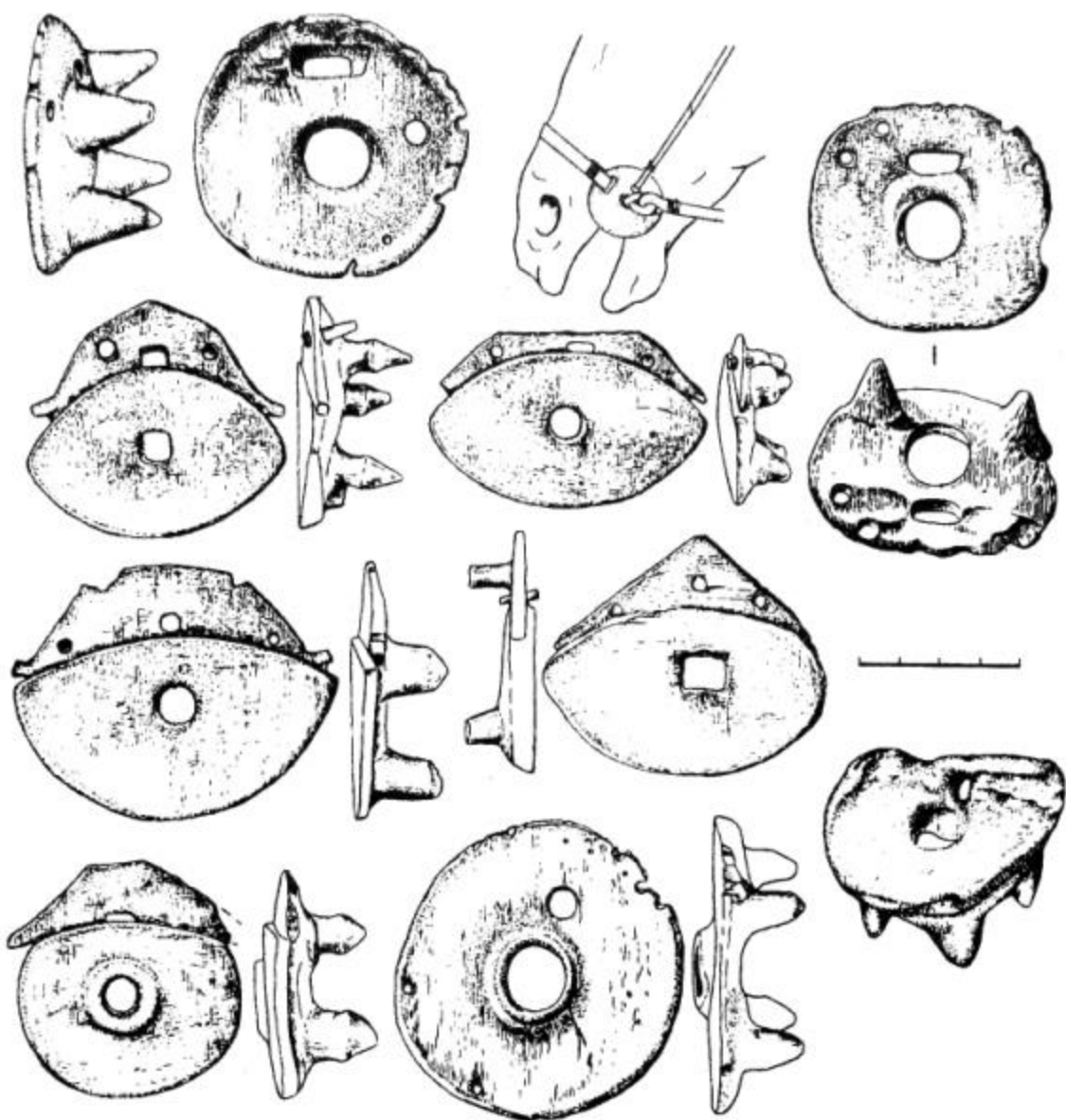

Рис. 13. Псалии южноуральского (синташтинского) типа
 1,2 – Трахтемиров (псалий и реконструкция их крепления);
 3 – Каменка; 4,5 – Утевский VI, курган 6, погребение 4;
 6,9 – Утевский VI, курган 6, погребение 6; 7 – Утевский VI, кур-
 ган 2, погребение 5; 8 – Баланбаш; 10 – Потаповский, курган 5,
 погребение 8

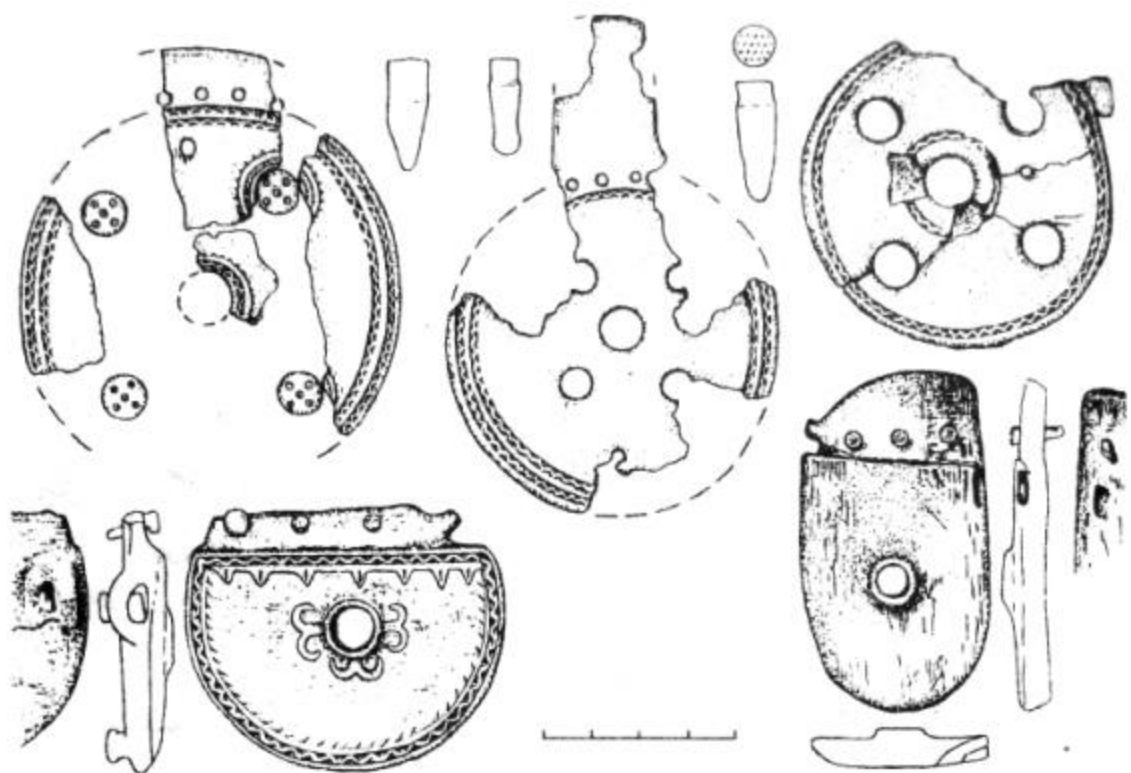

Рис. 14. Псалмы из степного Поволжья

1 — Старицкое; 2 — Бородаевка II (Калмыцкая гора), курган 1, погребение 21; 3 — Березовский, погребение 1; 4-5 — Золотая гора, курган 4, погребение 1

Большая часть этих находок сильно фрагментирована, утрачены диагностирующие детали. Однако реконструируемый облик изделий и характерная орнаментация не оставляют сомнений в их принадлежности к кругу староюртевских. Особенностью находок из кургана 4 уже упоминавшегося могильника Золотая гора является наличие вставных костяных шпеньков на планке (рис.14, 4,5). Кроме того, левый псалий из этого комплекса не имеет шипов.

Приводимый нами материал охватывает почти все известные находки щитковых псалиев с шипами с территории Восточной Европы. За рамками анализа остались фрагментированные экземпляры и заготовки (Софьино, Тавлыкаево IV, Суруш), как, впрочем, и неопубликованные пока находки

ки (например, псалий из раскопок Е.П. Мыськова у хут. Баранниково в Волгоградской области)*.

Для членения щитковых псалиев важнейшим функциональным признаком является предполагаемый способ крепления нащечного ремня, что нашло отражение в характере и расположении отверстий. По морфологическим признакам они делятся на изделия с планкой и без нее. Совокупность этих признаков и определяет исходный, весьма ограниченный набор разновидностей псалиев.

Многообразие форм щитка и планки, видимо, более отражает индивидуальный стиль мастеров. Надо думать, существовавшие в то время каноны не исключали творческой инициативы мастера, что, кстати сказать, нашло выражение и в исключительном разнообразии такой, казалось бы, сугубо функциональной детали псалиев, как шипы.

К сказанному остается добавить, что хотя типология и является неотъемлемым инструментом археологического исследования, тем не менее типологические построения не должны определяться лишь формальными признаками. Порой непонятно, что же кладется в их основу: материал, изделие древнего мастера или попавшая в землю вещь (что, как мы показали, не всегда тождественно). Конечно же, когда речь идет о костяных псалиях, типологические схемы нельзя строить исходя только из опубликованных прорисовок. Иначе появляются сложные типологические конструкции с алфавитно-цифровой индексацией, ссылки на которые заставляют каждый раз обращаться к первоисточнику, чтобы понять, о чем же идет речь. Заметим, что применительно к щитковым псалиям более рациональным представляется название типов по хорошо известным находкам, например: староюрьевский, синташтинский.

* Отсутствует и анализ многочисленной серии псалиев из кургана 1 могильника Селезни-2, которая была получена уже после того, как соответствующая статья была принята к печати в журнале "Российская археология".

При нынешнем состоянии источниковой базы и уровня разработки относительной хронологии можно с уверенностью говорить о том, что псалии с территории доново-волжской лесостепи, по крайней мере, не позже остальных изделий подобного рода. В подтверждение сказанного приведем схему их взаимовстречаемости (рис. 15).

Показательно, что доминирующие в доно-волжском междуречье псалии староюрьевского типа встречены совместно практически со всеми основными разновидностями, включая и морфологически наиболее простые. Этот факт хорошо известен. Тем не менее приводившиеся ранее типологические схемы дисковидных и следующих за ними псалиев из расколотой пополам кости строились на признании единого для евразийской степи и лесостепи эволюционного развития псалиев, без учета региональных особенностей. Между тем всякая типологическая схема может отражать реальную эволюцию только в случае надежно документированных различий в хронологии отдельных типов. Иначе она допускает неоднозначность трактовок, особенно при разной географической локализации.

Изложенные наблюдения показывают, что вопреки высказанному Е.Е. Кузьминой суждению о крайнем разнообразии и нестабильности форм псалиев, обусловленном поиском наиболее эффективных способов запряжки³⁹, в Восточной Европе на позднем этапе средней бронзы существовали фактически только две устойчивые традиции и весьма ограниченный типологический набор псалиев. Эти традиции можно определить как доно-волжскую, связанную прежде всего с носителями доно-волжской абашевской культуры, и южноуральскую. Их отличительной чертой является способ крепления нащечного ремня. На этот функциональный признак накладываются технологические, обусловившие размеры изделия, способ изготовления шипов и пр., декоративные и, в определенной степени, индивидуальный стиль мастеров.

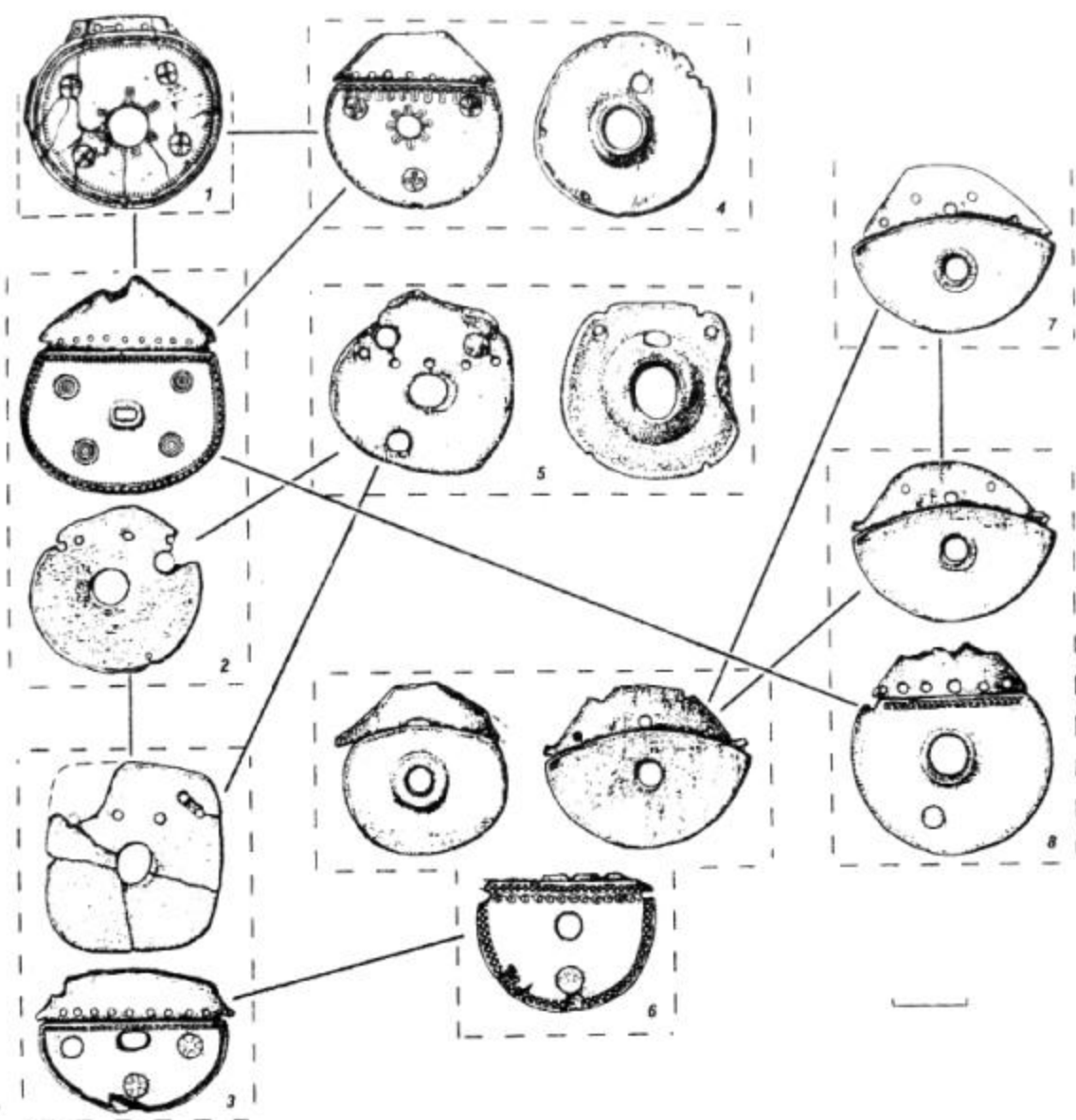

Рис. 15. Взаимовстречаемость разных типов псалиев
 1 – Староюрьево, курган 2, погребение 2; 2 – Филатовский, погребение 1; 3 – Филатовский, погребение 3 (лесостепное Подонье); 4 – Потаповский, курган 5, погребение 8; 5 – Потаповский, курган 3, погребение 4; 6 – Утевский VI, курган 6, погребение 6 (Волго-Уральское междуречье); 7 – Синташта, погребение 30; 8 – Каменный Амбар 5, погребение 8 (Зауралье)

Особо обратим внимание и на такую яркую особенность щитковых псалиев с шипами староюрьевского типа, как наличие на большинстве из них пышной орнаментации, имевшей определенное смысловое содержание*.

Сами орнаментальные композиции на псалиях тесно связаны с формой изделия. Это касается и псалиев, щиток у которых имеет форму диска, и псалиев, щиток у которых в форме усеченного диска (сегмента).

В обоих случаях центром сюжета является отверстие для удил. Его обрамляет многолучевая фигура, которая может рассматриваться как солярный знак. Связь с солярно-календарными представлениями хорошо подчеркнута на псалии из погребения 3 кургана Селезни-2 (рис. 16, 1), где между шестью отростками "сегнерова колеса" мастер преднамеренно оставил небольшой разрыв, заполнив его завитком спирали. Подобные композиции фиксируются на керамике доно-волжской абашевской культуры и получают дальнейшее развитие в срубное время, где они связываются с идеей годовичного цикла и противопоставления "живого" и "мертвого" времен года⁴⁰.

Край щитка у псалиев в форме диска украшен композицией, подчеркивающей идею круга как солярного символа (Староюрьево, курган 2, погребение 2; Селезни-1, курган 1, погребение 2; Селезни-2, погребение 3). По иному оформлен край щитка на псалиях в форме сегмента. Здесь по расположенной вдоль планки хорде орнамент дополнен поясом из волнисто-ленточного или V-образного узора (курган Кондрашкинский, погребение 1; Селезни-2, курган 1, погребение 4; Потаповский могильник, курган 5, погребение 8 и др.).

* Далее учтены и отдельные находки, происходящие из кургана 1 могильника Селезни-2.

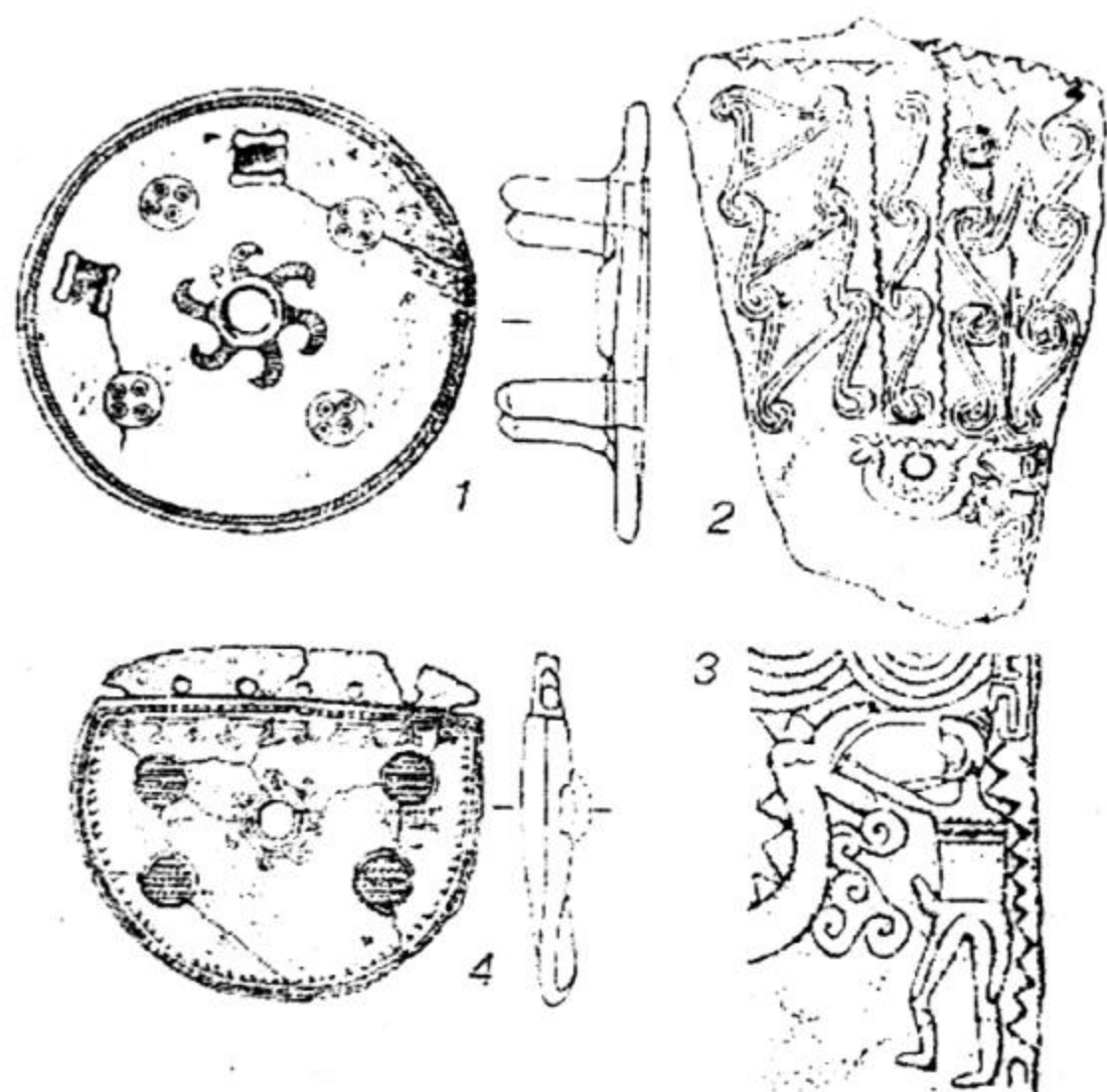

Рис. 16. Псалии староюрьевского типа и изображение на стеле из Разлога

1 – Селезни 2, погребение 3; 2-3 – стела из Разлога, общий вид и деталь (по: Lichardus & Vladár, 1996);

4 – Селезни-2, погребение 4

Трактовка этого сюжета возможна исходя из изображения на стеле из Разлога на юго-западе современной Болгарии (рис. 16, 2-3). Стела обнаружена при земляных работах и предварительно датирована XIV-XIII вв. до н.э.⁴¹ В ее нижней части наряду с другими изображениями есть

изображение ладьи, нос и корма которой украшены стилизованными головками "змей". В ладье под ограниченными горизонтальными линиями зигзагом помещен обрамленный лучами круг. Пространство снизу ограничено зигзагом, повторяющим внутренний контур ладьи. Изображение ладьи как бы воспроизводит сегментовидный псалий (рис. 16, 2,4).

Справа от ладьи находится фигура борющегося со "змеей" воина в шлеме, на одежде которого в районе груди нанесена орнаментальная композиция из двух горизонтальных линий, к которым примыкают подтреугольные вдавления с двойным зигзагом между ними. Позади фигуры есть вертикальный зигзаг (рис. 16,3).

Не вызывает сомнения, что в центральной части композиции стелы изображен широко распространенный сюжет солнечной ладьи. Однако наличие в ее оформлении головок "змей" дает непривычное сочетание. Бросается в глаза, что данный сюжет практически тождествен композиции на сегментовидных псалиях староюрьевского типа. Сходство дополняют выступы на планке псалиев, которые, при всей их функциональности, оформлялись особенно тщательно⁴². Тем самым есть основание сами псалии трактовать как своего рода изображение солнечного транспортного средства (колесницы) — сюжета, который нашел широкое распространение у индоевропейских (индоиранских в том числе) народов.

Таким образом, псалии староюрьевского типа скорее всего имели разнящуюся смысловую нагрузку: для дисковидных псалиев это влекомое лошадьми солнце, для сегментовидных — солнечная колесница. В этой связи, надо думать, находит объяснение и факт отсутствия самих колесниц в захоронениях доно-волжской абашевской культуры. В отличие от памятников синташтинского типа их здесь как бы замещали орнаментированные псалии. Причем за

58

мещали не просто по принципу "часть вместо целого", а как символ колесницы.

Завершая же анализ щитковых псалий с шипами, есть основание полагать, что для территории европейской, как и в целом евразийской степи и лесостепи, распространение колесниц (боевые и ритуальные) фиксируется, исходя их принятых датировок, примерно с середины первой половины II тыс. до н.э. и связывается с населением абашевской культурно-исторической общности или близкого им населения, прежде всего с носителями доно-волжской абашевской культуры.

¹ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. – 1961. №3.

² Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа, 1992. – С.136-138, 188-189.

³ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – С.171-188.

⁴ Гончарова Ю.В. К вопросу о классификации дисковидных псалиев с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. – СПб., 1996. – С. 34-43.

⁵ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж, 1988. – С. 128-129; Пряхин А.Д., Беседин В.И. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // *Studia minora facultatis philosophicae Universitatis Brunensis*. E 37. – Brno, 1992. – P.57-58.

⁶ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. – С. 49,61 и сл.

⁷ Усачук А.Н. О щитковидных псалиях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тез. докл. междунар. научн. конф. – Тамбов, 1996; др. раб.

⁸ Усачук А.Н. О щитковидных псалиях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея. – С. 27.

⁹ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. – С.50,51, рис. 3.

¹⁰ Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. – 1972. №3. – С. 237-238.

¹¹ Чередниченко Н.Н. Основные этапы развития конской узда Евразии в середине II – начале I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. – Киев, 1975. – С. 79; Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев, 1986. – С. 64,71.

¹² Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. – С. 238.

¹³ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курган у с. Богоявленское // СА. – 1991. №1. – Рис. 3; Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С.55, рис. 9,1.

¹⁴ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – С.126-128.

¹⁵ Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и использование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 55, рис.2,6-12.

¹⁶ Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С.73.

¹⁷ Моисеев Н.Б. Дисковидные псалии из Селезневской парной курганный группы // Абашевская культурно-историческая общ-

ность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тез. докл. междунар. научн. конф. – Тамбов, 1996.

¹⁸ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994. – С. 153, рис. 49, 2, 3.

¹⁹ Усачук А.Н. О щитковидных псалях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея. – С. 29.

²⁰ Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Работы Оренбургского пединститута // АО 1986. – М., 1988. – Рис. 1.

²¹ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитужья. – С. 124, рис. 5, 2, 5.

²² Латынин Б.А. Архаические круглые псаля с шипами // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С. 203, рис. 1.

²³ Oancea A. Branches de mors au corps en forme de disque // Thraco-Dacica. Recueil d'études a l'occasion du II Congres International de Thracologie. – Bucuresti, 1976. – P. 61-62, fig. 1, 3

²⁴ Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С. 175, 200, рис. 24, 4.

²⁵ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – С. 435, рис. 36, 2-3.

²⁶ Архив ИИМК. Д. 63/1920, л. 2-4, табл. 1.

²⁷ Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 124, рис. 2, 4, второй ряд.

²⁸ Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. – С. 47.

²⁹ Малов Н.М. Конструктивные особенности псаля из Краснополя // СА. – 1983. №4. – С. 205, рис. 1, 3.

³⁰ Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. – С. 237; Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях Евразий-

ских степей // КСИА. – 1980. – Вып. 161. – С. 15,16; Она же. Откуда пришли индоарии? – С.182.

³¹ Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. – С. 58, рис. 11,6,7.

³² Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. – Вып. 1. – СПб, 1992.

³³ Лесков А.М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. – 1964. №1; Рыбалова В.Д. Костяной псалий с посепения Каменка близ Керчи // СА. – 1966. №4.

³⁴ Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Поишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 113, рис. 2,1,3; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1992. – С. 158, рис. 75, 1-2 и др.; Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в южном Зауралье. – С. 198, рис. 22, 1-5; С. 200, рис. 24, 2-3.

³⁵ Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в южном Зауралье. – С. 175.

³⁶ Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Поишимья; Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – С. 181-182.

³⁷ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967. – С. 55, рис. 8,19; Латынин Б.А. Архаические круглые псалии с шипами. – С. 203, рис. 2; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – С. 132, рис. 28, 15.

³⁸ Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. – 1993. – Вып. В1-10. – Таб. 9, 12; 14, 31; Матюхин А.Д. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994; Дремов И.И. Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-

европейской степи и лесостепи: Тез. докл. и мат-лы конф. – Воронеж, 1996. – С.56, рис. 1,2; Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья. – С. 126.

³⁹ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – С. 180.

⁴⁰ Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. – 1996. № 2. – С. 22-23.

⁴¹ Tončeva G. Monumentalni skulpturni pametnici o kasno-bronzovata i ot rannoželjznata epoha v Bălgarija // Thracia. № 6 – Sofia, 1984. – S.91; Lichardus J., Vladár J. Karpatenbecken – Sintašta – Mykene: Ein Bétrag zur Definition der Bronzezeit als historischer Epoche // Slovenská Archeologia. B.XLIV.I. – 1996. – S.38.

⁴² Усачук А.Н. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж, 1998. – С.31-39.

К ОЦЕНКЕ ПРЕСТИЖНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КУРГАНА СЕЛЕЗНИ-2*

Чуть ли не наиболее значительным исследованным за последнее время курганом доно-волжской абашевской культуры, в том числе и с позиций наличия значительной серии щитковых псалиев с шипами, является курган 1 могильника Селезни-2 в бассейне р. Цны (Тамбовская область), раскопанный в 1997 г. экспедицией Тамбовского областного краеведческого музея и Воронежского государственного университета, давший серию престижных захоронений этой культуры¹.

Высота кургана на момент раскопок 1,6 м, диаметр 50 м. Первоначальная насыпь, даже без учета ее досыпки в срубное время, была большей – в пределах 2 м, при диаметре 30 м.

Под центром насыпи помимо разрушенного распашкой впускного захоронения срубной культурно-исторической общности оказались четыре располагавшиеся попарно по линии восток – запад могильные ямы и остатки девяти жертвоприношений абашевского времени (рис. 17).

Одна из пар могильных ям (1, 2) находится к югу от центра насыпи. Могильная яма 1 почти квадратной формы. Ее размеры 4,2 на 4,2 м, при глубине от уровня погребенной почвы 1,7 м. Ближе к центру есть ямка от столба. На дне – органическая подстилка.

* В основу положена статья: Пряхин А.Д. К оценке престижных захоронений доно-волжской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – № 1. – С. 80-87.

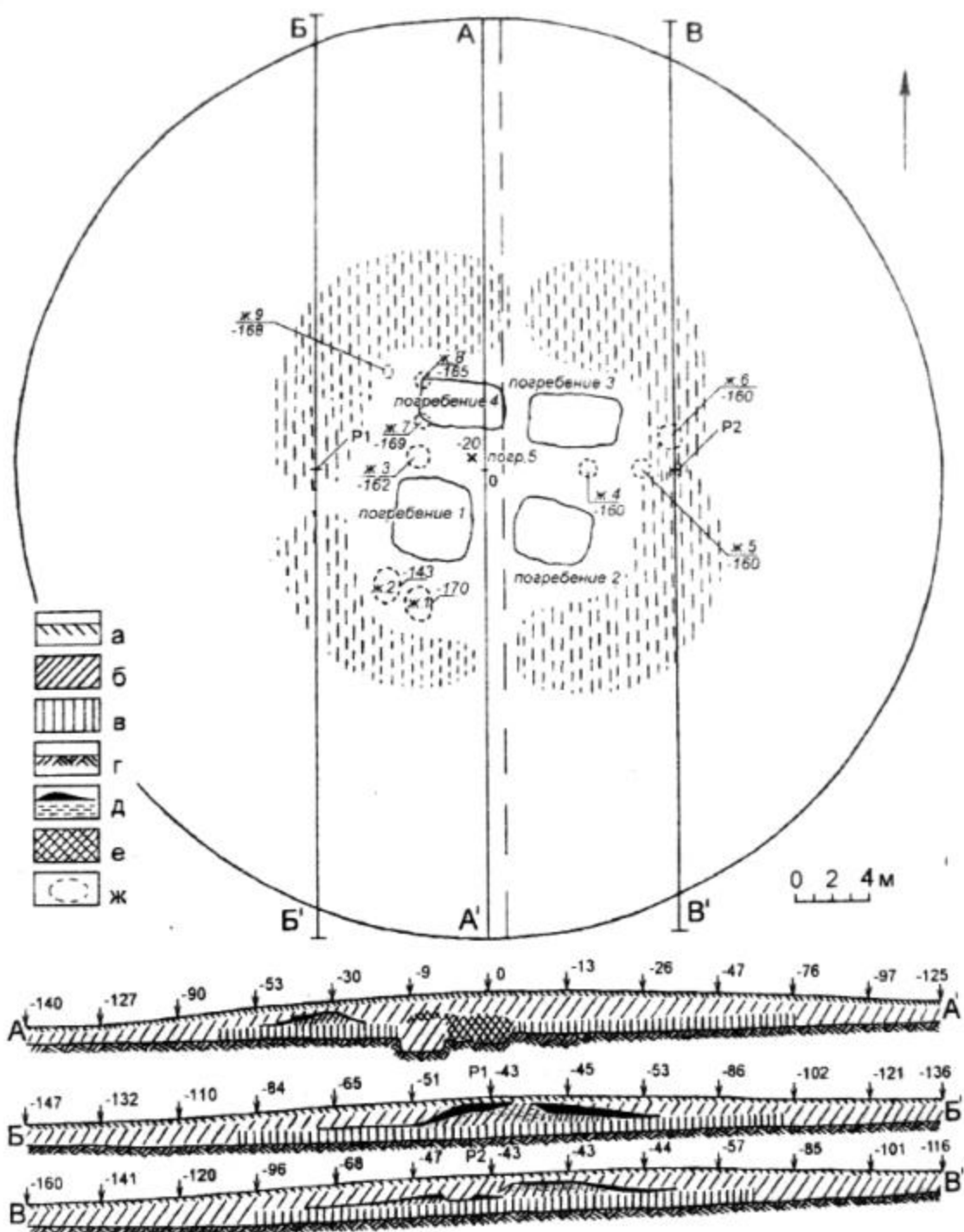

Рис. 17. План и профили кургана 1 Селезни-2:

А — пахотный слой; б — чернозем; в — погребенная почва;
 г — материк; д — глинистый выброс; е — нарушенные участки;
 ж — жертвенные места

Инвентарь включает два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черешка (рис. 18, 1, 2). Один из них, скорее всего, происходит с перекрытия. Другой вместе с костями конечности мелкого животного был помещен на дне в деревянное блюдо (?). В разных частях могильной ямы найдены четыре, некогда находившиеся в деревянной основе, бронзовых жальца с притупленным краем (рис. 18, 3-6) и еще одно жальце, вставленное в деревянную рукоять, обрамленную костяным навершием (рис. 18, 7). Навершие имеет поперечный желобок со следами заполировки поверхности. По представлению В.В. Отрощенко и Л.А. Черных, в данном случае, как и в случае с погребением 2, речь идет о вправленных в фигурные костяные навершия наконечниках стрел, являвшихся деталями клейнодов — атрибутов власти².

Вблизи от юго-западного угла могильной ямы лежали два четырехшипных орнаментированных псаля с почти истлевшими щитками. Торцы вставных шипов украшены, в том числе и мальтийским крестом (рис. 18, 8, 9). В могильной яме есть части еще двух псаляев со вставными шипами (рис. 18, 10, 11). Один из них костяной, с орнаментированным щитком, другой — скорее всего деревянный. Найдены амулет из сильно заполированного клыка медведя (рис. 18, 12) и серия астрагалов, двадцать пять из которых лежали кучкой. В могильной яме на разной глубине находились три ребра животных. Два из них имели следы использования при копке грунта. Одно ранее использовалось в кожевенном производстве. В центре могильной ямы встречены и кости птицы (?).

Из 14 найденных в могильной яме кремневых наконечников стрел 12 лежали компактно вблизи ее центра (рис. 18, 15-26). Почти все они треугольной формы, и только один несколько сужается к основанию. Наконечники стрел выполнены из цветного кремня, а один кварцитовый. Еще два, лежавших отдельно, наконечника стрел иволист-

ной формы (рис.18, 13, 14). Да и сделаны они из качественного темного кремня.

В могильной яме также находилась булава из мраморного известняка, относящаяся к разновидности грушевидных с бортиком (рис.18, 27), и два каменных кузнечных орудия труда, одно из которых применялось и для растирания охры (рис.18, 28, 29).

Тремя экземплярами представлены глиняные сосуды: два приземистых колоколовидных горшка (рис.18, 30, 32) и один горшок с четко выделяющимся плечиком (рис. 18, 31). Два сосуда – с пола, части третьего (рис. 18, 30) находились в заполнении могильной ямы. В тесте всех трех сосудов есть примесь ракушки и органики.

Особенностью одного из сосудов (рис.18, 32) является нанесение на его поверхность дополнительной подмазки, что для доно-волжской абашевской керамики не свойственно, но встречается на позднекатакомбной и многоваликовой керамике этой территории. Да и украшение этого сосуда рядом ногтевых защипов – это тоже заимствование. На двух других сосудах представлены широкие расчесы, несущие и орнаментальную нагрузку. Кроме того, на одном из них в верхней части идут горизонтальная линия и зигзаг, выполненные оттиском шнура.

В центре могильной ямы – мелкие кости птицы (?).

Погребение 2 совершено в ориентированной почти по линии восток - запад могильной яме, имеющей размеры 3,05 на 4,1 м, при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. В ее основании фиксировались органическая подстилка, меловое пятно диаметром 20 см и древесный тлен, скорее всего от перекрытия.

В могильной яме, так же как и в первой, оказались два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черешка (рис. 19, 1, 2). Один из них лежал на полу, другой обнаружен в заполнении могильной ямы.

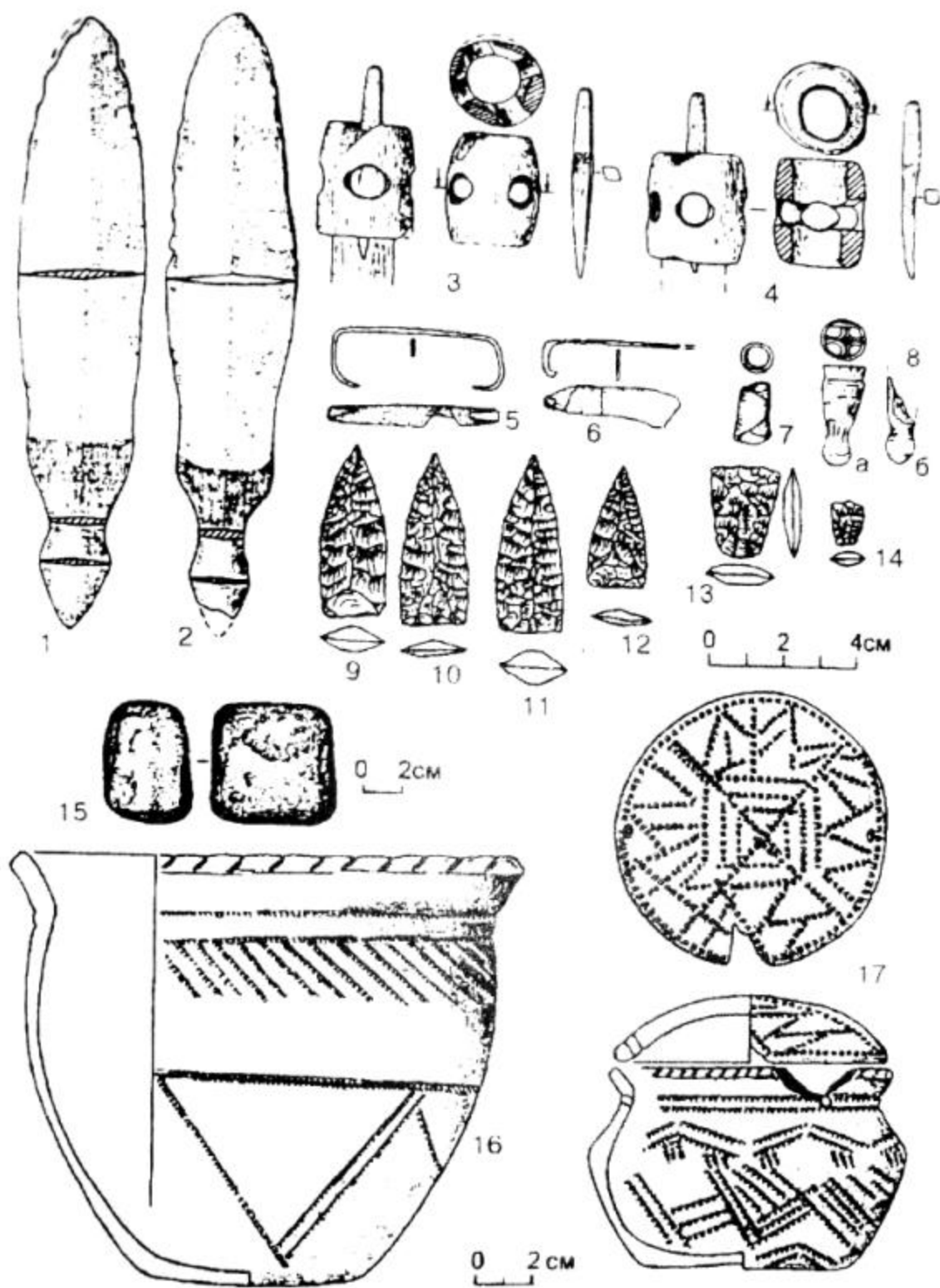

Рис. 19. Инвентарь погребения 2 кургана 1 Селезни-2

Своеобразны найденные у восточной стены две близкие по функциональному назначению костяные втулки, имеющие сработанные боковые отверстия, в которых, надо думать, находились разделительные ремни³. Внутри втулок зафиксированы остатки дерева со вставленными в деревянную основу бронзовыми жальцами (рис. 19, 3, 4). В данном случае речь скорее всего идет о станковых (лучковых) сверлах. О просверливании отверстий в планках псалиев, в том числе селезневских, с помощью такого рода сверл писал А.Н. Усачук⁴ и ныне говорит Н.Б. Моисеев, предлагая реконструкцию их использования. Как уже говорилось, имеется и иная их интерпретация.

В разных частях могильной ямы найдены обломки двух плоских в сечении бронзовых скоб (рис. 19, 5, 6) и бронзовая пронизка (рис. 19, 7). Кроме того, в площади могилы обнаружены клык кабана и два вставных шипа от щиткового псалия, на одном из которых сохранилась орнаментация: вписанный в окружность мальтийский крест (рис. 19, 8а). На пространстве между центром могильной ямы и ее южным углом лежали четыре кремневых наконечника стрел той же формы, что и наконечники из колчана в погребении 1 (рис. 19, 9-12), а поблизости — два кремневых трапецевидных по форме орудия (рис. 19, 13, 14). У восточного угла могильной ямы находился кузнечный молоточек с охристой прослойкой на его поверхности (рис. 19, 15).

Два из найденных в погребении сосуда — целые (рис. 19, 16, 17). Это колоколовидный горшок и маленький осторереберный сосудик с крышкой. Оба они украшены орнаментом, выполненным зубчатым штампом. Третий сосуд представлен незначительными обломками.

Еще одна пара могильных ям (3, 4) находится к северу от центра насыпи. Погребение 3 совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии восток — запад, размеры которой 2,8 на 4,8 м, при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. Остатков органической подстилки не зафиксировано.

У северо-восточного угла могильной ямы уже за ее пределами на уровне погребенной почвы найдены орнаментированный острореберный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания (рис. 20, 13), кузнечный молоточек (рис. 20, 10) и псалий с четырьмя вставными шипами (рис. 20, 4). Псалий имеет округлый в плане щиток с центральным отверстием для удил и двумя парами удлиненно-овальных отверстий для крепления наносного и нащечного ремней. Щиток и торцы шипов орнаментированы. По краю щитка идут две линии, пространство между которыми заполнено врезными треугольниками. Вокруг центрального отверстия находится фигура в виде сегнера колес с шестью заштрихованными лопастями и завитком спирали. Торцы всех шипов украшены четырьмя окружностями с точкой в центре.

В западную стенку могильной ямы воткнут цельнолитой, имеющий боковое ушко бронзовый наконечник копья (рис. 20, 1). На полу могильной ямы найдены бронзовое обоюдоострое шило (рис. 20, 2) и жальце с притупленным краем (рис. 20, 3). Ближе к центру находились два вставных, разных по характеру изготовления и орнаментации шипа от псалиев (рис. 20, 5, 6) и округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями (рис. 20, 7). В южной части могильной ямы встречены два астрагала. В разных частях могильной ямы находились два треугольных в плане кремневых наконечника стрел (рис. 20, 8, 9) и два сосуда.

Один из сосудов — значительный по размерам колоколовидный горшок, поверхность которого обработана широкими расчесами (рис. 20, 11). Имеющиеся на внутренней стороне сосуда расчесы образуют желобчатость. Другой сосуд — небольшой неорнаментированный приземистый горшок, имеющий для абашевской посуды необычно массивную донную часть (рис. 20, 12).

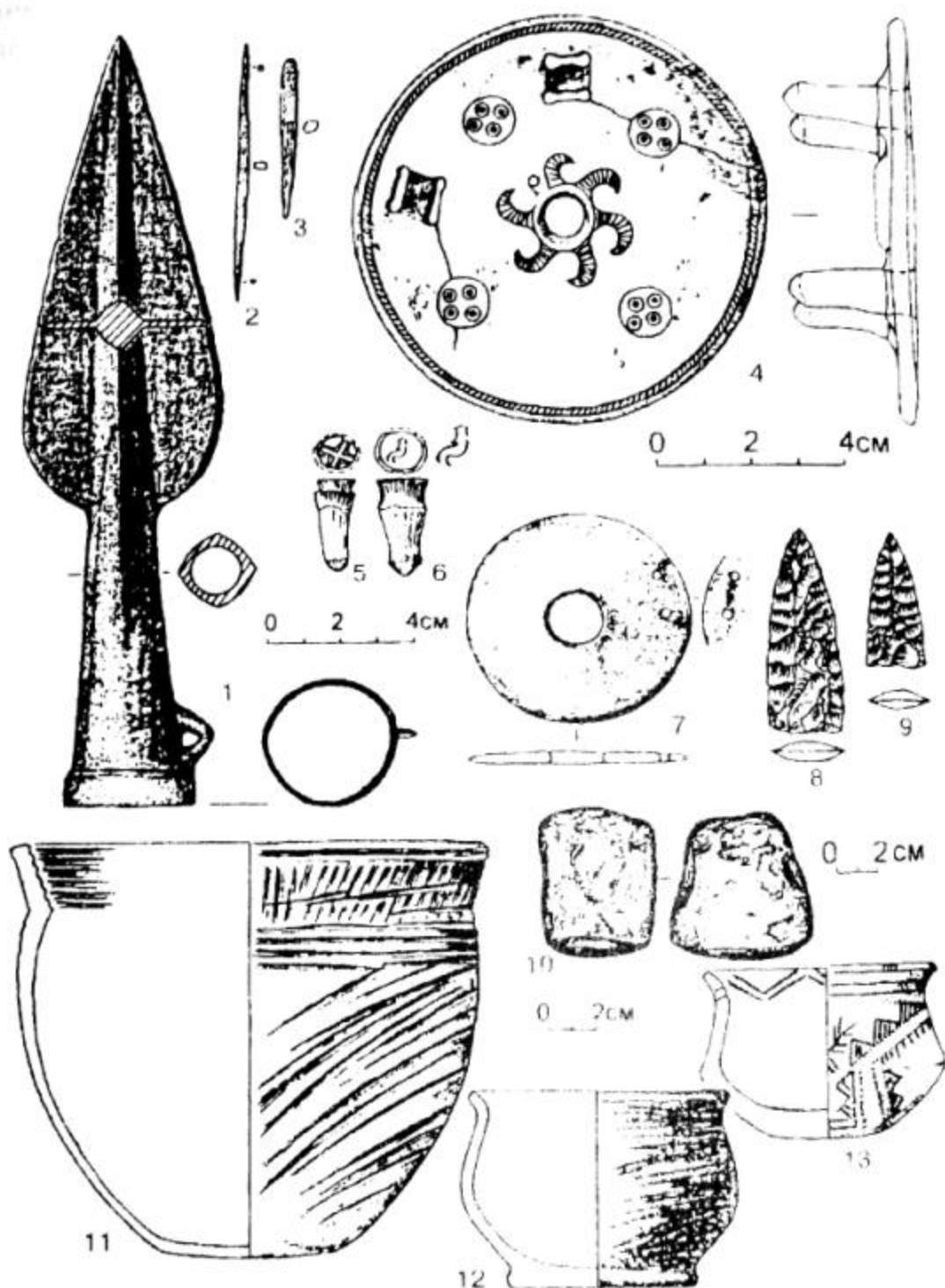

Рис. 20. Инвентарь, связываемый с погребением 3
кургана 1 Селезни-2
1-3, 5-9, 11-12 – могильная яма; 4, 10, 13 – находки с перекры-
тия могильной ямы

Погребение 4, так же как и третье, совершено в удлиненной прямоугольной, имеющей ту же ориентировку могильной яме. Да и размеры ее близкие (2,4 на 5 м, при глубине от уровня погребенной почвы в пределах 1 м). На дне могильной ямы фиксируются остатки органической подстилки, небольшое охристое пятно и древесный тлен, скорее всего, от перекрытия.

Инвентарь наиболее многочисленный. Изделия из бронзы включают нож-кинжал с намечающимся перекрестием и ромбовидным окончанием черешка, на котором сохранились отпечатки футляра (рис. 21, 1), жальце с притупленной рабочей частью с остатками берестяного футляра (рис. 21, 2), шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 21, 3), три бронзовые скобки, две из которых служили, возможно, для скрепления берестяной коробки (рис. 21, 4, 5), и обломок обкладки.

В погребении найдены две пары псалиев и фрагменты еще одного. Щитки обнаруженных у северной стены могильной ямы псалиев фигурной восьмеркообразной формы, с четырьмя вставными шипами (рис. 21, 6, 7). Центральное и торцевое отверстия сработаны. Примыкающая планка подтреугольной формы с отверстиями для крепления наносного ремня. Внешняя поверхность псалиев орнаментирована.

Вторая пара псалиев, происходящая из центральной части могильной ямы, имеет щитки сегментовидной формы со вставными шипами, центральным и торцевым отверстиями, примыкающей неширокой планкой, на которой есть ряд отверстий (рис. 21, 8, 9). Орнаментация этой пары псалиев сходна, но не тождественна. У одного псалия примыкающее к центральному отверстию пространство обрамлено шестилучевой (?) звездой с двумя Т-образными отростками у каждого луча. У другого — обрамление в виде сегнера колес. Есть отличия и в оформлении орнаментации под планкой. Что же касается пятого, плохо сохранившегося псалия, то он с монолитными шипами (рис. 21, 10).

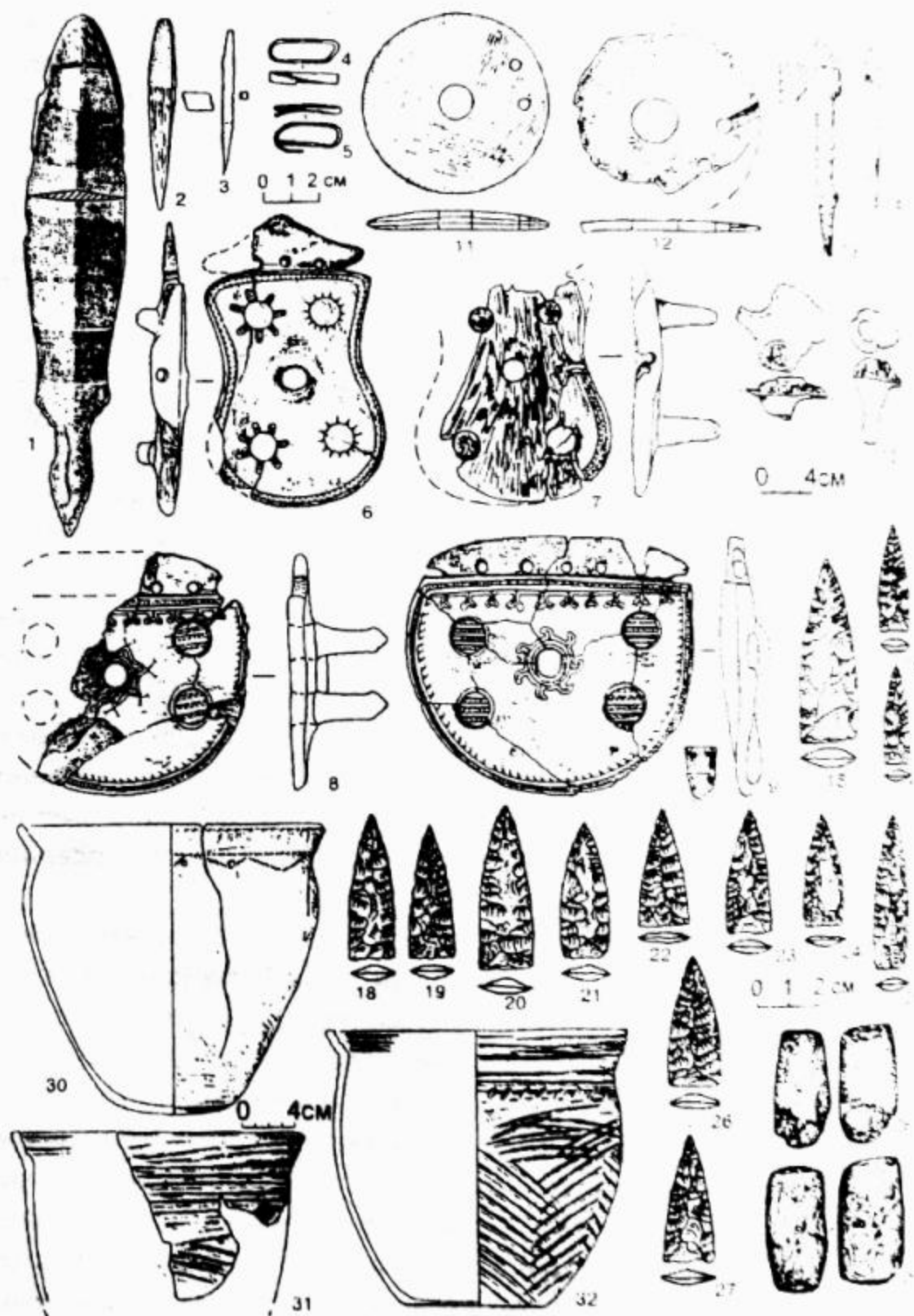

Рис. 21. Инвентарь погребения 4 кургана 1 Селезни-2

В центральной части могильной ямы найдены две округлые костяные пряжки с большим центральным и двумя боковыми отверстиями (рис. 21, 11, 12), одна из которых длительное время была в употреблении. Две костяные застежки (одна целая, другая сохранилась частично — рис. 21, 13, 14) находились у северной стены могильной ямы среди обломков керамики. В могильной яме оказались два скопления астрагалов и обломок ребра животного со следами употребления при рыхлении грунта.

Многочисленна серия кремневых наконечников стрел все той же треугольной формы (рис. 21, 15-27), одиннадцать из которых лежали компактно в центральной части могильной ямы вблизи от пары псалиев фигурной формы. В разных частях могильной ямы найдены кузнечный молоточек и молоточек — абразив по металлу (рис. 21, 28, 29).

Обнаруженные в могильной яме сосуды — обычные для доно-волжской абашевской культуры колоколовидные, вытянутые, с примесью ракушки и органики в тесте (рис. 21, 30-32). Все они значительных размеров.

Внешняя поверхность двух сосудов покрыта четко выраженными широкими расчесами. По верху это каннелюры, которые фиксируются как с внешней, так и с внутренней стороны. В одном случае каннелюры завершаются горизонтальным рядом боковых вдавлений. Нижняя часть этого сосуда покрыта расчесами, образующими вертикальную елочку, кстати сказать, достаточно широко представленную на керамике позднего этапа среднедонской катакомбной культуры.

Еще один сосуд, на котором расчесы были заглажены до обжига, по срезу венчика украшен рядом боковых вдавлений, а ниже — отпечатками шнура, образующими горизонтальную линию и один ряд треугольников. Сосуд треснул и был впоследствии скреплен.

Отличительной чертой всех абашевских погребений селезневского кургана является отсутствие костяков. Поскольку сохранность костных остатков в кургане в общем

удовлетворительная, говорить о том, что костяки не сохранились, вряд ли приходится. По сути дела, речь идет об обряде «захоронения», надо думать, погибших на стороне.

Показательно и то, что все могильные ямы имеют деревянное перекрытие, на которое помещались отдельные предметы.

С погребениями связываются девять жертвоприношений, представленных черепами и костями конечностей лошадей. Два скопления костей (7 и 8), залегавшие на уровне погребенной почвы в районе северо-западного и юго-западного углов могильной ямы 4, скорее всего, первоначально были на перекрытии. С этим же захоронением, надо думать, связаны и находившиеся в 2 м от могильной ямы, залегавшие на уровне погребенной почвы остатки жертвоприношения 9. Два скопления костей (1,2), судя по расположению, относятся к погребению 1. Одно из них было на уровне погребенной почвы, а другое оказалось углубленным в слой погребенной почвы примерно на 30 см. Остатки жертвоприношения 6, залегавшие на уровне погребенной почвы и перерезавшие могильный выкид из погребения 3, скорее всего, связаны с погребением 2.

Жертвоприношения 3-5, находящиеся на уровне погребенной почвы, как бы связывают в единое целое обе пары абашевских захоронений.

Площадь, где расположены могильные ямы и жертвенные места, четко ограничена. Каждой из могильных ям соответствует свой, располагавшийся компактно выкид. Могильные выкиды образуют четко выраженную систему. Между ними есть три прохода. Такого рода прохода нет только с восточной стороны: выкид из могильной ямы 2 частично перекрывал выкид из могильной ямы 3.

Показательно, что выкиды из всех могильных ям лежат на уровне погребенной почвы. Это свидетельствует о возведении насыпи уже над всем комплексом абашевских захоронений и жертвенных мест. Есть и дополнительные наблюдения. Так, наличие выкида из второй могильной ямы

частично перекрывавшего выкид из третьей могильной ямы, свидетельствует, что погребение 2, очевидно, совершено позже погребения 3. То же можно предположить и относительно пар захоронений (1,2 и 3,4). Т. е. пары захоронений не одновременны. Но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным. Не случайна однотипность встреченных в погребениях ножей-кинжалов, наконечников стрел, костяных пряжек. Последние, кстати сказать, вообще свойственны для доно-волжской абашевской культуры⁵ и куда реже представлены на более восточных территориях.

Все находившиеся под курганом захоронения и отдельные жертвенные места - это, по сути дела, единая четырехчленная система, возникшая не одновременно, но заложенная заранее в саму идею погребального комплекса.

Судя по инвентарю, рассмотренные погребения - доно-волжские абашевские. В этом отношении наиболее показательна керамика: как правило это сосуды, в том числе и маленькие остросереберные, достаточно обычные для комплексов именно этой абашевской культуры. Некоторым своеобразием выделяются лишь два сосуда. Один из них (см. рис. 18, 32), как уже говорилось, являясь абашевским, имеет черты, свойственные для позднекатакомбной и многоваликовой керамики. Своим обликом выделяется и неорнаментированный приземистый горшок из погребения 3 (см. рис. 20, 12), прямых аналогий которому в погребальных комплексах доно-волжской абашевской культуры нам неизвестно. Показательно и то, что в керамической серии нет сосудов, являющихся специфическими для территории средневолжской, как впрочем, и уральской абашевских культур. Тем более здесь отсутствуют сколько-нибудь выраженные проявления, свойственные для керамических традиций зауральских синташтинцев.

Особо следует сказать о встреченных в погребениях селезневского кургана щитковых псалях с шипами. Не-

смотря на разную конфигурацию щитков, они относятся к распространенному на территории Подонья и в смежных районах Поволжья типу псалиев, для которых, как уже говорилось в предыдущей главе, характерны крепление нащечного ремня к щитку, преобладание традиции изготовления вставных шипов и наличие орнаментации внешней поверхности щитка. Определенным своеобразием отличается лишь псалий, найденный вблизи от северо-восточного угла третьей могильной ямы, который по форме щитка и способу прикрепления ремней оголовья близок псалию из Трахтемирова⁶.

Показательно, что в представительной серии не оказалось псалиев южно-уральского (синташтинского) типа, ведущие отличительные признаки которых — крепление нащечного ремня на планке, преобладание монолитных шипов и неорнаментированность поверхности щитков. И это несмотря на то, что известны случаи взаимовстречаемости дисковидных псалиев обоих типов, что, кстати сказать, не позволяет признать последние более ранними, как это делает Е.Е. Кузьмина⁷.

Важно подчеркнуть, что все четыре захоронения селезневского кургана — престижные. В пользу такого вывода говорит и наличие во всех них связываемых с упряжью колесниц псалиев с шипами. С управлением колесницей, скорее всего, связано «древко», завершавшееся костяной втулкой с выступающим, воткнутым в деревянную основу жальцем, выполнявшее, возможно, и функцию своего рода штандарта (погребение 1).

Во всех погребениях присутствуют предметы вооружения: бронзовое копье, ножи-кинжалы, наборы подтреугольных наконечников стрел. В двух случаях ножей-кинжалов было по два (погребения 1 и 2). Каждая из пар ножей-кинжалов, судя по характеру проковки, сделана одним мастером. Примечательно отсутствие ножей-кинжалов в погребении 3, где есть наконечник копья. Вряд ли случай

но также наличие копчанов со стрелами в погребениях, где есть ножи-кинжалы, и их отсутствие в могильной яме 3, где есть наконечник копья.

Престижность захоронений подтверждается фактом обнаружения в одном из них каменной булавы. Вряд ли случайно и то, что в каждой из пар захоронений оказалось по одному ритуальному богато орнаментированному ост-рореберному сосудику с четко выраженной календарной символикой. Особый статус умерших подчеркивает и наличие в одной из могил каждой пары мела и охры.

Высокому статусу умерших не противоречит и факт обнаружения во всех захоронениях астрагалов (скорее всего кабаньих). Не отражение ли это своего рода престижных охот — развлечений элиты древних обществ?

И конечно же, высокий социальный статус лиц, с которыми связана система погребений селезневского кургана, подчеркивается наличием серии жертвоприношений — в жертву было принесено не менее двенадцати коней.

Не случайно присутствие во всех могильных ямах кузнечных каменных орудий труда, свидетельствующих о наделении тех, кому данный погребальный обряд предназначался, и сакральными производственными функциями, реализуемыми прежде всего через идею "кузнеца". В пользу сказанного свидетельствует то обстоятельство, что одно из двух помещенных в погребение 1 кузнечных орудий применялось и для растирания охры, а на кузнечном молоточке из погребения 2 была охристая прослойка.

Требуем объяснения и факт наличия в погребении 2 бывших в длительном употреблении станковых (лучковых) сверл. Не исключено, что захороненный наделался и сакральной функцией мастера, изготавливавшего псалии (колесницы).

В целом же, перед нами «захоронения» представителей военной знати, выполнявшей и определенные сакральные функции.

Показательно то, что, несмотря на высокий социальный статус «захороненных», их сопровождают и предметы уже бывшие в употреблении, в том числе и в длительном.

Конечно же, в самом принципе было бы уместным попытаться увидеть закономерность в местонахождении отдельных предметов в каждой из могильных ям. Но скольконибудь очевидной системности в их местонахождении не проявляется⁸. Да и сама достоверность такого рода рассмотрения снижается наличием в площади могильных ям перекопов (норы грызунов).

Погребения селезневского кургана относятся к этапу доно-волжской абашевской культуры, по времени соответствующему уже сложившейся абашевской культурно-исторической общности, не исключено и частично ей предшествующему. Особо обратим внимание на факт обнаружения в одном из погребений селезневского кургана бронзового наконечника копья с литой подромбической в районе пера втулкой. Заметим, что близкий по пропорциям наконечник копья, но с несомкнутой втулкой, происходит из относящегося к той же культуре погребения 1 в Кондрашкинском кургане, где наряду с другим инвентарем представлен и щитковый псалий со вставленными шипами⁹.

Не лишним будет сказать, что такого рода наконечники копий есть в комплексах с дисковидными псалиями и на более восточных территориях, в том числе и в захоронениях синташтинского типа в Зауралье¹⁰. Есть основания говорить о синхронизации селезневских погребений с той частью захоронений Потаповского курганного могильника в Заволжье, в которых прослеживаются абашевско-синташтинские черты¹¹, как, впрочем, и с самим синташтинским комплексом памятников в Зауралье. Иными словами, получает дальнейшее подтверждение правомерность выделения хронологического пласта памятников по ныне принятой датировке относящихся ко второй четверти II тыс. до н. э., одним из характерных показателей которого является распро-

странение в социально-престижных захоронениях щитковых псалиев с шипами. Применительно к доно-волжской абашевской культуре в него включаются памятники не только развитого, но и позднего этапа этой культуры. Причем на позднем этапе доно-волжской абашевской культуры наряду с дисковидными псалиями, правда, уже видоизменяющимися, есть и псалии из расколотой пополам кости, но еще имеющие «шпы».

Данный хронологический пласт предшествует мосоловскому горизонту памятников поздней бронзы – древности срубно-алакульского мира, в основе выделения которого – свидетельства Мосоловского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности¹². В связи со сказанным не лишним будет напомнить, что на раннем этапе функционирования самого Мосоловского поселения еще фиксируются черты, унаследованные от доно-волжских абашевцев.

¹ Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж, 1998.

² Отрощенко В.В., Черных Л.А. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии юго-восточной Европы: Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 1998. – С.60, табл. XII,3.

³ Усачук А.Н. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж, 1998. – С. 34

⁴ Усачук А.Н. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Доно-донецкий регион в

эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11). – Воронеж, 1998. – С. 74.

⁵ Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология эпохи бронзы донецко-волжского региона // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и мат-лы конф. – Вып.1. – Воронеж, 1996. – С. 32, рис. 3,1-2,4-8.

⁶ Лесков А.М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. – 1964. №1. – С. 299, рис. 1.

⁷ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – С. 171-180, рис. 37.

⁸ Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – С.6, рис.2; С.11, рис.5; С. 14, рис. 7; С. 19, рис. 10.

⁹ Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. – Воронеж, 1989. – С. 16, рис. 4,1.

¹⁰ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1992. – С. 176, рис. 88,3; с. 195, рис. 100, 10,11.

¹¹ Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994. – С. 129, рис. 25, 1,4; др.

¹² Пряхин А.Д. Мосоловский пласт памятников эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи // Культура народов евразийской степи и лесостепи в древности. – Барнаул, 1993. – С. 146-160; Пряхин А.Д. До виділення Мосолівського горизонту доби пізньої бронзи Евразійського степу та лісостепу // Археологія. №3. – Київ, 1997. – С.49-56.

**МЕТАЛЛООБРАБОТКА ДОНО-ВОЛЖСКИХ АБАШЕВЦЕВ
И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ**

В изучении доно-волжской абашевской культуры, включая оценку памятников переходного времени, все более значимым оказывается анализ металла, других компонентов производственной деятельности как собственно населения доно-волжской абашевской культуры, так и сопоставительный анализ этих свидетельств с данными, которые имеются по срубной культурно-исторической общности, прежде всего по донской лесостепной срубной культуре. Причем если металлургия и металлообработка населения срубной общности и донской лесостепной срубной культуры изучена достаточно хорошо, то этого нельзя сказать о металлообработке населения доно-волжской абашевской культуры¹.

Впервые о металле, как, впрочем, и о других свидетельствах производственной деятельности, происходящих с соответствующих памятников донского бассейна, речь зашла в начале 70-х гг.² Имевшиеся немногочисленные, но весьма показательные свидетельства металлопроизводства позволили уже тогда предпринять попытку выделения соответствующего очага металлообработки в Подонье, поставить вопрос о собственной металлургии и высказать предположение о более широкой территории формирования металлургической базы абашевцев, добавляя к уже традиционным районам Поволжья и Приуралья территорию донского бассейна³. Но вектор восточной направленности поиска рудной базы абашевцев представлялся тогда чуть ли не единственно возможным. Собственно на этих позициях стоял и Е.Н. Черных, опубликовавший статью о металле донского варианта абашевской культуры⁴. Речи о местном

металлургическом производстве еще не шло, а само поставление велось с южноуральским абашевским очагом металлургии и с абашевским – средневолжским.

Следующий этап изучения данной проблематики – вторая половина 70-х гг., когда было завершено итоговое исследование по абашевской культурно-исторической общности⁵. Было обращено внимание на свидетельства металлопроизводства с поселений абашевской общности, прежде всего с территории доно-волжской и уральской абашевских культур⁶. К анализу привлекались и отдельные захоронения с производственным инвентарем⁷. Но в центре внимания все-таки оставался типологический анализ основных категорий металлических изделий⁸. Обращалось внимание и на определение хронологических позиций имеющихся серий металла в схеме развития основного инвентаря. Был сделан и вывод о предшествовании абашевской металлургии производственной деятельности развитых срубников и алакульцев⁹.

В то же время анализ металлических изделий в рамках каждой из выделенных археологических культур из-за малочисленности имевшихся в распоряжении серий еще не мог дать ощутимых результатов.

В дальнейшем появляются отдельные работы по различным аспектам изучения металлопроизводства населения доно-волжской абашевской культуры. В начале 90-х гг. был применен структурно-технологический подход к оценке свидетельств производственной деятельности абашевского и срубного населения в рамках одной из наиболее исследованных микротерриторий (воронежский микрорайон памятников), что позволило не только выявить основные технологические и структурные составляющие производственной деятельности этих массивов населения, но и начать их поставление¹⁰. Применение структурно-технологического подхода к анализу отдельных погребальных памятников доно-волжской абашевской культуры, прежде всего погребе-

ний с литейным инвентарем, позволило по-новому оценить значение этих памятников в социально-производственной структуре абашевцев: последние интерпретируются как погребения литейщиков, обслуживающих знать¹¹.

Для выяснения технологических особенностей металлообработки населения доно-волжской абашевской культуры важное значение имеют результаты металлографического анализа происходящего из воинского погребения в Кондрашкинском кургане инвентаря (вислообушный топор, наконечник копья с разомкнутой втулкой, плоское тесло, ножичек, металлические скобки)¹². Впервые применительно к абашевскому металлу был сделан вывод, что для отливки заготовок в закрытых литейных формах использовалась выплавленная из сульфидных руд металлургически «чистая» медь. Не менее важны и наблюдения по технологииковки. Они свидетельствуют, что полученные литьем полуфабрикаты подверглись разной степени проковки в интервале низких температур: меньше всегоковка использовалась при изготовлении топоров и плоских тесел, больше — при изготовлении наконечников копий, включая операции по свертыванию втулки, сварке, плющению, прошивке отверстий и другие. А.Д. Дегтярева высказала мысль, что эти изделия связаны с металлообработкой петровско-синташтинского и потаповского круга памятников XVIII-XVI вв. до н.э., чуть ли не являясь для Подонья импортами¹³.

Анализируются и отдельные категории изделий из металла. Так нами, при анализе такой достаточно массовой категории металлических изделий, как ножи-кинжалы с намечающимся перекрестием и ромбовидным окончанием черешка, был применен подход, предусматривающий учет типологических особенностей данного типа ножей, экспериментальную проверку их кузнечной формовки и возможность выявления характера негативов на литейных формах¹⁴. Сделанный в результате анализа вывод сводится к тому, что для окончательной кузнечной формовки такого

рода ножей-кинжалов доно-волжской абашевской культуры, вначале использовались ланцетовидные заготовки и лишь затем — формообразующие.

В итоге возникает возможность дать и оценку металлообработки доно-волжской абашевской культуры, включая общую характеристику имеющейся базы источников, основу которой составляют непосредственные свидетельства производственной деятельности: плавильные чаши, литейные формы, каменные орудия труда, кусочки руды, шлаки, ошлаковки и т.д. Все это позволило уверенно говорить о собственной металлообработке, а в какой-то степени и о металлургии у доно-волжских абашевцев, особенно в свете фиксации наличия материалов данной культуры в районе рудопроявлений Донецкого кряжа¹⁵.

Важной особенностью имеющейся источниковой базы является то, что производственные свидетельства представлены на поселениях, что позволяет выйти на более высокий уровень реконструкций технологии и структурной организации металлопроизводства интересующего массива населения. Среди поселений, где обнаружены серии такого рода свидетельств производственной деятельности, выделяется наиболее исследованное Шиловское поселение в черте г. Воронежа, являющееся по сути дела базовым бытовым памятником доно-волжской абашевской культуры¹⁶. Свидетельства литейного цикла металлообработки с этого памятника уже привлекали внимание¹⁷, но исчерпывающий анализ всех полученных свидетельств еще впереди. Так, сейчас уже возможны оценки каменных орудий труда с данного поселения, особенно в связи с выделением в последние годы, в том числе и на основе трасологических определений, кузнечных орудий из закрытых погребальных комплексов доно-волжской абашевской культуры. Открывается и возможность реконструкции технологии и структурной организации производственной деятельности в пределах абашевского поселка на разных этапах его развития.

Отметим также, что свидетельства металлопроизводства помимо Шиловского поселения встречены и на других поселениях доно-волжской абашевской культуры (Усманка-2, Чижовские 2 и 4, как, впрочем, и некоторые другие)¹⁸.

Здесь достаточным числом представлены и захоронения, в которых встречен производственный инвентарь¹⁹. Более того, среди захоронений доно-волжской абашевской культуры намечается выделение как минимум трех вариантов погребальных комплексов с производственным инвентарем.

К первому из них относятся те захоронения, неординарность которых определяет находящийся там литейный инструментарий. Такого рода погребения в научной литературе именуются погребениями металлургов-литейщиков. На территории доно-волжской абашевской культуры известны два такого рода комплекса. Один из них происходит из кургана 2 могильника у с. Кондрашевка в правобережье Дона. В погребении вместе с абашевским сосудом и костяной округлой пряжкой обнаружены следующие предметы: сохранившаяся почти наполовину округлодонная (?) плавильная чаша, глиняная литейная форма для отливки топоров с изогнутым клином (две створки и глиняный стержень), уплощенный камень (плитчатая наковальня или абразив)²⁰. Из второго погребения (грунтовый Октябрьский могильник на территории Тульской области, погребение 8) происходят сходная с кондрашевской литейная форма для отливки топоров, обломки двух плавильных чаш на ножках (?), набор каменных кузнечных орудий: двусторонний молоток, три шлифовальных камня, другие предметы, включая части сосудов²¹. По поводу этого погребения заметим, что это первое грунтовое захоронение абашевской культурно-исторической общности с литейным инструментарием.

Ко второму варианту можно отнести социально-значимые захоронения доно-волжской абашевской культуры и отдельные погребения переходного времени, имею-

щие неординарный и разнообразный инвентарь (включая металлические и каменные предметы вооружения, щитковые псаии и т. д.), а также каменный металлообрабатывающий инструментарий. Богатством инвентаря выделяются захоронения в кургане 1 могильника Селезни-2, результаты изучения которого изложены в предыдущей главе книги. Отметим лишь, что имеющийся в захоронениях данного кургана кузнечный инструмент (наковальни и молотки - см. рис. 18, 28, 29; рис. 19, 15; рис. 20, 10; рис. 21, 28, 29) использовались и непосредственно в ритуальных целях (на некоторых орудиях фиксируются следы растирания охры и присутствуют маслянистые пятна, указывая тем самым на выполнение «захораниваемыми» сакральных производственных функций).

К данному варианту относятся и погребения с обрядом трупоположения, имеющие типологически близкий, но менее многочисленный погребальный инвентарь (например, погребение 1 кургана 4 Софьинской группы и погребение 1 могильника Павловск-2). В центральной могильной яме софьинского кургана кроме останков скелета взрослого человека, лежащего в скорченном положении, головой на северо-восток, обнаружены два сосуда, бронзовое шило, кремневый наконечник стрелы, два фрагментированных щитковых псаия с монолитными шипами и тщательно изготовленный шлифованный рукояточный молот из песчаника со следами работы²². В погребении павловского кургана, относящегося к переходному времени, со скелетом взрослого человека (покоится на левом боку, скорченно, головой на север-северо-восток) обнаружено два сосуда, двенадцать кремневых и два костяных наконечника стрел, два бронзовых шила, скобка, нож-кинжал с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черешка, костяная округлая пряжка с двумя отверстиями по краю и тщательно отшлифованный ручной молоток²³.

К третьему варианту относятся погребения, в которых встречены наборы кузнечных орудий или их отдельные экземпляры. Вряд ли случайно, что в этих погребениях нет наконечников стрел и других предметов, которые бы подчеркивали прямое отношение захороненных к воинскому сословию. Среди наиболее ярких примеров такого рода захоронений отметим погребение 1 кургана 3 у с. Большие Ясырки и погребение 4 Усманского кургана²⁴. В первом из них (парное захоронение взрослого (женщина?) и ребенка), обнаружен комплекс кузнечных орудий, среди которых имелся кремневый пест-молот, используемый и для растирания охры, крупный и небольшой абразивы и костяной диск с отверстием. Во втором из названных погребений выявлена массивная каменная наковальня, нож-кинжал с выделенным перекрестием и ромбическим окончанием черешка.

Вполне понятно, что все более пополняется имеющаяся в распоряжении исследователей серия металлических изделий, позволяющая воссоздать облик конечной продукции мастеров этой абашевской культуры. Несмотря на то что в настоящей главе набор этих изделий специально не анализируется, все-таки отметим наличие двух вариантов вислобушных топоров, нескольких вариантов наконечников копий (от кованых до литых), тесел-долот (плоские и втульчатые), ножей и ножей-кинжалов, пластинчатых орудий, разнообразных украшений. Отметим и то, что здесь совершенно отсутствуют часто встречающиеся в комплексах средневожской и уральской абашевских культур бляшки – розетки.

Бросается в глаза и тот факт, что в количественном отношении металлические изделия доно-вожской абашевской культуры не только не уступают срубным, но и, пожалуй, превосходят их.

Имеющийся производственный инструментарий, как впрочем, и набор металлических изделий доно-вожской

абашевской культуры, позволяют провести их сопоставление с такого же рода аксессуарами следующей по времени донской лесостепной срубной культуры.

С металлообработкой доно-волжской абашевской культуры связываются глиняные литейные формы. Все они закрытые: двустворчатые и одностворчатые. Конечно же, по сравнению со срубными, их находки немногочисленны. Весьма ограничен и имеющийся в нашем распоряжении набор негативов. Из двустворчатых форм есть формы, предназначенные для отливки двух вариантов вислообушных топоров (рис. 22, 1-3), а также принадлежащие им стержни (рис. 22, 4). Имеющиеся одностворчатые формы предназначены для отливки прутковидных (рис. 22, 5-7) и ланцевидных заготовок (рис. 22, 8), сурьмяных (?) подвесок (рис. 22, 9), других мелких изделий (рис. 22, 10). Подобные литейные формы в срубное время получают широкое распространение и развитие (рис. 22, 14-18).

Показательно, что в доно-волжской абашевской культуре представлены как специально изготовленные, обычные для абашевского мира плавильные чаши на ножках (рис. 22, 11), так и чаши с округлым дном (рис. 22, 12, 13). Последние имеют явное сходство с разновидностями округлодонных плавильных чаш донской лесостепной срубной культуры (рис. 22, 19, 20).

Отмечается и технологическая близость инструментария в рамках двух следующих хронологически друг за другом археологических культур. В комплексах погребений металлургов-литейщиков доно-волжской абашевской культуры проявляется взаимосвязь плавильных чаш (включая и их округлодонные разновидности) с литейными формами для отливки вислообушных топоров²⁵. Вряд ли случайно и то, что на Мосоловском поселении наиболее массовые находки такого рода плавильных чаш имеются в постройках, где в большом количестве встречены литейные формы для отливки вислообушных топоров и серпов-косарей²⁶.

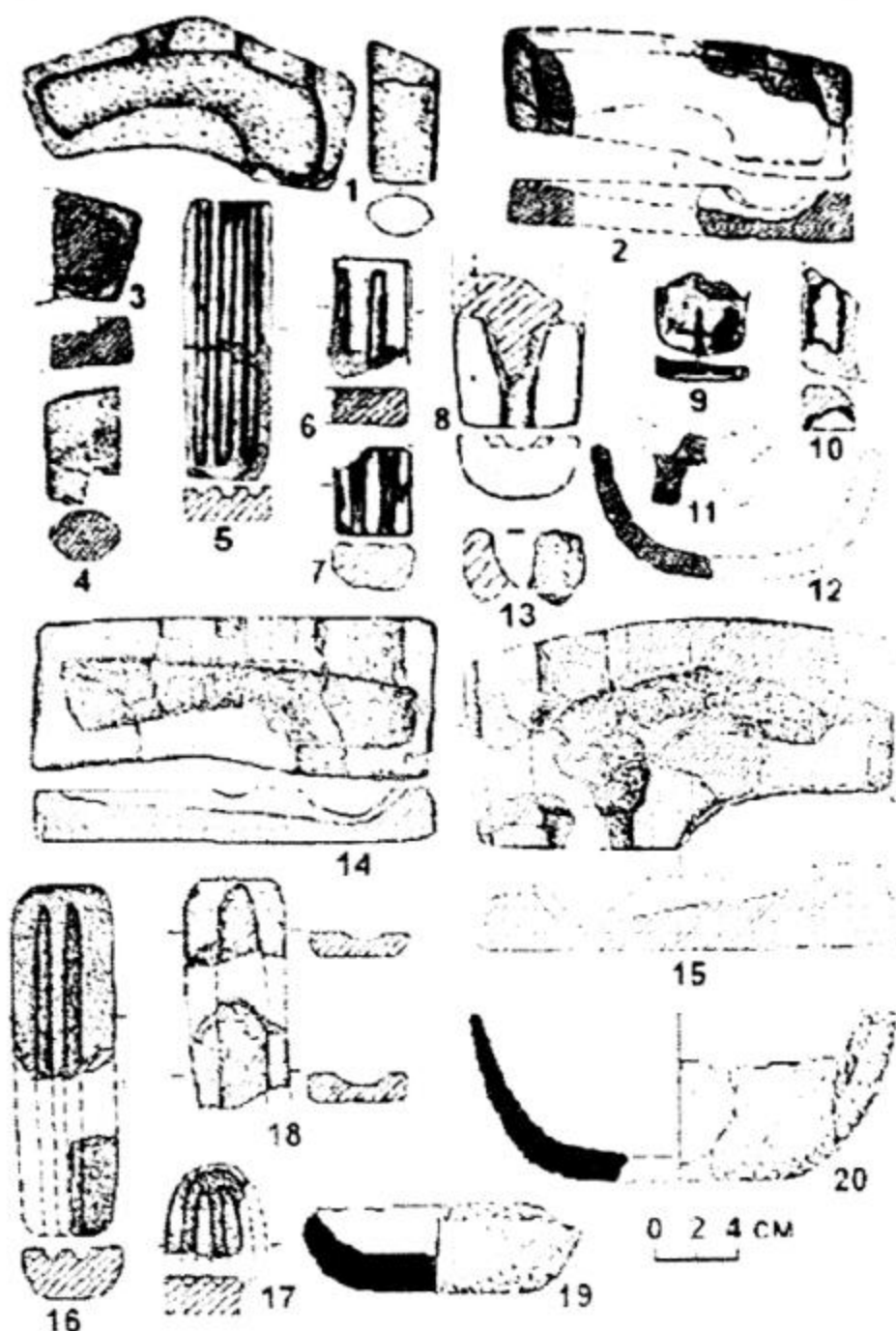

Рис. 22. Литейный инструментарий доно-волжской абашевской (1-13) и донской песостепной срубной (14-20) культур
 1 – Кондрашевка, к. 2; 2, 5, 6, 7, 9, 11, 12 – Шиловское поселение;
 3, 4, 8 – поселение Усманка-2; 13 – поселение Губарево-2;
 14-20 – Мосоловское поселение

С металлообработкой у доно-волжских абашевцев связывается распространение массивных каменных плитчатых наковален (рис. 23, 4, 11, 12). Характерно также распространение рукоятчных и ручных молотков оригинальной формы из песчаника и других твердых пород камня. Абашевцы в качестве молотков нередко используют незначительно подработанные желваки цветного кремня (рис. 23, 1, 2, 5). Вместе с тем ими применяются и тщательно изготовленные ручные молотки пестовидных форм (рис. 23, 3, 6-8, 10). Четко выраженную пестовидную форму имеет ручной молоток из погребения 1 переходного времени могильника Павловск-2 (рис. 23, 15). В погребальных комплексах этой культуры встречены и имеющие разную форму каменные абразивы (рис. 23, 9, 14). Среди кузнечных орудий доно-волжской абашевской культуры, как об этом свидетельствуют результаты трасологических определений, встречаются полифункциональные изделия.

Кузнечный инструментарий донской лесостепной срубной культуры обнаруживает явное сходство с абашевским. Особенно это относится к плитчатым наковальням (рис. 23, 16, 17) и пестовидным молоткам (рис. 23, 18-21). Конечно же, выявляются и отличия. Например, у кузнецов донской лесостепной срубной культуры появляются наковальни для «фигурной»ковки, распространяются имеющие большую дифференциацию форм и бойков орудия ударного действия²⁷. У них наблюдается и более широкое применение разнообразных пород камня для кузнечных орудий. И в то же время, среди твердых пород по-прежнему используются кремневые желваки.

В целом же налицо постепенное совершенствование орудий, прежде всего через их большую функциональную дифференциацию. Но нельзя не заметить, что у срубников еще сохраняются не только полифункциональные орудия, но даже и менее эффективные ручные молотки, в том числе и традиционной для абашевцев пестовидной формы. Правда такого рода молотки у срубников используются уже в качестве кузнечных гладилок²⁸.

Налицо и преемственность в характере некоторых категорий самих металлических изделий. Судя по литейным формам, в доно-волжской абашевской культуре, как уже отмечалось, фиксируется производство двух разновидностей виспообушных топоров, хотя до сих пор среди самих изделий встречены пока лишь экземпляры разновидности топоров с прямым и узким клином (рис. 24, 1), которые, кстати сказать, затем получают наибольшее распространение при соответствующей их модификации у населения донской лесостепной срубной культуры (рис. 24, 8).

Среди известной серии наконечников копий доно-волжской абашевской культуры встречаются и близкие по времени распространения разновидности, включая экземпляр копья с несомкнутой кованой втулкой (рис. 24, 6) и тех же пропорций литой наконечник копья с характерным ушком на втулке из селезневского кургана (рис. 24, 7). Заметим, что до обнаружения приведенной находки, происходящей из селезневского кургана, литые разновидности наконечников копий не связывались с абашевскими древностями.

Сопоставление металлических изделий доно-волжской абашевской культуры со срубными убеждает в том, что в срубное время, несмотря на появление некоторых «новых» форм, получают развитие и серии металлических изделий, берущих свое начало от доно-волжских абашевцев. Среди такого рода изделий отметим виспообушные топоры (рис. 24, 1, 8), литые наконечники копий (рис. 24, 7, 12), ножи-кинжалы (рис. 24, 2, 10), плоские тесла (рис. 24, 3, 9), тесла-долота с кованой втулкой (рис. 24, 5, 11) и некоторые другие.

В срубное время явно наблюдается расширение ассортимента металлических изделий за счет «дробления» бывших абашевских типов. Происходящие от них разновидности изделий отражают процесс функциональной дифференциации известных ранее типов орудий и оружия²⁹.

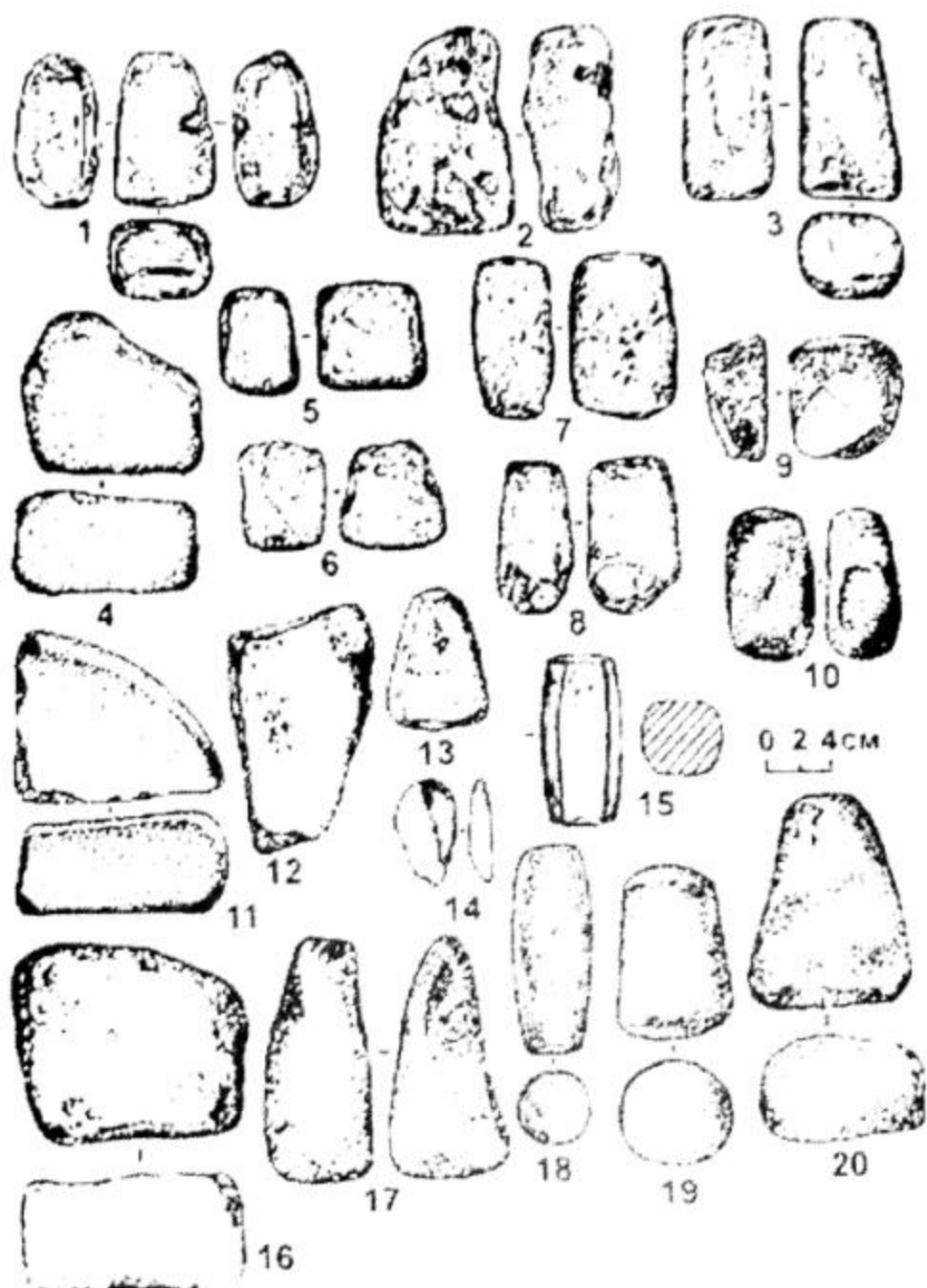

Рис. 23. Каменные кузнечные орудия доно-волжской абашевской культуры (1-14), переходного к срубному времени (15) и донской лесостепной срубной культуры (16-20)
 1, 2 – Селезни-1, к.1, п.1; 3, 4 – Селезни-2, к.1, п.1; 5 – Селезни-2, к.1, п.2; 6 – Селезни-2, к.1, перекрытие п.3; 7,8 – Селезни-2, к.1, п.4; 9 – Графская, к. 22, п.7; 10 – Софьино, к.4, п.1; 11 – Усманский курган, п.4; 12-14 – Большие Ясырки, к.3, п.1; 15 – Павловск-2, п.1; 16-20 – Мосоловское поселение

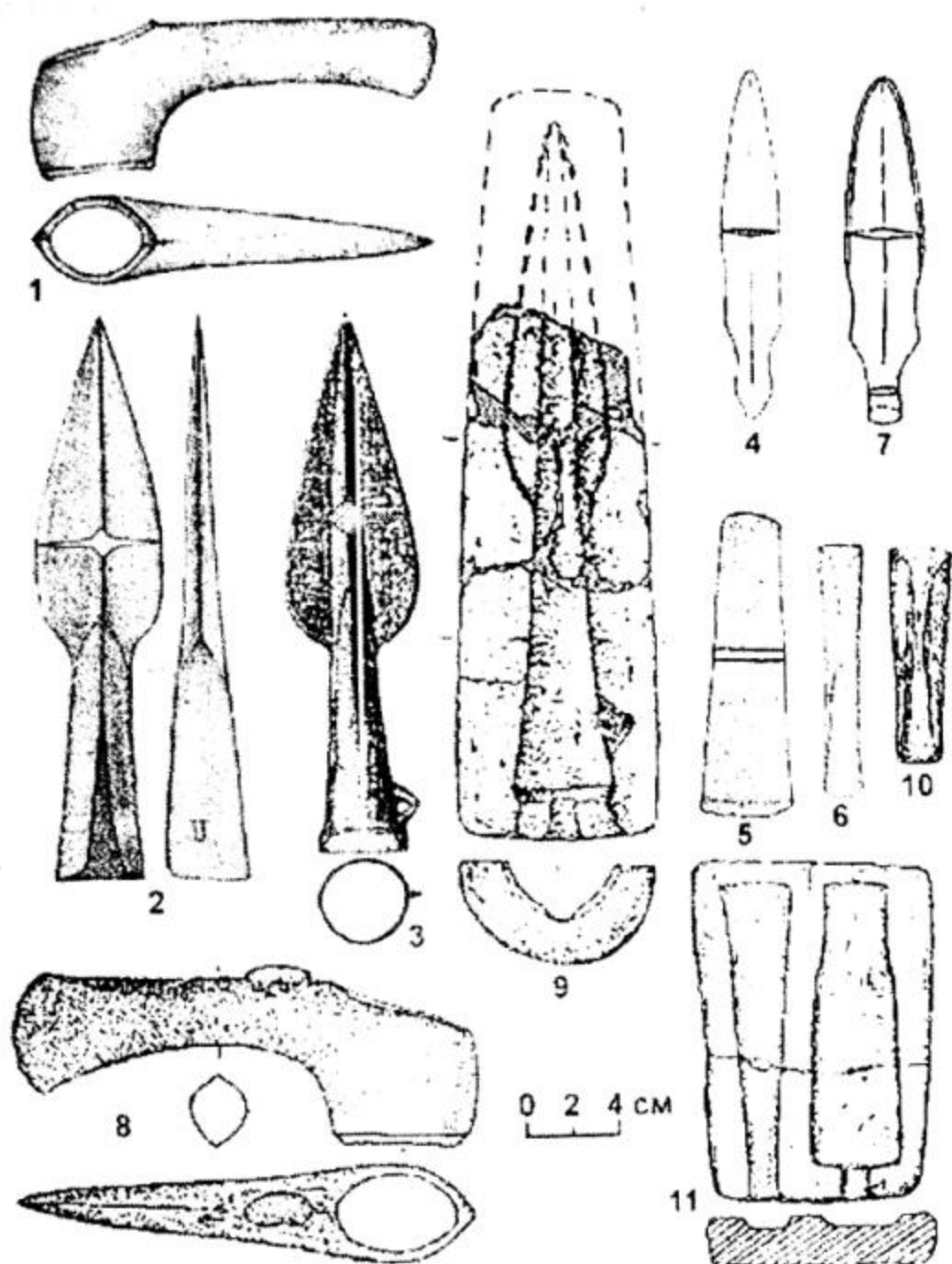

Рис. 24. Типы металлических изделий доно-волжской абашевской (1-6) и донской лесостепной срубной (7-11) культур
 1, 2, 5 – Кондрашкинский курган, п.1; 3 – Селезни-2, к.1, п.3;
 4 – Шиловское поселение; 6 – Левобережный Березовский могильник, к.10, п.1; 7 – Малые Горки, к.3, п.3; 8 – Дивногорье;
 9-11 – Мосоловское поселение

Результаты сопоставления производственного инструментария в рамках каждой из культур и между ними приводят к выводу, что фиксируется преемственность традиций металлопроизводства от доно-волжской абашевской культуры к производственной сфере населения донской лесостепной срубной культуры. В связи со сказанным не случайна и типологическая близость ряда металлических изделий, в том числе и появление таких, которые изготовлены из смешанных групп металла, характерных как для абашевцев, так и для срубников³⁰. Сравнение всех технологических показателей склоняет нас к выводу об эволюционном пути развития основных составляющих металлообработки. Сказанное относится и к такой важной технологической схеме изготовления почти всех металлических изделий, как литье заготовок и последующая ихковка в процессе окончательной кузнечной формовки.

Более динамичные изменения происходят в общественной роли рассматриваемого производства, что можно проследить через существенные изменения в структурной организации производственной деятельности в абашевское и срубное время. Такого рода структурный анализ уже предпринимался в рамках воронежского микрорайона археологических памятников эпохи бронзы, где представлены материалы обеих культур³¹.

Проведенный анализ позволяет изложить следующие основные построения. Первое из них сводится к тому, что в абашевское время распространено мелкомасштабное производство, осуществляемое в рамках многих поселков. Наряду с ним выделяется более высокого уровня специализированное литейное производство (в лице отдельных металлургов-литейщиков, обслуживающих знать), что находит отражение в погребальном обряде. Сама же знать, надо думать, покровительствует ремеслу, в том числе и кузнечному, вероятно, сопоставляя себя с перворемесленниками, о чем могут свидетельствовать наиболее престижные захо-

ронения, включающие и кузнечный инструментарий. В социальной структуре намечается и выделение иных представителей общества, связанных с кузнечным производством или с его сакральной функцией, о чем свидетельствует уже упомянутый третий тип погребений с производственным инвентарем.

В срубное время появляется крупномасштабное производство, сопоставимое с деятельностью отдельных кланов металлургов-литейщиков. Происходит значительное сокращение, но не исчезновение мелкомасштабного производства на поселениях. Исчезают погребения литейщиков. Отмеченные изменения конечно же существенны. Но в то же время по-прежнему сохраняется традиционная двухуровневая организация производственной деятельности, истоки которой – абашевское время, а продолжение – срубное.

¹ Подгаецкий Г.В. Гор. Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. - М.; Л., 1941. - С. 156-161; Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Кн. 2. - Воронеж, 1996; Саврасов А.С. Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Воронеж, 1998; Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Металлообработка у населения доновожской абашевской культуры // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: Тезисы докладов юбилейной конференции. - М., 1999. - С. 104-106; см. также: Свистова Е.Б. Металлургия и металлообработка эпохи средней и поздней бронзы доно-донецкого региона в исследованиях ученых Воронежского госуниверситета (70-90-е годы) // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11). - Воронеж, 1998. - С. 128-135; она же. Исследования поселений со свидетельствами металлургии и металлообработки срубной культурно-исторической общности Подонья (Историография вопроса) // Срубная культурно-историческая общ-

ность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Мат-лы междун. научн. конф. – Воронеж, 2000. – С. 167-172.

² Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. – Воронеж, 1971. – С. 147-151.

³ Там же. – С. 149-150.

⁴ Черных Е.Н. Металл донского варианта абашевской культуры // Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. – Воронеж, 1971. – С. 205-211.

⁵ Пряхин А.Д. История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1976.

⁶ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976. – С. 14-19, 36, 38-40, 53-55, 89, 95-97 и др.

⁷ Там же. С. 128; Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж, 1977. – С. 49-51, 54.

⁸ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – С. 129-155.

⁹ Там же. – С. 155.

¹⁰ Саврасов А.С. Развитие традиций металлообработки в эпоху поздней бронзы // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы: Тез. докл. науч. конф. – Воронеж, 1990. – С. 27-28; Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Развитие традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время (памятники воронежского микрорайона) // Археологические памятники Среднего Поочья. – Рязань, 1997. – С. 56-67.

¹¹ Саврасов А.С. К оценке погребений металлургов-литейщиков абашевской культурно-исторической общности // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннего железного века: Тез. докл. науч. конф. – Тула, 1993. – С. 65-67.

¹² Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Астрединов В.М. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11) – Воронеж, 1998. – С. 82-89.

¹³ Дегтярева А.Д. Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. – Тюмень, 1999. – С. 38.

¹⁴ Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Ножи-кинжалы с перекрестием и ромбическим окончанием черенка в абашевском и срубном мирах (к развитию производственных традиций) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. – Рязань, 1998. – С. 27-36.

¹⁵ Пряхин А.Д., Отрощенко В.В., Беседин В.И., Бровендер Ю.М. Поселение эпохи бронзы Капитаново II: Материалы работ украинско-российской археологической экспедиции. (Археологические памятники донского бассейна. Вып. 4). – Воронеж, 2000. – С. 8, 10, рис. 5; Санжаров С.Н. Археология и неархеология в изучении позднеабашевских (покровских) древностей Восточной Украины // Древности Северского Донца. Сб. научн. статей. Вып. 4. – Луганск, 2000. – С. 102-105; др. раб.

¹⁶ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – С. 11-47.

¹⁷ Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. – М., 1987. – С. 124, 218, рис. 59.

¹⁸ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – С. 53, 55 и другие.

¹⁹ Свистова Е.Б. Погребения с кузнечным инвентарем доновожской абашевской и раннего этапа донской лесостепной срубной культуры (история изучения и осмысления) // Археология черноземного центра России: история исследований, историография. Мат-лы регион. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. – Воронеж, 1999. – С. 55-57.

²⁰ Замятин С.Н. Очерки по истории Воронежского края. – Воронеж, 1922. – С. 1, рис. 4.

²¹ Екимов Ю.Г. Древнейшие металлурги окско-донского междуречья // Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии. – Тула, 1997. – С. 13.

²² Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж, 1988. – С. 113-115.

²³ Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь

в эпоху металла. (Археология восточноевропейской лесостепи, Вып. 13). – Воронеж, 1999. – С. 64, рис. 2, 1-7.

²⁴ Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – С. 40-41; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Разуваев Ю.Д. Усманский курган. – Воронеж, 1990. – С. 5, 6, 20.

²⁵ Tallgren A.M. La Pontide prescythique apres l'introduction des metaux // ESA. – 1926. №2. – P. 70-73.

²⁶ Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры // СА. – 1975. № 2. – С. 176-186.

²⁷ Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1984. – С. 113-118.

²⁸ Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. – С. 89, рис. 56, 2.

²⁹ Саврасов А.С. Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры. – С. 14, 15.

³⁰ Черных Е.Н. Металл донского варианта абашевской культуры. – С. 210; Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – С. 39, 55.

³¹ Саврасов А.С. Развитие традиций металлообработки в эпоху поздней бронзы. – С. 27, 28; Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Развитие традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время (памятники воронежского микрорайона). – С. 56-67.

ОСТРОРЕБЕРНЫЕ АБАШЕВСКИЕ СОСУДИКИ
ДОНО-ВОЛЖСКОГО РЕГИОНА*

В числе наиболее показательных индикаторов абашевских древностей, включая древности доно-волжской абашевской культуры, находятся миниатюрные остросреберные сосудики. Их своеобразие выражено настолько ярко, что само наличие такого рода сосудиков сигнализирует либо об абашевской принадлежности комплекса, либо о присутствии в нем четко выраженного абашевского культурного компонента.

Между тем долгое время за фиксацией этого факта не следовало непосредственного их анализа. Так, О.Н. Евтюховой в статье по керамике средневожжской абашевской культуры остросреберные сосудики оценены лишь в совокупности, без деления на разновидности¹. Да и в исследованиях, касающихся доно-волжской и уральской абашевских культур, такие сосуды, как правило, не являлись предметом специального анализа. Чаще отмечались лишь некоторые особенности их форм применительно к различным абашевским культурам². Имеется и сравнительная характеристика орнаментации остросреберных сосудиков Волго-Уральского региона³. Вместе с тем их детальная оценка отсутствует. Недавно опубликована статья В.И. Беседина, которая в какой-то степени восполняет имеющийся пробел⁴.

В данном же случае анализируется серия остросреберных сосудиков, происходящих с лесостепных памятников

* В основе главы опубликованная ранее статья: Пряхин А.Д., Беседин В.И. Остросреберные абашевские сосуды доно-вожжского региона // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11). – Воронеж, 1998. – С. 60-71.

доно-волжской абашевской культуры (более 50 сосудов) и примыкающей к ней территории, занятой памятниками средневолжской абашевской культуры (более 40 сосудов). Учтены также и единичные находки из степных районов Подонья и Поволжья.

Картографирование абашевских остроереберных сосудов (рис. 25) показывает корректность такого подхода, поскольку фактически анализируется единый ареал. Имеющиеся лакуны на территории современных Пензенской и Ульяновской областей вызваны, надо полагать, их слабой изученностью, особенно погребальных памятников. В некоторой степени это компенсируется случаями находок такого рода сосудов на поселениях.

Фиксируемая картина контрастирует с почти полным отсутствием находок остроереберных сосудов в лесостепном Заволжье на территории современной Самарской области, кстати сказать, достаточно хорошо изученной в археологическом отношении. Здесь нам известны только две находки остроереберных сосудов (поселение Точка и Потаповский могильник).

Сразу же подчеркнем, что миниатюрные остроереберные сосуды встречаются, как правило, в погребениях. Это справедливо не только для средневолжской абашевской культуры, где поселения практически отсутствуют, но и для доно-волжской абашевской культуры, где поселения не только известны в массовом количестве, но и хорошо изучены. Для примера сошлемся на данные по Шиловскому поселению. Здесь на 1346 сосудов приходится только четыре остроереберных (0,3%)⁵. И это притом, что в расположенном поблизости Подклетненском могильнике каждый десятый сосуд – остроереберный. Очевидно, что подобные сосуды имели в абашевском обществе какое-то особое ритуальное назначение. С этой функцией связано наличие на шейке отверстий для подвешивания. Иногда такие сосуды сопровождаются керамическими крышками.

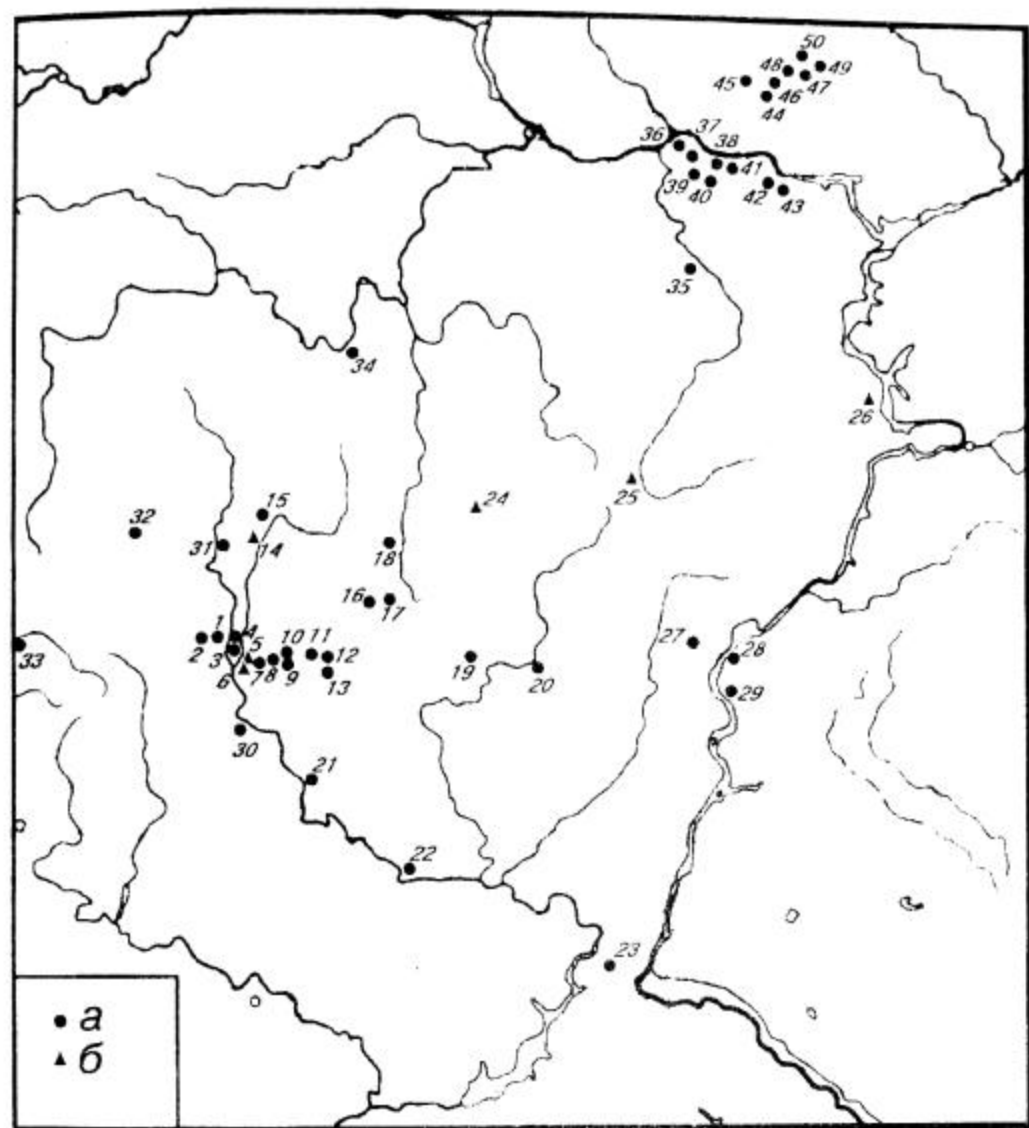

Рис. 25. Карта распространения острореберных сосудов в до-но-волжском регионе: а – находки сосудов в погребениях;

б – находки сосудов на поселениях

1 – Латная, 2 – Кондрашевка, 3 – Подклетное, 4 – Частые курганы, 5 – Шиловское, 6 – Шиловское-2, 7 – Сады, 8 – Орлиное Болото, 9 – Софьино, 10 – Рогачевка, 11 – Михайловский, 12 – Новый Кумак, 13 – Старая Тойда, 14 – Липецк, 15 – Филатовка, 16 – Графская, 17 – Пичаево, 18 – Селезни-2, 19 – Власовка, 20 – Алмазово, 21 – Павловск, 22 – Петропавловка, 23 – Баранниково, 24 – Матчерка, 25 – Барковское, 26 – Русская Бектяшка, 27 – Карамыш, 28 – Покровск, 29 – Скатовка, 30 – Марки, 31 – Больше-Попово, 32 – Замарайка, 33 – Реутец, 34 – Решное, 35 – Старое Ардатово, 36 – Пепкино, 37 – Виловатово II, 38 – Абашево, 39 – Алгаши, 40 – Пикшик, 41 – Янгильдино, 42 – Катергино, 43 – Тюрлема, 44 – Туруново, 45 – Мари-Кугунур, 46 – Сретенка, 47 – Тапшер, 48 – Троицкий, 49 – Нартасы, 50 – Вильял

Вместе с тем на содержащих более раннюю керамику поселениях Шиловское-2, Матчерка, Липецк (рис. 26, 1,2,3,5) острореберные сосудики встречаются чаще. Возможно, закрепление за ними особых функций произошло не сразу. Но, скорее всего, именно ритуальный характер миниатюрных сосудиков обеспечил устойчивость традиции их изготовления, мало подверженной хронологическим изменениям, а в археологическом плане сделал их важным культурным индикатором.

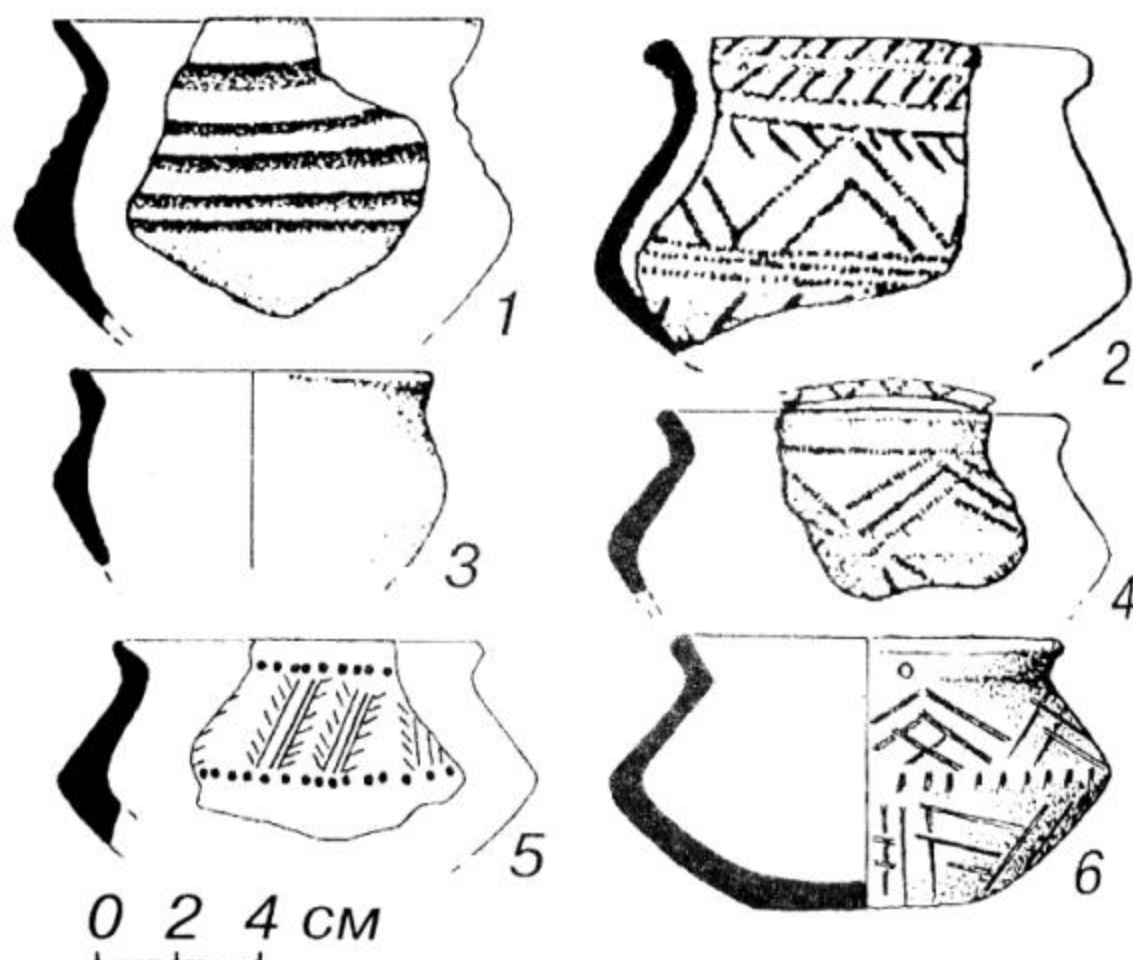

Рис. 26. Острореберные сосудики с поселений доно-волжской абашевской культуры

1 – Матчерка, 2 – Русская Бектяшка, 3 – Шиловское-2, 4 – Барковское,
5 – у телевышки г. Липецка, 6 – Шиловское

В основу анализа рассматриваемой категории керамики положено изучение особенностей формы как наиболее устойчивого признака сосудов. При этом мы опираемся на исследования А.А. Бобринского, который на основании этнографических и археологических данных показал, что навыки по изготовлению начина, полого тела и формообразованию (субстратные) очень устойчивы во времени и изменяются крайне медленно. Более динамично, буквально в рамках жизни одного поколения гончаров, могут меняться приспособительные навыки (отбор сырья, составление формовочных масс, техника и приемы орнаментации и т.д.). Тем самым субстратные признаки являются показателем единства культурных традиций, в то время как приспособительные лучше реагируют на изменения культурного окружения, контактов и т.п.⁶

Предварительная классификация форм абашевских остриганных сосудов уже приводилась ранее⁷. После статистической обработки с применением метода размытой (fuzzy) классификации в эту схему были внесены небольшие коррективы⁸. В результате массив остриганных сосудов может быть разделен на пять вариантов, которые группируются в три основные разновидности.

Первая из них (классические) характеризуется невысокой отогнутой шейкой и биконическим, приземистым пропорций туловом с ребром примерно на середине его высоты. В рамках этой разновидности в зависимости от положения ребра, диаметра дна и соотношения высоты и наибольшего диаметра тулова могут быть выделены три варианта (рис. 27, 1а - 1в).

Сосуды второй разновидности (так называемые тюльпановидные) имеют высокую, слабо отогнутую шейку, удлиненное плечико и очень невысокую придонную часть (рис. 27, 2).

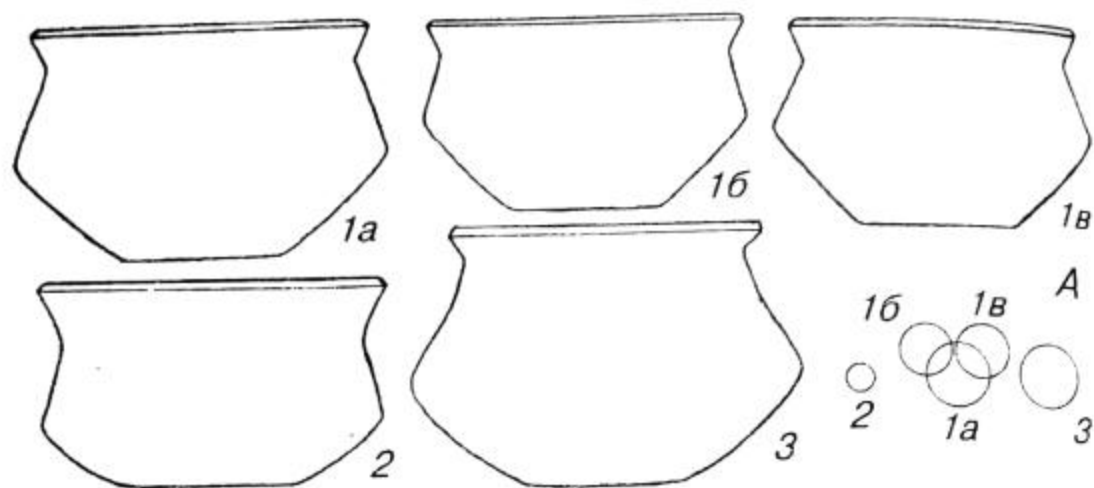

Рис. 27. Основные разновидности абашевских острореберных сосудов и их графическое соотношение (А)

Наконец, сосуды третьей разновидности характеризуются вытянутыми пропорциями, короткой шейкой с вертикальным падением внутренних стенок, зауженной горловиной и удлиненным, имеющим прогиб плечиком (рис. 27, 3).

Расчет "расстояния" между ядрами вариантов позволяет предложить графическую модель их соотношения (рис. 27, А). Вторая и третья разновидности занимают в этой модели полярные позиции. Центральное же место принадлежит сосудикам первой разновидности, между вариантами которой обнаруживается большое количество переходных форм.

Первая из разновидностей — наиболее значительная (рис. 28-30). Она представлена на всей рассматриваемой территории и является, как мы об этом уже писали, общеабашевской⁹. Подчеркнем, что применительно к доно-волжской абашевской культуре значительная часть подобных сосудов происходит из неординарных захоронений, в том числе и социально-престижных (рис. 28, 11 — 15; 29, 3, 4, 6). Формы и пропорции сосудов этой разновидности в доно-волжской лесостепи и Среднем Поволжье близки. Но

в последнем случае как будто бы отмечается тенденция к их миниатюризации.

Тюльпановидные сосудики немногочисленны и представлены почти исключительно в средневожской абашевской культуре (рис. 31, 1-4, 6-7). На территории доно-вожской абашевской культуры подобный сосуд встречен лишь однажды в Филатовском кургане (рис. 31, 5)¹⁰.

Сосуды третьей разновидности являются характерной чертой уральской абашевской культуры. Они хорошо маркируют ареал ее распространения. В Среднем Поволжье подобные сосуды представлены единичными экземплярами, причем только в левобережье (рис. 31, 8, 9). На территории же самой доно-вожской абашевской культуры такого рода формы отсутствуют. Лишь в оформлении венчика отдельных сосудиков отмечаются сходные черты (рис. 28, 5, 7).

В исследованиях по абашевской проблематике достаточно традиционной является точка зрения о генетической связи культур шнуровой керамики (более конкретно — фатьяновской и балановской) и абашевских древностей¹¹. Очевидно, что при такой постановке вопроса в шнуровых культурах должны обнаруживаться и истоки традиций изготовления миниатюрных острореберных сосудиков. Однако самая массовая и распространенная повсеместно их разновидность никаких соответствий в фатьяновско-балановской среде не находит. Нет здесь и сколько-нибудь представительной серии керамики, с которой можно было связывать происхождение тюльпановидных сосудов: известные в фатьяновской культуре кубки (длинношейные сосуды) крайне немногочисленны и имеют иную форму¹².

Наиболее типичные для средневожской абашевской культуры экземпляры второй разновидности по своей форме в действительности близки кубкам среднеднепровской культуры. Видимо, именно это сходство, наряду с другими признаками, в свое время дало П.П. Ефименко и П.Н. Третьякову повод говорить о родстве двух культур¹³.

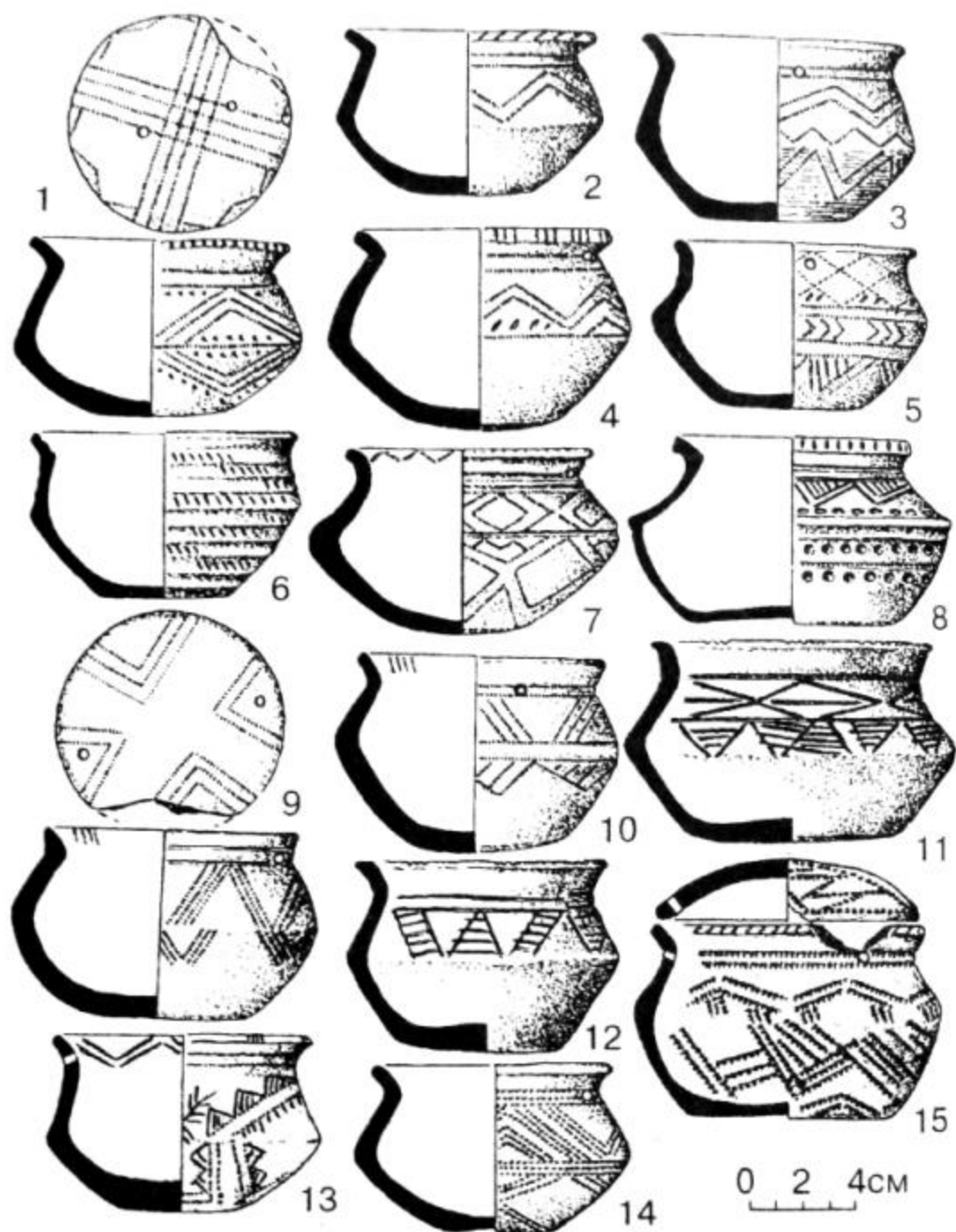

Рис. 28. Острореберные сосудики первой разновидности из погребений доно-волжской абашевской культуры

- 1-8 - Подклетное: 1 - кург.11, насыпь; 2- кург.16, погр.2;
 3 - кург.33, погр.2; 4 - кург.22, погр.2; 5 - кург.15, насыпь;
 6 - кург.10, погр.3; 7 - кург.6, погр.1; 8 - кург.22, погр.1;
 9 - Сады, кург.1, погр.2; 10 - Сады, кург.2, погр.2; 11,12 - Филатовка,
 погр.1; 13 - Селезни-2, погр.2; 14 - Кондрашевка, кург.1;
 15 - Селезни-2, погр.3.

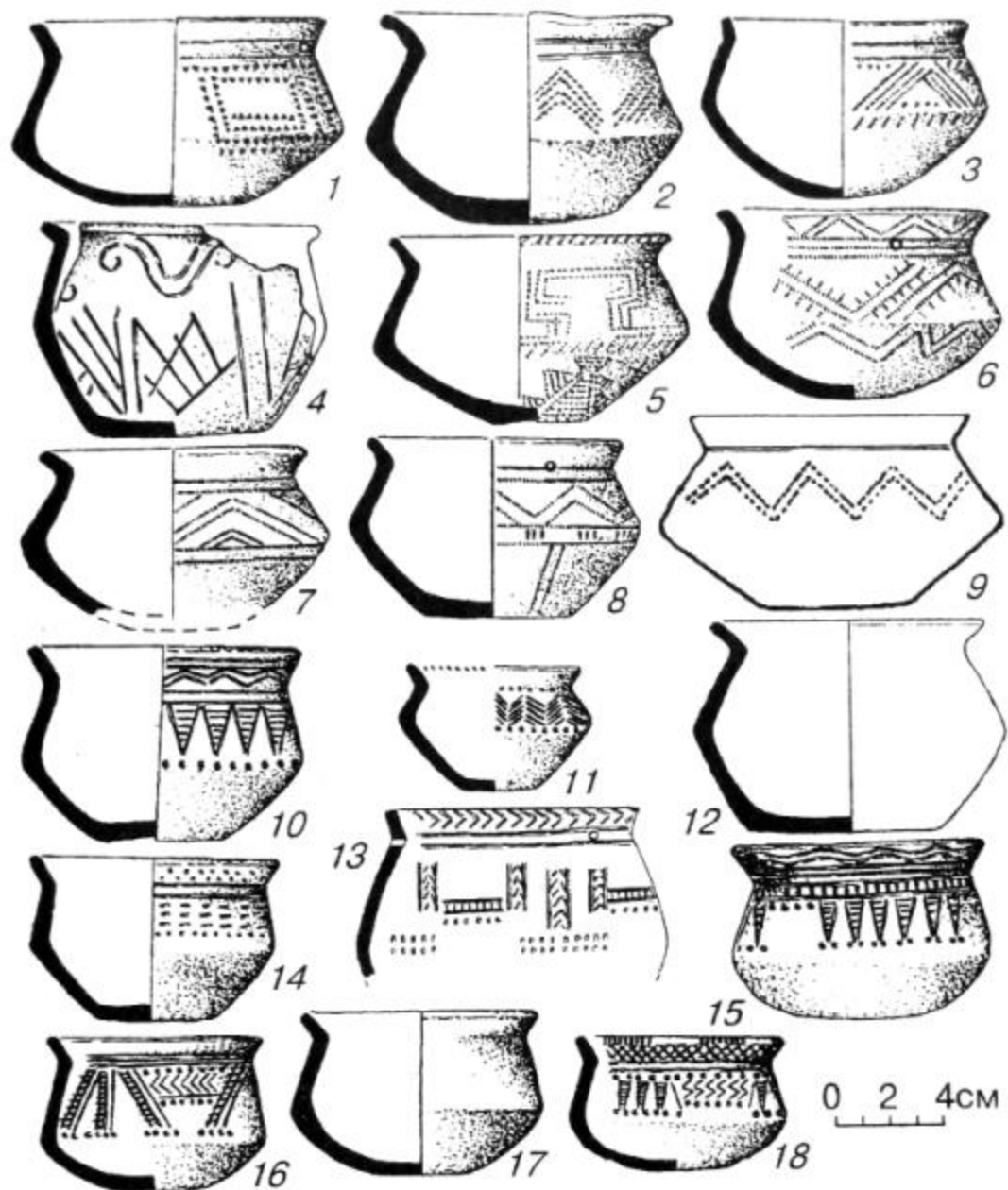

Рис.29. Острореберные сосудики первой разновидности из погребений доно-волжской (1-9) и среднеднепровской (10-11, 13-18) абашевских культур

- 1 - Орлиное Болото, кург.3, насыпь; 2 - Рогачевка; 3 - Софьино, кург.4, погр.1; 4 - Пичаево, погр.1; 5 - Новый Курлак, погр.1; 6 - Власовка, кург.16, погр.4; 7 - Частые курганы, кург.41; 8 - Реутец; 9 - Латная; 10 - Пикшик, кург.3, погр.4; 11 - Туруново, кург.4, погр.2; 12 - Решное; 13 - Старое Ардатово; 14 - Туруново, погр.4, погр.3; 15 - Пикшик, кург.12, погр.3; 16 - Абашево, кург.9, погр.1; 17 - Катергино, кург.2, погр.4; 18 - Пепкино, погр.2

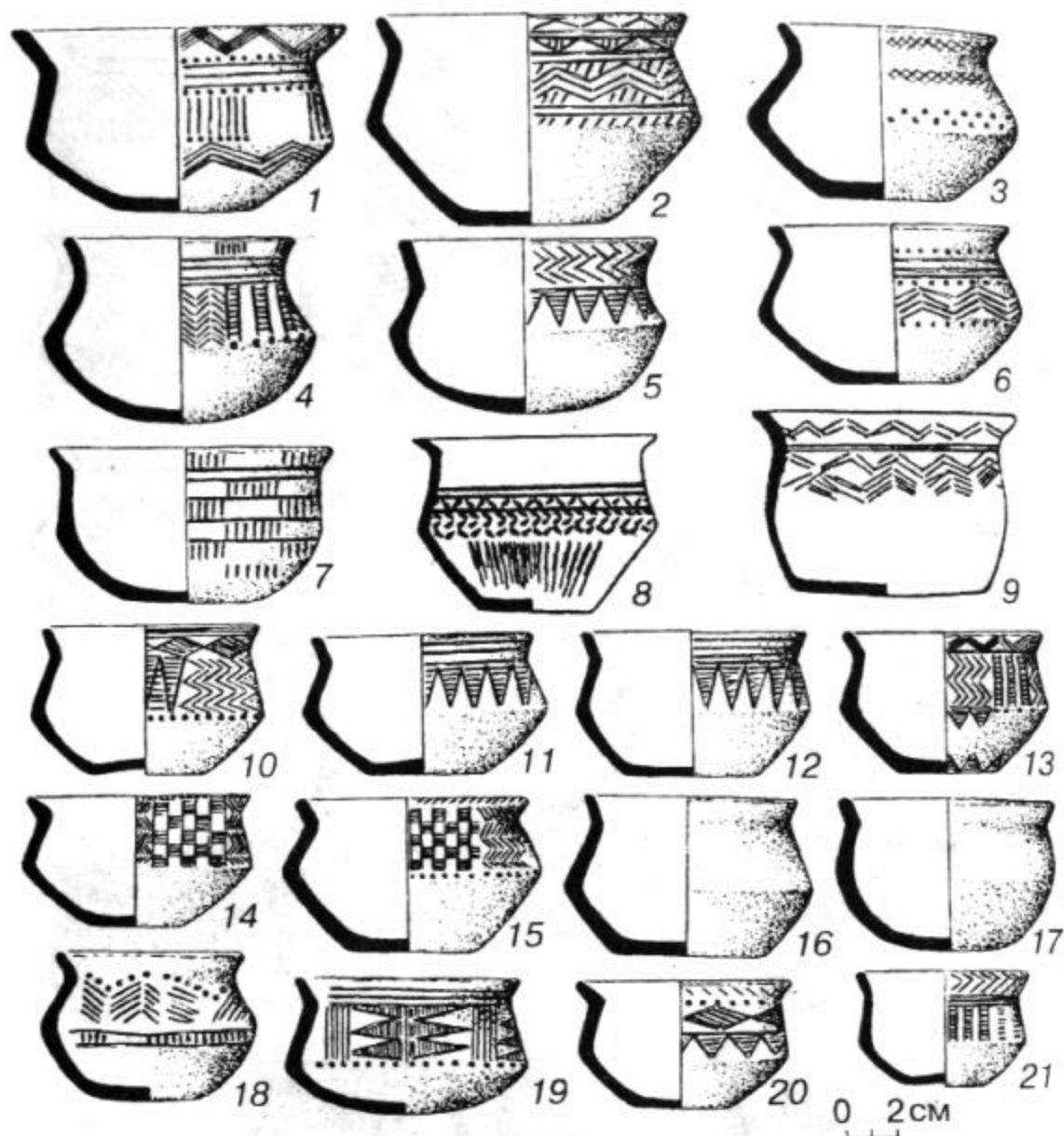

Рис. 30. Острореберные сосудики первой разновидности из комплексов средневожской абашевской культуры
 1 – Тапшер, кург.1, погр.1; 2 – Виловатово II, кург. 5, погр.1; 3 – Тюрлема, кург.4, погр.1; 4 – Виловатово II, кург.2, насыпь; 5 – Алгаши, кург.4, погр.2; 6 – Вильял, кург.1, погр.1; 7 – Пикшик, кург.2; 8 – Виловатово II, кург. 17, погр.7; 9 – Виловатово II, кург. 14, погр.1; 10 – Троицкое, кург.1, погр.1; 11 – Туруново, кург.3, погр.1; 12 – Туруново, кург.1, погр.2, 13 – Тюрлема, кург.5, погр.3; 14 – Туруново, кург.5, погр. 1; 15 – Туруново, кург.2, погр.2; 16 – Туруново, кург.4, погр.1; 17 – Пепкино, погр.2; 18 – Пепкино, погр. 1; 19 – Абашево, кург.9, погр.1; 20 – Абашево, кург. V, погр.2; 21 – Троицкое, кург.3, погр.1

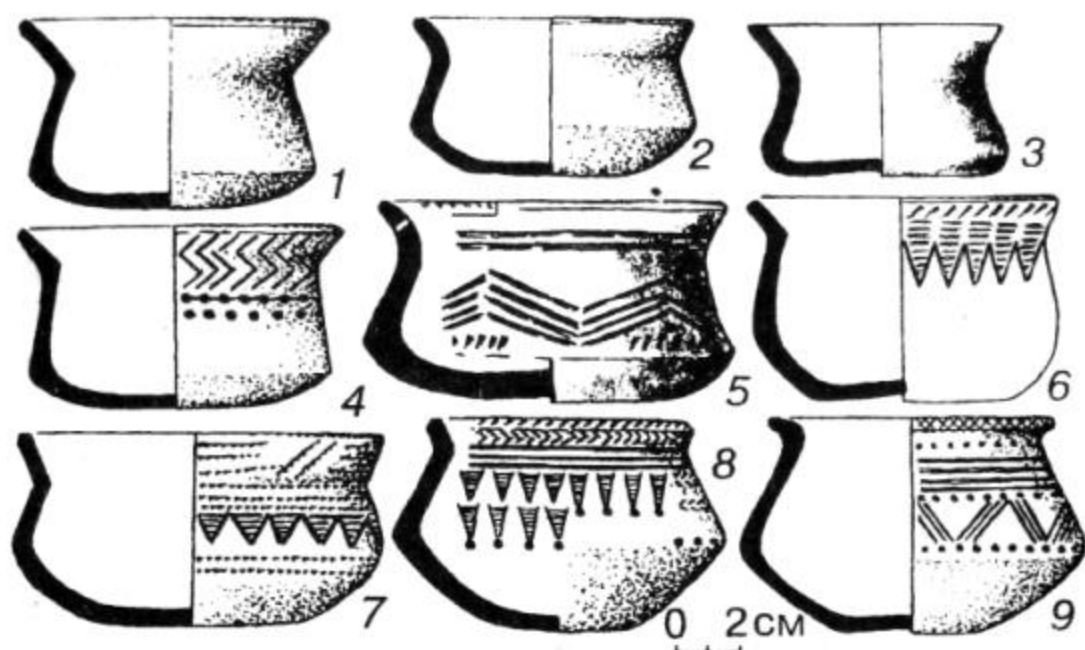

Рис.31. Острореберные сосудики второй (1–7) и третьей (8–9) разновидностей из погребений средневолжской (1–4, 6–9) и доно-волжской абашевской (5) абашевских культур
 1 – Алгаши, кург.3, погр.2; 2 – Пикшик, кург.5, погр. 3; 3 – Виловатово II; 4 – Алгаши, кург.4, погр.1; 5 – Филатовка, погр.4; 6 – Янгильдино, кург.5; 7 – Сретенка, кург.4, погр.3; 8 – Нартасы, кург.5, погр.1; 9 – Мари-Кугунур, кург.26, погр.2

Однако возможному предположению об этой форме как прототипе, своего рода протооснове традиций изготовления абашевских острореберных сосудиков противоречит ряд обстоятельств. Во-первых, сосуды второй разновидности представлены на Средней Волге в комплексах, которые по набору инвентаря и погребальному обряду не выделяются из остальных средневолжских погребений (Алгаши, Пикшик, Виловатово II)¹⁴. Во-вторых, относительная хронология таких сосудов не опускается за рамки развитого этапа абашевских древностей, что может быть установлено по их встречаемости с другими категориями инвентаря. Показательно в этом плане погребение 4 Филатовского кургана

доно-волжской абашевской культуры, где вместе с тюльпановидным сосудиком обнаружены костяные лопаточковидные навершия, аналогичные находкам из Пепкинского кургана средневолжской абашевской культуры и широкого круга воинских погребений конца периода средней бронзы¹⁵. В могильнике Алгаши найдена костяная кольцевидная пряжка с отверстием на узкой планке¹⁶. Сходные пряжки известны в позднеабашевских и раннесрубных комплексах.

Тем самым наличие подобных сосудов указывает не столько на преемственность традиций, сколько на наличие контактов среднеднепровской культуры с абашевским миром. Причем эти контакты вполне могли иметь место не только в бассейне Оки, но и в Подонье. В пользу такого предположения говорит обнаружение среднеднепровской керамики на Семилукском городище вблизи Воронежа¹⁷ и наличие аналогичного среднеднепровскому орнамента на остросереберном сосудике с поселения у телевышки г. Липецка (см. рис. 26, 5).

Таким образом, сопоставление форм абашевских остросереберных сосудиков показывает преобладание единой традиции формообразования во всем ареале рассматриваемого региона, при весьма ограниченных проявлениях традиций культур шнуровой керамики, особенно фатьяновской и балановской, причем на ограниченной территории.

Аналогичный результат дает сравнительный анализ формовочных масс абашевских и фатьяновско-балановских сосудов. Мы не располагаем данными по всем привлеченным для анализа остросереберным сосудикам. Но имеющиеся в нашем распоряжении материалы и наблюдения других исследователей позволяют утверждать, что преобладающей примесью в абашевских сосудах, в том числе и маленьких остросереберных, была толченая раковина. Это контрастирует с фатьяновско-балановской рецептурой, где доминировала примесь шамота, а также дресвы¹⁸.

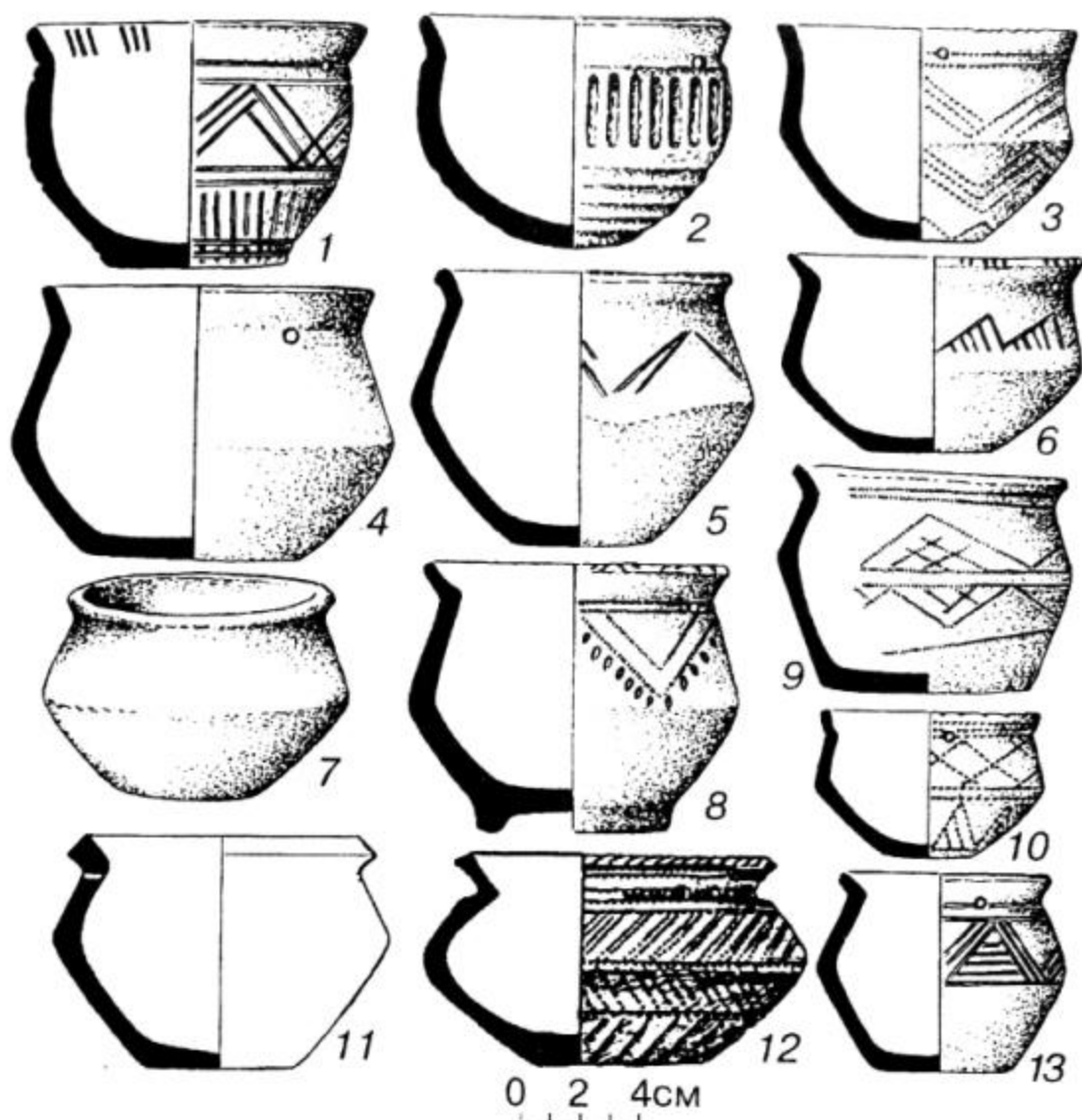

Рис.32. Острореберные сосудики из поздних памятников
доно-волжской абашевской культуры

- 1 – Подклетное, кург.13, погр.1; 2 – Подклетное, кург.17, погр.1;
3 – Старая Тойда, кург.1, погр.8; 4 – Больше-Попово, кург.2, погр.3;
5 – Частые курганы, кург.35, погр.2; 6 – Графская, кург.15, насыпь;
7 – Скатовка, кург.11; 8 – Покровск, кург.14, погр.1; 9 – Покровск,
кург.30; 10 – Петропавловка, погр.1; 11 – Карамыш, кург.1, насыпь;
12 – Павловск, кург.57, погр.1; 13 – Алмазово, кург.1, насыпь

Иную картину дает анализ орнаментальных композиций. Общими для рассматриваемой серии являются горизонтальные линии, зигзаг, насечки, ромбы. Эти элементы орнамента преобладают в доно-волжской лесостепи, где их дополняют приземистые заштрихованные треугольники. В единичных случаях отмечены елочка (см. рис. 28, 5), меандр (см. рис. 29, 5), пирамидки (см. рис. 28, 13). В большинстве случаев композиции выполнены мелкозубчатым штампом. В Среднем Поволжье орнамент большей частью наносился прочерчиванием, а элементы орнаментации дополнены удлинёнными равнобедренными заштрихованными треугольниками, лесенкой, многорядной елочкой, округлыми ямками.

На отдельных острореберных сосудах фиксируется наличие знаков, о чем речь будет идти в седьмой главе книги.

Существенно различается композиционное построение декора. На острореберных сосудах доно-волжской абашевской культуры орнаментальный пояс состоит из одинаковых элементов, а в средневолжской нередко ритмично чередуются различные элементы. На эту особенность средневолжской абашевской керамики, так же как и на отмеченные выше специфические элементы орнамента, исследователи обратили внимание уже давно, справедливо связав ее появление с фатьяновско-балановскими традициями¹⁹. Налицо и ее четкая географическая локализация в районе распространения средневолжской абашевской культуры.

Таким образом, морфологические и технологические особенности острореберных сосудов в рассматриваемом регионе обладают высокой степенью единства. Фатьяновско-балановское влияние на острореберных сосудах проявляется только на уровне приспособительных навыков, не затрагивая основ абашевских керамических традиций. Это, на наш взгляд, свидетельствует скорее о контактах с син-

хронными культурами, чем об их генетической связи.

Узкая географическая локализация подобных свидетельств делает маловероятным предположение о возможности продвижения носителей средневожской абашевской культуры в южном и юго-западном направлении на территорию лесостепного доно-вожского междуречья, поскольку каких-либо характерных ее проявлений здесь не отмечено.

Одновременно в доно-вожской лесостепи фиксируется без каких-либо существенных примесей не только самая массовая, но и наиболее диагностичная форма абашевских остросереберных сосудов. Здесь же присутствуют общие для обеих абашевских культур элементы орнаментации. Напрашивается предположение о зарождении традиций изготовления остросереберных сосудов в доно-вожском междуречье и последующем ее распространении к северо-востоку. Но для более конкретного заключения необходим детальный анализ всего круга источников.

Возвращаясь к оценке остросереберных сосудов как культурных индикаторов, отметим их распространение за пределами "основного" массива абашевских памятников рассматриваемого региона. Так, типично абашевский остросереберный сосуд происходит из Решенского могильника (см. рис. 29, 12), что, в общем, согласуется с точкой зрения тех исследователей, которые в памятниках сейминско-турбинского типа склонны видеть наличие абашевского компонента. Находки остросереберного сосуда и крышки отмечены на территории современной Курской области (см. рис. 29, 8).

Но особенно следует обратить внимание на тот факт, что значительное число остросереберных сосудов происходит из расположенных в степных районах памятников, которые применительно к территории степного Поволжья рядом исследователей интерпретируются как покровские (рис. 32). Анализируя остросереберные сосуды из памятни-

ков покровского типа в Поволжье, О.В. Кузьмина пришла к выводу о существенных различиях между ними и остросереберными сосудиками уральской абашевской культуры (в числе прочих аргументов ею названы различия в пропорциях и орнаментации)²⁰. В этом плане сделанные ею выводы вполне корректны. Но последовавшая затем экстраполяция полученных выводов на проблему соотношения абашевских и «покровских» древностей в целом, вызывает серьезные возражения, поскольку исследовательница за рамки анализа вывела памятники лесостепного доно-волжского междуречья.

Между тем, вне зависимости от подходов к оценке и интерпретации памятников покровского типа, большинство археологов единодушно признают наличие в них более или менее выраженного абашевского компонента²¹. Однако признание волго-уральских истоков этого компонента неубедительно. Последнее и не случайно, поскольку налицо значительный территориальный разрыв между ареалом средневолжской абашевской культуры и степным Поволжьем, с одной стороны, и существенных отличий покровцев в сопоставлении с уральской абашевской культурой – с другой.

Широкое распространение остросереберных сосудиков на территории доно-волжской лесостепи, включая их находки в степном правобережье Волги, позволяет более уверенно аргументировать связь памятников покровского типа степного Заволжья, естественно и волго-донского междуречья, с доно-волжской абашевской культурой. Несмотря на некоторые изменения форм пропорции происходящих отсюда сосудиков не выходят за рамки параметров, установленных для остросереберных сосудиков первой разновидности. Сходство дополняется наличием в обоих регионах сосудов с крышками, кстати сказать, отсутствующих в средневолжской абашевской культуре. Показательно, что и специфические особенности орнаментации

острореберных сосудиков средневолжской абашевской культуры также не нашли отражения в керамике памятников покровского типа.

Вместе с тем в керамике из поздних комплексов доно-волжской абашевской культуры отмечается некоторое увеличение размеров сосудов, появление поддона и др. Отметим здесь и наличие сосудиков, которые лишь условно можно назвать острореберными (рис. 32, 1, 2). Нетрудно заметить, что именно эти черты оказываются наиболее характерными для степных памятников волго-донского междуречья и Заволжья.

Изложенное дает основания для заключения о доно-волжской абашевской принадлежности памятников с миниатюрными острореберными сосудиками степных районов волго-донского междуречья и Заволжья. Их распространение в степи надежно маркирует направление продвижения носителей этой культуры из лесостепного Подонья к югу и юго-востоку.

На этом фоне средневолжская абашевская культура выглядит куда менее динамичной. Показательно, что каких-либо существенных проявлений ее воздействия в южном направлении не отмечается. Думается, что именно это обстоятельство, до выделения и осмысления доно-волжской абашевской культуры, тормозило отнесение к абашевским ряда комплексов степного Поволжья.

¹ Евтюхова О.Н. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М., 1964. — С.117.

² Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. — Воронеж, 1977. — С. 92–93.

³ Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. — Самара, 1992. — С. 22–24 и др.

⁴ Беседин В.И. Острореберные сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. – Рязань, 1998. – С. 44–59.

⁵ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976. – С. 28. Табл. 1.

⁶ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: (Источники и методы изучения). – М., 1978.

⁷ Беседин В.И. К вопросу о соотношении абашевских древностей Подонья и Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. – Тула, 1993. – С. 13–14.

⁸ Беседин В.И. Применение метода размытой классификации для морфологического анализа древней керамики // Информационный бюллетень ассоциации "История и компьютер". – М., 1995. № 14, апрель. – С. 76–77.

⁹ Беседин В.И., Пряхин А.Д. Миниатюрные острореберные сосуды в системе оценки абашевских древностей // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб., 1995. – С. 79–80.

¹⁰ Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго–Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С. 48, рис. 12, 2.

¹¹ Из работ последнего времени см.: Горбунов В.С. Бронзовый век Волго–Уральской лесостепи. – Уфа, 1992. – С. 152–153; Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго–Уралье. – С. 46–48, 74.

¹² Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго–Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. – М., 1972. – С. 99–100.

¹³ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. – 1961. № 97. – С. 82–86.

¹⁴ Евтюхова О.Н. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. – 1961. № 97. – Табл. 1.

¹⁵ Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана // РА. – 1995. № 3.

¹⁶ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Среднем Поволжье. С. 57.

¹⁷ Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1986. – С. 61.

¹⁸ Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996. – С. 47.

¹⁹ Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Вып. XXI. – С. 86–87.

²⁰ Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. – СПб., 1995. – С. 32–35.

²¹ Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: Тез. вторых Рыковских чтений. – Саратов, 1991. – С. 51–52; Он же. "Абашевские племена" Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1992. – С. 14; Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб., 1995. – С. 87; Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур; и др.

ГЛАВА VI

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

Продолжая анализ наиболее массового инвентаря, обратимся к орнаментации керамики доно-волжской абашевской культуры. Появляющиеся в последнее время попытки фактически чуть ли не исключить из круга абашевских древностей памятники доно-волжской лесостепи, сочетающиеся со стремлением отнести большую части последних к покровской или покровско-абашевской культуре, требуют сопоставления и анализа орнаментации керамических серий абашевских культур.

По замечанию П.Н. Третьякова, такого богатого орнамента, как на абашевской керамике Среднего Поволжья, не имела ни одна культура эпохи бронзы, известная в пределах Европейской части России¹. Первое же описание орнаментации керамики абашевской культуры было приведено еще в 20-е гг. В.Ф. Смолиным². На основании изучения орнамента керамики он пришел к выводу об ее архаичности и хорошем выполнении, что, по его мнению, говорило о достаточно высоких эстетических воззрениях абашевского населения.

Однако необходимо отметить, что наиболее полная сводка абашевских элементов орнамента со всей известной к тому времени территории распространения абашевских памятников была приведена К.В. Сальниковым в первой половине 50-х гг. завершившегося столетия³. Впоследствии, вслед за П.Д. Либеровым, он склонился к мысли, что бедный орнамент абашевской культуры Среднего Дона обусловлен отходом от своих ранних орнаментальных прототипов Среднего Поволжья⁴.

До недавнего времени значительный массив источников для изучения доно-волжской абашевской культуры, в отличие от других культур абашевской общности, был представлен материалами поселений⁵. В силу этого, предложенная в первой половине 70-х гг. одним из авторов главы общая типология абашевской керамики и ее орнаментации также преимущественно была составлена на основании изучения керамических серий, происходящих с поселений. В то же время периодизация и хронология абашевской общности основывалась в значительной степени на сумме показателей, среди которых существенное место принадлежит стратиграфическим наблюдениям и коррелированию отдельных категорий находок, в том числе и керамики, именно из закрытых погребальных комплексов⁶. Причем уже тогда все этапы развития абашевских древностей оказались наиболее полно представленными на пространствах доно-волжской абашевской культуры.

В последнее время изучению орнаментации абашевских сосудов волго-уральского региона много внимания уделяют О.В. Кузьмина и О.Д. Мочалов.⁷ Аналогичный анализ для доно-волжской абашевской керамики отсутствует. Тем не менее О.В. Кузьмина делает вывод о ее бедности, упрощении орнаментальных композиций по сравнению с "классическими" средневолжскими и уральскими памятниками, а следовательно, и о более позднем характере.

Новые возможности открывает анализ орнаментации полученных за последнее время керамических серий, происходящих из могильников доно-волжской культуры и, прежде всего, Подклетненского могильника, о котором речь шла в первой главе. Это тем более актуально, поскольку керамические серии других абашевских культур происходят, прежде всего, из погребений.

Керамическая серия Подклетненского могильника, где представлены практически все периоды развития абашевских древностей, дает возможность не только выделить специфические элементы орнаментации керамики доно-

волжской абашевской культуры, но и проследить динамику формирования орнаментального комплекса другого культурного образования – срубной общности. Для анализа орнаментации керамики доно-волжской абашевской культуры, кроме материалов Подклетненского могильника, привлечены керамические серии, происходящие и из других погребальных комплексов (Введенка, Филатово, Новый Курлак, Селезни-2 и др.). Общий объем выборки составил около 120 сосудов.

Существует довольно большой диапазон различного рода подходов, использующихся при анализе орнаментации керамики⁸. При анализе орнаментации керамики доно-волжской абашевской культуры использован системный подход, согласно которому орнамент изучается в его организации, выявляется соподчиненность его элементов в рамках целого⁹. В структуре орнамента выделяется несколько уровней: элемент, мотив, композиция. *Элемент орнамента* – простейшая единица, соответствующая единичному отпечатку используемого орнаментира и таким образом тесно связанная с техникой выполнения орнаментации. *Мотив* – комбинация элементов орнамента, основанная на их повторяемости в рамках композиции. Мотивы могут быть простыми (состоят из одного элемента) или сложными (состоят из нескольких элементов). *Композиция* – система, основанная на сочетании мотивов в рамках отдельной зоны (зональная композиция) или всего сосуда (совокупный орнамент). Использование системного подхода позволяет понять закономерности выбора определенных сочетаний структурных единиц орнамента, что в конечном счете дает возможность построить модель орнамента керамики.

В происходящих из погребальных комплексов доно-волжской абашевской культуры керамических сериях, орнаментированными оказалось немногим более 80% керамики.

Предваряя непосредственный анализ орнаментации керамики, уместно несколько слов сказать об обработке поверхности сосудов. Дело в том, что именно эта стадия в изготовлении керамики предшествует ее декорированию. В большинстве случаев поверхности сосудов тщательно заглажены или замыты. Об этом свидетельствуют слегка выступающие над общей поверхностью фракции отощителя (толченая ракушка, значительно реже – шамот). Лощение использовалось не часто, причем, судя по специфическому матовому блеску поверхности, лощению подвергалась уже сухая или хорошо подсушенная поверхность сосуда¹⁰.

Четверть от общего числа составляет посуда с обработанной гребенкой или зубчатым штампом поверхностью. Нередко следы такой обработки заглаживались или подвергались лощению. В этом случае перемычки между бороздками слегка сплющены и края как бы нависают над бороздкой, а иногда и вообще смыкаются. Важно отметить, что если на раннем этапе развития доно-волжской абашевской культуры обработка поверхности гребенкой или зубчатым штампом фиксируется лишь на отдельных участках сосуда, то на позднем этапе она начинает выполнять уже декоративную функцию, создавая видимость "огрубления" общего орнаментального фона.

Орнаментация сосудов доно-волжской абашевской культуры в целом соответствует той характеристике погребальной посуды указанного региона, которая приводилась ранее¹¹.

Общее число элементов орнаментации невелико и сводится к двум основным типам – линии (длинные, короткие, полукруглые изогнутые и волнообразные желобки) и вдавления, которые образуются разными способами нанесения орнамента. Заметим, что к аналогичным выводам пришел и С.В. Большов, анализируя орнаментальные композиции керамической серии, происходящей с I Пеленгерского могильника средневолжской абашевской культуры¹².

На керамике доно-волжской абашевской культуры присутствуют три основных способа: штампование, протаскивание и накалывание. В связи с конкретным проявлением определенного способа орнаментации можно выделить ряд приемов. Чаще всего орнамент выполнялся путем прочерчивания (рабочий край орнаментира имеет небольшую площадь или острие, которое разрывает поверхностный слой глины, оставляя тонкую линию с задирами¹³) или с помощью резной техники (присутствует на 46% керамики). Разница между прочерченной и резной техникой применительно к орнаменту доно-волжской абашевской культуры заключается в толщине рабочей поверхности инструмента, а следовательно, и наносимых им отпечатках. В последнем случае образуемые линии значительно шире, чем прочерченные. Любопытно, что нанесение орнамента резной техникой чаще встречается на более поздней абашевской керамике.

Далее по степени встречаемости следует орнамент, выполненный мелкозубчатым штампом (23%). Несмотря на внешнее сходство орнамента, он в большинстве случаев наносился инструментами разной конструкции. Только для доно-волжского региона характерен штамп с так называемыми поперечными зубцами. Подобные отпечатки дает плотно намотанная на острое лезвие тонкая нить или жила, в то время как на обычном орнаментире зубцы вырезаются или пропиливаются¹⁴. Оставшиеся от такого инструмента отпечатки представляют собой бороздки одинаковой ширины с примерно равным расстоянием между ними, а ложе бороздок имеет округлую форму. Эти отпечатки очень сильно напоминают следы, полученные гребенчатым штампом с округлыми (или сработанными) зубцами. В особенности это касается жгутов, покрытых засохшей глиной¹⁵.

Еще одним приемом нанесения орнамента являются вдавления (22%), которые могут выступать и как самостоя-

тельный элемент декора посуды. Вдавления имеют разную форму, зависящую от площади и формы рабочего края орнаментира. Чаще всего встречаются каплевидные и линзовидные вдавления, а также насечки, выполненные очень тонким (практически точечным) инструментом.

Как поздний признак выступают оттиски гребенки с широкими редкими зубцами (6%) и перевитого шнура (9%). Иногда узор образован широкими желобками. Вопреки устоявшемуся мнению о почти обязательном для абашевской керамики Подонья наличии желобка (желобков) на внутренней поверхности шейки, этот признак отмечен лишь на 28 % колоколовидных сосудов, о чем речь уже шла в первой главе.

На керамике доно-волжской абашевской культуры перечисленные приемы орнаментации в 65% случаев встречаются по отдельности. Тем не менее имеются и некоторые закономерности в сочетаемости приемов орнаментации между собой. Наиболее устойчивые группы образуют: зубчатый штамп + различного рода вдавления, перевитой шнур + резная техника нанесения орнамента. Если первое сочетание встречается практически на всем протяжении существования культуры, то второе характерно для более поздних памятников и, таким образом, может выступать как определенный хронологический показатель.

В орнаментации керамики доно-волжской абашевской культуры выделяются 20 основных мотивов, большинство из которых – простые (рис.33, 34). Наиболее распространенными мотивами орнамента являются горизонтальные линии (68%), зигзаг (28%), различного вида треугольники (19%) и ромбы (9%), часто ограниченные "бахромой" из наклонных или округлых вдавлений. Особенно ярким узором выделяются остросереберные сосудики, чаши и банки небольших размеров, в то время как на остальных орнамент чаще всего предельно прост.

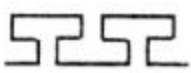

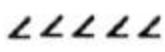

№	Мотив		%
1	горизонт. линии		68
2	горизонт. зигзаг		28
3	наклонные вдавления		22
4	бахрома		10
5	заштрихованный треугольник		17
6	вертикальные линии		8
7	горизонт. елочка		6
8	ямки		6
9	пустой ромб		6
10	волна		5
11	меандр		5
12	заштрихованный ромб		3
13	"лесенка"		2
14	пустой треугольник		2
15	полуфестон		2
16	уголки		2
17	шишечки		2
18	кресты		1
19	пирамидка		1
20	вертикальная елочка		1

Рис. 33. Орнаментальные мотивы керамики доно-волжской абашевской культуры

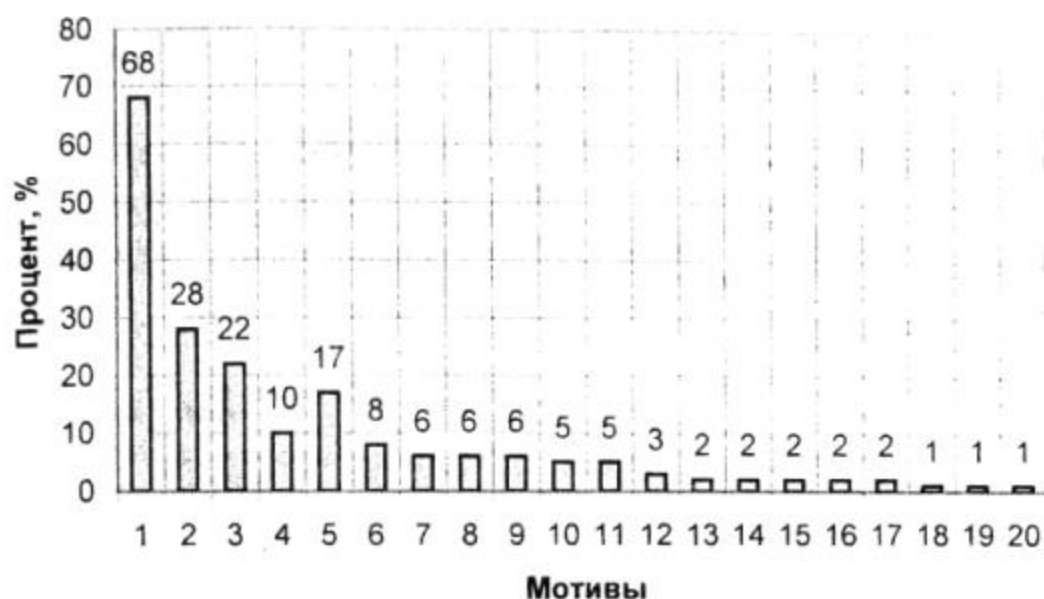

Рис. 34. Гистограмма процентного распределения мотивов орнамента
(№ мотива соответствует его позиции на рис. 33)

Следует отметить, что в ряде случаев фиксируются в общем-то не характерные для абашевской посуды элементы, такие как вертикальная елочка с разделителями из вертикальных же линий, паркетоподобный узор и другие, которые, скорее всего, отражают инокультурные воздействия (прежде всего воздействие традиций орнаментации керамики населением среднедонской катакомбной культуры).

Интересную картину дает анализ орнаментальных композиций. Корреляция мотивов орнамента в рамках орнаментальных композиций позволяет выделить наиболее характерные для доно-волжской абашевской культуры композиции (рис.35). Всего выделено около пятидесяти разного рода вариантов. Как правило, сосуды украшались довольно просто, в 83% случаев двумя-тремя мотивами. Исключение составляют острореберные абашевские сосудики, которые, как уже говорилось в пятой главе книги, хорошо фиксиру-

ют как типичные элементы орнаментации абашевской керамики Подонья, так и различного рода инокультурные воздействия. Наиболее типичными являются сочетания:

- горизонтальные линии + горизонтальный зигзаг;
- горизонтальные линии + бахрома или вдавления;
- горизонтальные линии + заштрихованные треугольники;
- горизонтальные линии + волна.

Последнее сочетание характерно именно для доно-волжской абашевской культуры.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1		23	10	3	11	5	4	4	3	8	2	1	2	2	1	1	2	1	2	3
2	23		19	5		2	1	1	2	2				2			3	1		3
3	10	19		4	4	5		2	4	1						1	2			1
4	3	5	4		3															
5	11		4	3				2	3					1						
6	5	2	5																	
7	4	1						2						2						
8	4	1	2		2															
9	3	2	4		3		2													
10	8	2	1													1	1			
11	2																			
12	1																			
13	2																			
14	2	2			1		2													
15	1																			
16	1		1							1										
17	2	3	2							1										
18	1	1																		
19	2																			
20	3	3	1																2	

Рис. 35. Корреляционная матрица частоты взаимовстречаемости мотивов в орнаментальных композициях керамики доно-волжской абашевской культуры
(№ мотива в сетке соответствует его позиции на рис.33)

Сходные и специфические черты керамики разных культур абашевской общности исследователями отмечались неоднократно¹⁶. Для рассматриваемой серии общими являются горизонтальные линии, зигзаг, насечки, ромбы. Эти элементы орнамента преобладают на керамике в доно-волжской лесостепи, где их дополняют ромбы, приземистые заштрихованные треугольники. В единичных случаях отмечены меандр, елочка, пирамидки, которые можно объяснить культурным влиянием с более восточных территорий (носителей уральских традиций)¹⁷. В большинстве случаев композиции выполнены мелкозубчатым штампом.

Важно отметить, что сходство доно-волжской и уральской абашевской керамики в большей степени проявляется именно в орнаментации. Прежде всего это близкие схемы композиций: зигзаг, заштрихованные треугольники, ромбы, обычай украшать придонную часть. Вслед за другими исследователями отметим такие уральские проявления в абашевской керамике Подонья, как меандр, желобки, пирамидки. Сходство подчеркивается и почти обязательным присутствием на сосудах двух отверстий. В доно-волжском и уральском регионах известны глиняные крышки с двумя отверстиями к острореберным сосудикам. Встречены семь экземпляров – Подклетное, Сады, Замарайка, Покровский, Михайловский, Метев-Тамак. Присутствует и такой общий компонент орнаментации как вписанный в круговое обрамление крест¹⁸.

Надо отметить, что орнаментация миниатюрных острореберных сосудиков, как, впрочем, и материалы, происходящие с поселений в целом, хорошо фиксируют контактную зону доно-волжских и уральских традиций в Самарском Заволжье¹⁹.

Относительно Среднего Поволжья заметим, что здесь орнамент большей частью наносился прочерчиванием, а элементы орнаментации дополнены удлинёнными равно-

бедренными заштрихованными треугольниками, лесенкой, многорядной елочкой, округлыми ямками.

Существенно различается композиционное построение декора. В доно-волжской культуре орнаментальный пояс состоит из одинаковых элементов, а в средневолжской нередко ритмично чередуются различные элементы. Последняя особенность, также как и отмеченные выше специфические элементы орнамента, справедливо связывается с воздействием фатьяновско-балановского населения. Налицо и ее четкая географическая локализация в районе распространения средневолжской абашевской культуры, о чем речь шла выше.

Существенные результаты дает общий анализ орнаментации керамики абашевской общности. За основу была взята таблица распространения элементов орнаментации на погребальной абашевской посуде²⁰, дополненная новыми материалами Подклетненского могильника доно-волжской абашевской культуры, а также опубликованными материалами из работы О.Д. Мочалова²¹.

Использовалась хорошо зарекомендовавшая себя методика, изложенная в работах В.Ф. Генинга, Д.Я. Телегина и других исследователей²². По каждому из элементов орнамента были рассчитаны коэффициенты сходства для отдельной культуры. Результаты статистического анализа орнаментации погребальной абашевской керамики показали наличие достаточно высокого сходства между отдельными культурами (порядка 64-68%). Причем коэффициенты настолько близки, что при имеющемся объеме выборок нет оснований говорить о больших или меньших различиях между какими-либо абашевскими культурами (рис.36). Вместе с тем коэффициент сходства керамики среднего и позднего этапов доно-волжской абашевской культуры с территории лесостепного Подонья и так называемых памятников покровского типа Нижнего Поволжья значительно выше (около 75%)²³.

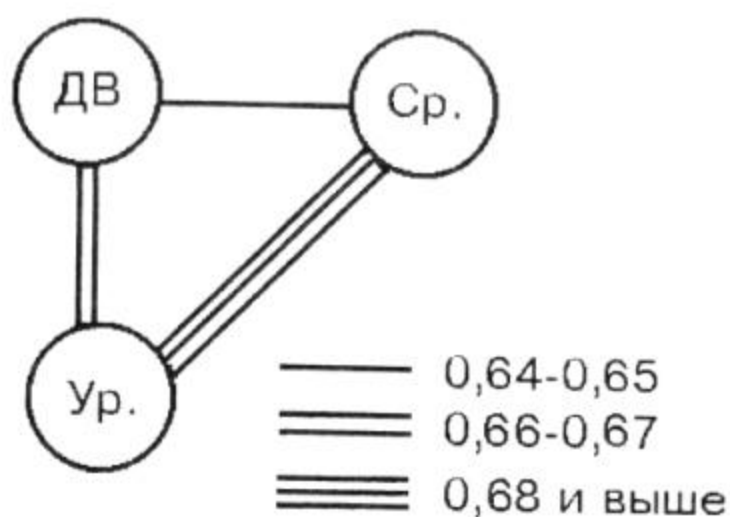

Рис. 36. Граф соотношения орнаментальных комплексов культур абашевской общности (ДВ — доно-волжская; Ср. — средневолжская; Ур. — уральская)

Можно сказать, что орнаментация керамики абашевской культурно-исторической общности есть единое культурное явление со специфическими различиями в рамках отдельных культур. Тем самым получает подтверждение как правильность выделения абашевской культурно-исторической общности, так и культур, ее образующих (доно-волжская абашевская, средневолжская и уральская абашевские). Кроме того, высказанное О.В. Кузьминой положение об упрощении орнамента на керамике по мере развития абашевской культуры²⁴, не может быть признано как единственно возможное. Более справедлив подход, согласно которому более простой орнамент — ранний (начальный этап доно-волжской абашевской культуры).

Орнаментация керамики, прежде всего Подклетненского могильника, как это указывалось выше, позволяет проследить на ряде элементов орнамента процесс, отражающий трансформацию доно-волжской абашевской культуры

в срубную. Это хорошо прослеживается на целом ряде отдельных мотивов орнамента посуды (рис.37). Так, одним из хронологических индикаторов орнамента керамики покровского типа выступает наличие вертикальных желобчатых вдавлений. Можно отметить, что на более ранних сосудах вертикальные желобчатые вдавления наносились преимущественно в нижней части сосуда, ниже наибольшего расширения тулова. В этом случае венчик и плечико сосуда украшались другим орнаментальным мотивом. В большинстве случаев – это горизонтальный зигзаг или же горизонтальные желобчатые линии, сочетавшиеся с вдавлениями.

Возможно, что перемещение этого орнаментального мотива с нижней части сосуда в верхнюю связано с распространением на позднем этапе существования доновожжской абашевской культуры техники обработки поверхности сосуда широкими грубыми расчесами крупнозубчатого штампа, сохраняющимися и на более ранней срубной керамике²⁵. Этот элемент претерпевает изменения. Постепенно он становится доминирующим, а зачастую и единственным в орнаментальной композиции керамики. Меняется и его расположение: теперь он занимает орнаментальные зоны по венчику и плечику, тем самым приближаясь к типично срубной системе зональности. Линии ровные, параллельные друг другу с небольшими промежутками, относительно тонкие. Прослеживается и некоторая связь с формой посуды: чем выше и стройнее сформирован сосуд, тем длиннее вертикальные линии, чем приземистее – короче. На данном этапе пропорции сосудов приобретают уже срубные черты. На уже собственно срубной керамике этот мотив трансформируется в относительно короткие наклонные линии с различной техникой их выполнения, причем иногда в сочетании с широкими расчесами. По-видимому, желобчатая техника нанесения вертикальных или наклонных линий позволяет отнести такого рода срубную керамику к более раннему периоду развития данной культуры.

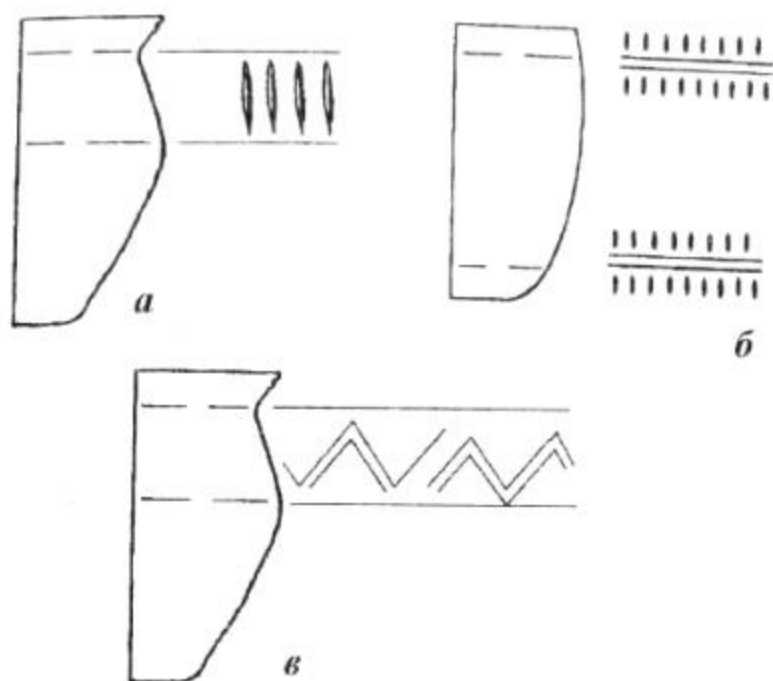

Рис. 37. Орнаментальные композиции, диагностирующие переходные абашевско-срубные памятники и их возможное зональное расположение

Еще одним характерным элементом абашевского орнамента, в том числе и на позднем этапе, становятся широкие прочерченные горизонтальные линии, располагающиеся под венчиком, иногда в сочетании с наклонными вдавлениями. Этот элемент распространен и в орнаментации предшествующего этапа развития доно-волжской абашевской культуры. Однако здесь важную роль играет число (кратность) линий. Если для орнаментации развитого периода характерно наличие большего числа линий (от 3 до 9, обычно 4-6), то позднее их становится меньше (1-2). И в таком соотношении они фигурируют в орнаменте срубной посуды. В то же время сочетание 1-2 линий с обрамляющими вдавлениями — элемент орнаментации и срубной керамики, встречающийся практически на разных этапах существования культуры. Правда на абашевской керамике подобные композиции встречаются преимущественно на

горшковидных сосудах, а в срубное время - исключительно на баночной посуде. Существуют и некоторые различия в технике выполнения вдавлений.

Важным хронологическим и этнокультурным показателем представляется разрыв орнаментального поля из одинаковых элементов (преимущественно горизонтального зигзага), достаточно распространенный на срубной керамике²⁶. Формирование этого элемента также следует отнести к кругу традиций доно-волжского абашевского населения, где он зафиксирован на ряде сосудов. Вряд ли случайно и то, что разрыв орнаментального поля наблюдается и на ряде сосудов из могильника поздняяковской культуры Лебяжий Бор эпохи поздней бронзы, что, видимо, указывает на доно-волжское абашевское влияние и позволяет конкретизировать относительную хронологию раннепоздняяковских памятников²⁷.

Кроме того, исключительно абашевской орнаментальной традицией можно объяснить факт наличия на ряде срубных сосудов донской лесостепной срубной культуры таких элементов и мотивов орнамента, как вписанные ромбы, обрамление фигур различного рода вдавлениями, заштрихованные прямоугольные треугольники, орнаментация среза и внутренней стороны венчика. Кстати сказать, перечисленные выше заимствования отмечаются и на раннесрубной посуде Подонцовья,²⁸ то есть на территории, где также фиксируется наличие памятников доно-волжской абашевской культуры.

Таким образом, в орнаменте посуды заключительного этапа развития доно-волжской абашевской культуры фиксируются элементы, отражающие сложный процесс ее перерастания в срубную. Более того, создается впечатление, что срубный орнаментальный комплекс формировался практически из тех же структурообразующих звеньев, что и доно-волжский абашевский, только в различных их сочетаниях в рамках мотивов и композиций.

¹ Третьяков П.Н. Абашевская культура // *Památky archeologické. Ročník LII.* – 1961. Číslo 2. – Р.380; Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л., 1966. – С.100.

² Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерки археологических раскопок в 1925 году). – Чебоксары, 1928. – С.32–34.

³ Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Вып. XXII.

⁴ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М., 1964. – С.153 и др.; Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967. – С.129.

⁵ Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976. – С.10–69.

⁶ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж, 1977. – С.110–123.

⁷ Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара, 1992; Она же. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1 – Самара, 1999.; Мочалов О.Д. Орнамент керамики абашевских погребений Приуралья // Историко-археологические изыскания. Вып.2. – Самара, 1997.

⁸ См.: Волкова Е.В. Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник. Подходы и методы изучения. – Куйбышев – Свердловск, 1991. – С.31–32; Мочалов О.Д. Орнамент керамики абашевских погребений Приуралья. – С.56–57.

⁹ Калинина И.В. Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой неолитической керамики Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып.15. – Свердловск, 1981. – С.41.

¹⁰ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1978. – С.223; Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996. – С.57.

¹¹ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – С.92–95, табл.2.

¹² Большов С.В. Некоторые закономерности построения орнаментальных композиций абашевских сосудов (по материалам могильника Пеленгер I) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы межд. науч. конф. – Самара, 2001. – С.257–259.

¹³ Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – С.66–67.

¹⁴ Беседин В.И. Острореберные сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.7. – Рязань, 1998. – С.57.

¹⁵ Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – С.61.

¹⁶ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – С. 92–93; Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – С.38–40.

¹⁷ Беседин В.И. Острореберные сосуды абашевской общности. – С.57.

¹⁸ Там же. – Рис. 7,1,14.

¹⁹ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – С.82–85; Васильев И.Б., Кузьмина О.В. Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж, 1981. – С.102–104.

²⁰ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Табл.2.

²¹ Мочалов О.Д. Орнамент керамики абашевских погребений Приуралья. – Табл. 2,3.

²² Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. №1. – С.32–34; Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 59–64.

²³ Беседин В.И. Абашевские древности: тенденции интерпретации в свете анализа керамики (история вопроса, современное состояние) // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Мат-лы межд. науч. конф. – Саратов, 2000. – С.59.

ного пограничья Европы и Азии: Мат-лы межд. науч. конф. – Саратов, 2000. – С.59.

²⁴ Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – С.46.

²⁵ Беседин В.И. Абашевские традиции гончарного производства в керамике покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область: Мат-лы III Рыковских чтений. – Саратов, 1994. – С.37–38.

²⁶ Сафонов И.Е. Развитие календарной символики в орнаменте срубной общности // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея М.П. Трунову – Липецк, 1995. – С.49.

²⁷ Беседин В.И., Сафонов И.Е. Сосуды с календарной символикой из могильника поздняяковской культуры Лебяжий Бор // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.5. – Рязань, 1996. – С.79–80.

²⁸ Литвиненко Р.А. Керамический комплекс погребений покровского горизонта Донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая область: Мат-лы III Рыковских чтений. – Саратов, 1994. – С.51–53.

СОСУДЫ СО ЗНАКАМИ ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди керамических серий доно-волжской абашевской культуры выделяются сосуды со знаками, которые по принципам организации композиции, а также семантической направленности отличаются от сосудов с симметричным геометрическим орнаментом. Заметим, что такого рода сосуды в керамических сериях средневолжской абашевской культуры представлены единичными экземплярами¹, а сведениями о наличии их в керамических комплексах уральской абашевской культуры мы не располагаем.

На наличие сосудов со знаками в серии керамики доно-волжской абашевской культуры впервые было обращено внимание при публикации материалов раскопок Шиловского поселения, относящегося к концу развитого, а в основном уже к позднему этапу этой культуры². Позднее публиковались и другие подборки сосудов со знаками доно-волжской абашевской культуры³.

К настоящему времени коллекция сосудов со знаками с памятников доно-волжской абашевской культуры насчитывает более тридцати сосудов. Двадцать из них происходят из коллекций с погребальных памятников, остальные встречены на Шиловском поселении.

В керамической серии с Шиловского поселения выявлено более десяти сосудов со знаками, в основном представленных фрагментами. Мы приводим лишь наиболее информативные из них (рис. 38). Знаки, фиксируемые на керамике с Шиловского поселения, нанесены в верхней части тулова сосудов различных форм. Преобладающей является техника прочерчивания, хотя встречены и знаковые

композиции, выполненные с помощью зубчатого штампа (рис. 38, 3). На сосудах представлены композиции из одиночных неповторяющихся линейных знаков. Из них наиболее известна строка знаков, сопровождающая изображение лыжника (рис. 38, 1), и опоясывающие туловище циклические композиции, в одной из которых фиксируется мотив «деления – развития» (рис. 38, 7).

Наиболее же представительна серия керамики со знаками, происходящая с погребальных памятников доновожской абашевской культуры, получена в ходе раскопок Подклетненского могильника. Некоторые из них публиковались ранее⁴. Приведены они и в первой главе книги.

Коллекция насчитывает десять сосудов (рис. 39-43), что составляет более десяти процентов всей имеющейся серии абашевских сосудов из могильника. Из десяти сосудов семь находились в захоронениях, а три обнаружены в насыпях курганов. Они относятся как к развитому, так и к позднему этапам доновожской абашевской культуры. Отмечено обнаружение такого рода сосудов и в комплексах уже переходного времени, как, впрочем, и в комплексах собственно срубного времени (рис. 39, 3).

Знаковые композиции есть на маленьком острореберном сосудице (рис. 39, 1), на трех сосудах горшковидных форм (рис. 39, 2-3; 40), на трех банках с разной степенью выраженности колоколовидности (рис. 41; 42), на одной банке с закрытым верхом (рис. 43, 1) и двух чашевидных сосудах (рис. 43, 2, 3).

На данных сосудах имеются следующие композиции. Из погребения 2 кургана 22 происходит маленький острореберный сосудик, на котором выше ребра зубчатым штампом нанесен двойной зигзаг из восьми звеньев. Семь из них заполнены различными значками (насечки, угол), а еще одно – пустое, к тому же оно гораздо меньших размеров (рис. 39, 1, 1а).

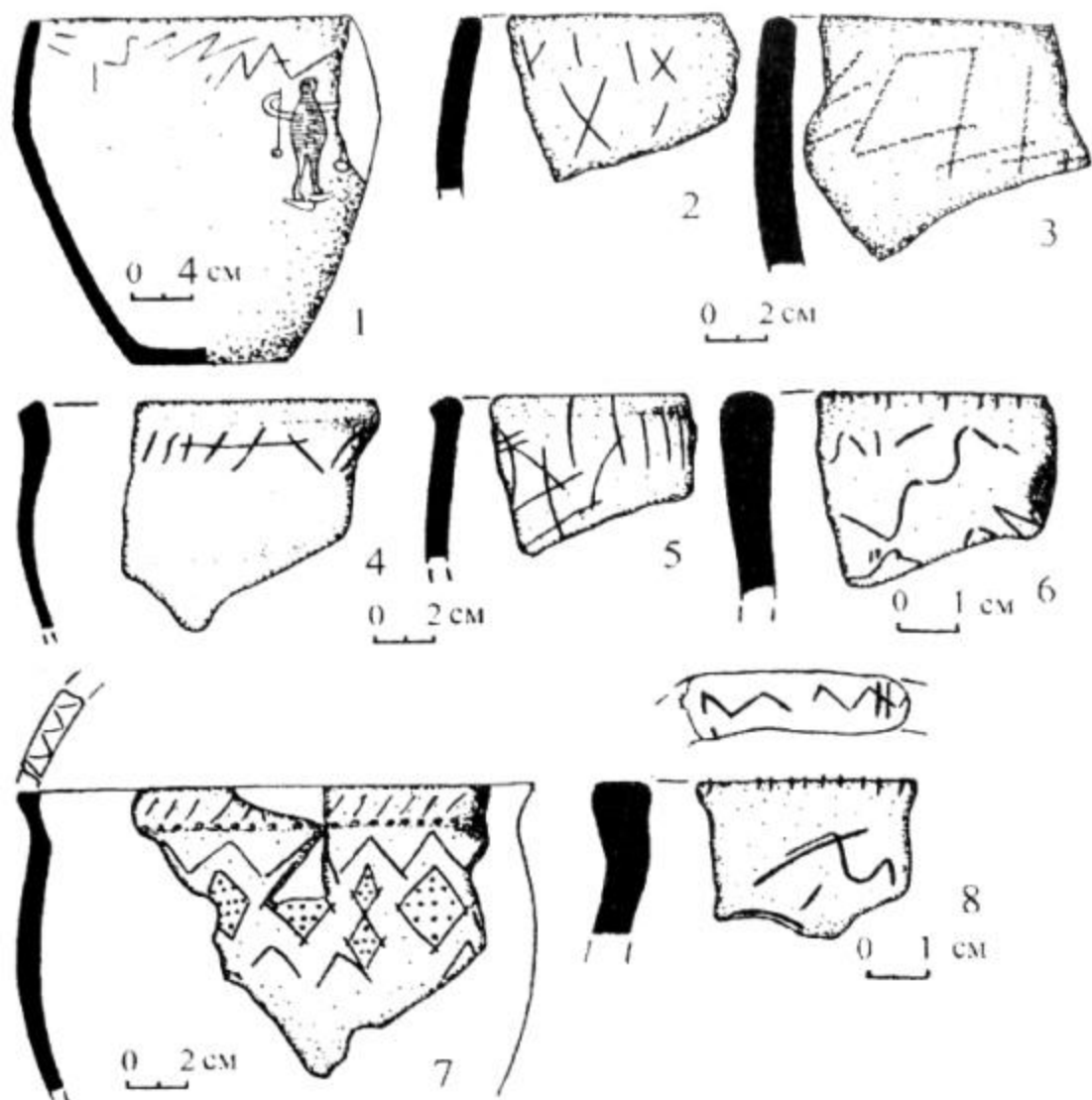

Рис. 38. Сосуды со знаками с Шиловского поселения

В погребении 2 кургана 9 находился горшковидный сосуд, на тулово которого нанесена трехзональная композиция (две верхние выполнены зубчатым штампом, а нижняя прочерчена). В месте максимального сужения тулова нанесены три, местами четыре, горизонтальные опоясывающие тулово линии, под которыми размещен тройной зигзаг из семи звеньев с разрывом, а в нижней зоне прочерчены крестообразные знаки, из которых сохранилось три (рис. 39, 2, 2а).

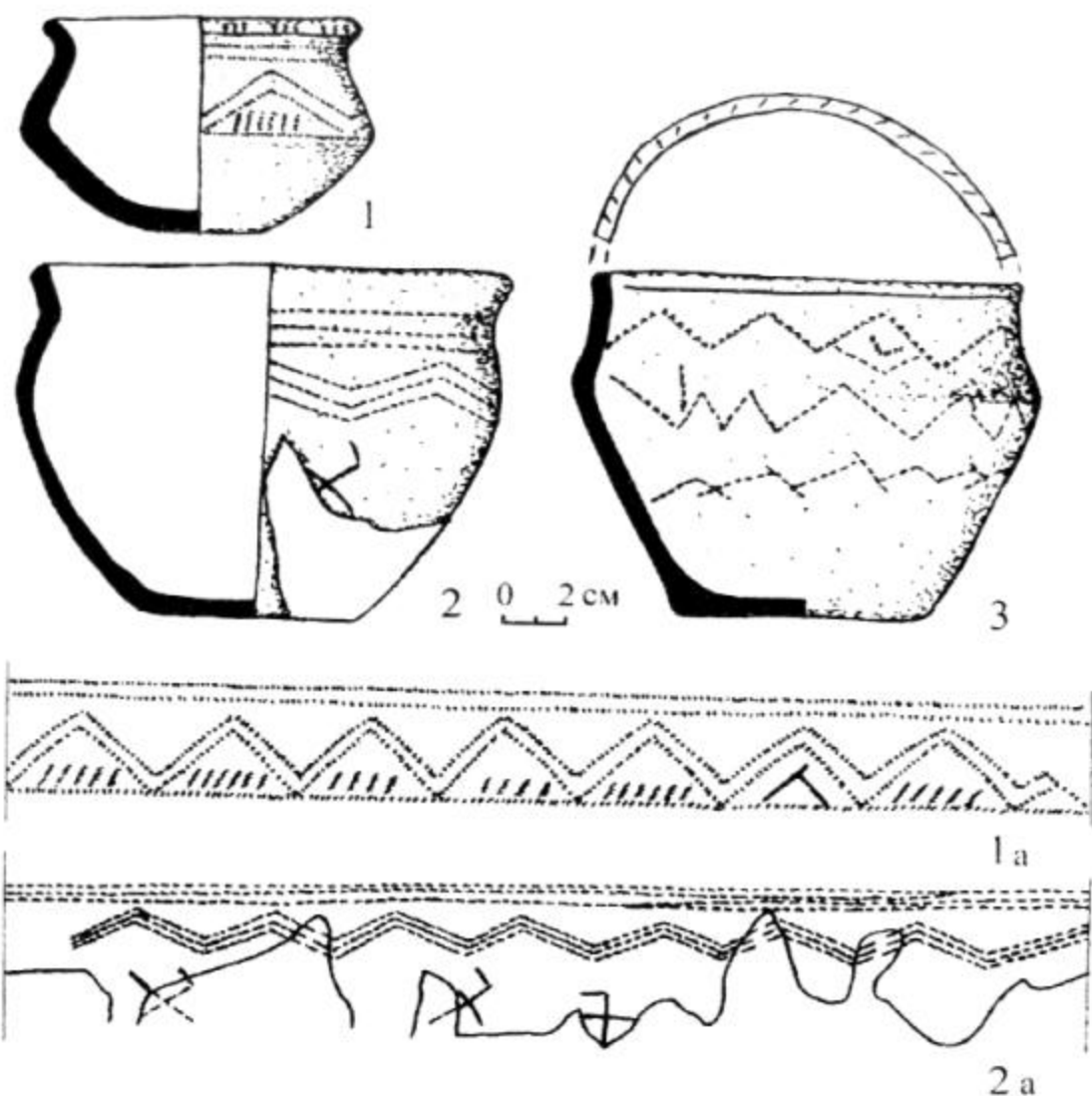

Рис. 39. Горшковидные сосуды со знаками из Подклетненского могильника

1, 1а – кург.22, погр.2; 2, 2а – кург.9, погр.2; 3 – кург.28, погр.8

Из погребения 8 кургана 28 представлен фрагмент горшковидного сосуда с трехзональной композицией, в основе которой горизонтальный зигзаг, выполненный вдавлениями зубчатого штампа. В некоторые из его углов вписаны значки (рис. 39, 3).

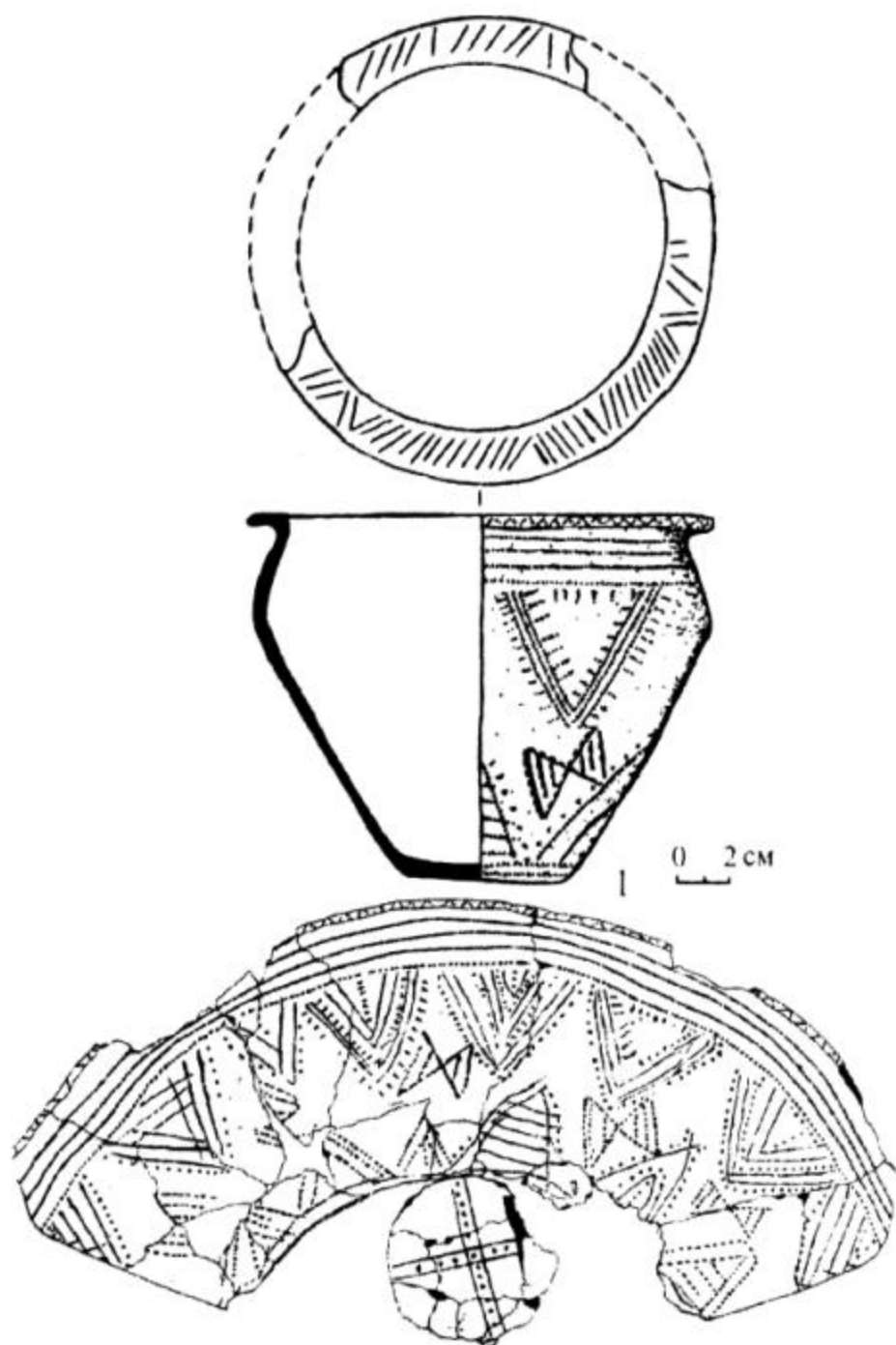

Рис. 40. Сосуд с календарной композицией из насыпи кургана 21
Подклетненского могильника

В насыпи кургана 21 обнаружен горшковидный сосуд, по всей поверхности которого нанесена трехзональная композиция (рис. 40). Верхняя зона состоит из 7 треугольников, средняя – из 5 «бантов», нижняя – из 6 треугольников. Каждый из крупных элементов имеет различное заполнение, в основе которого те же треугольники, имеющие часто и вертикальное членение. На днище нанесен крест, ограниченный двумя рядами вдавлений штампом, образующих круг. Об оценке имеющейся на сосуде композиции речь будет идти далее.

Из погребения 1 кургана 38 происходит колоколовидный сосуд, под венчиком которого зубчатым штампом нанесена опоясывающая композиция, представляющая собой горизонтальный зигзаг с разрывом. В месте разрыва завершающий элемент – ромб. В отличие от остальных, одинарных, следующий за ним угол зигзага нанесен двойной линией. Общее количество углов одинарного зигзага – 13 (рис. 41, 1, 1а). Изображение может быть отождествлено с символическим изображением змеи.

В погребении 2 кургана 41 находился колоколовидный сосуд, в верхней части тулова которого есть горизонтальный ряд вдавлений, под которым прочерчена композиция, состоящая из соединяющихся между собой «полуфестонов», общее число которых из-за фрагментарности не устанавливается, занимающих примерно половину тулова сосуда. Есть и несколько одиночных фигур, отделенных от остальных вертикальными насечками (рис. 41, 2, 2а).

Из погребения 1 кургана 10 происходит колоколовидный сосуд, под венчиком которого перевитым шнуром нанесена асимметричная композиция, состоящая из ромбов с помещенными внутри них различными фигурами, ниже которых прерывающийся зигзаг (рис. 42). Общее количество крупных элементов из-за фрагментарности достоверно не устанавливается.

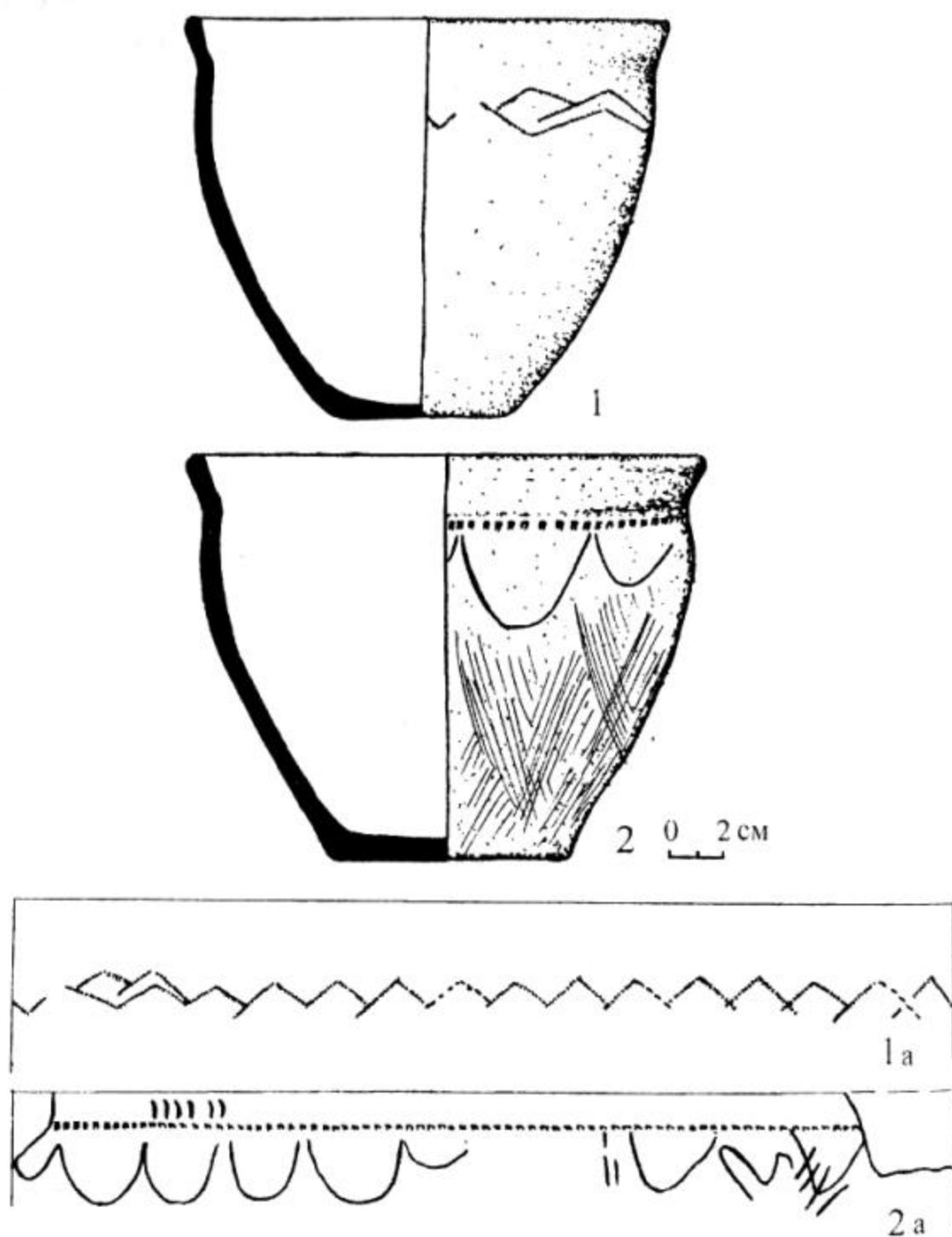

Рис. 41. Колоколовидные сосуды со знаковыми композициями
из Подклетненского могильника
1, 1а – кург.38, погр.1; 2, 2а – кург. 41, погр. 2

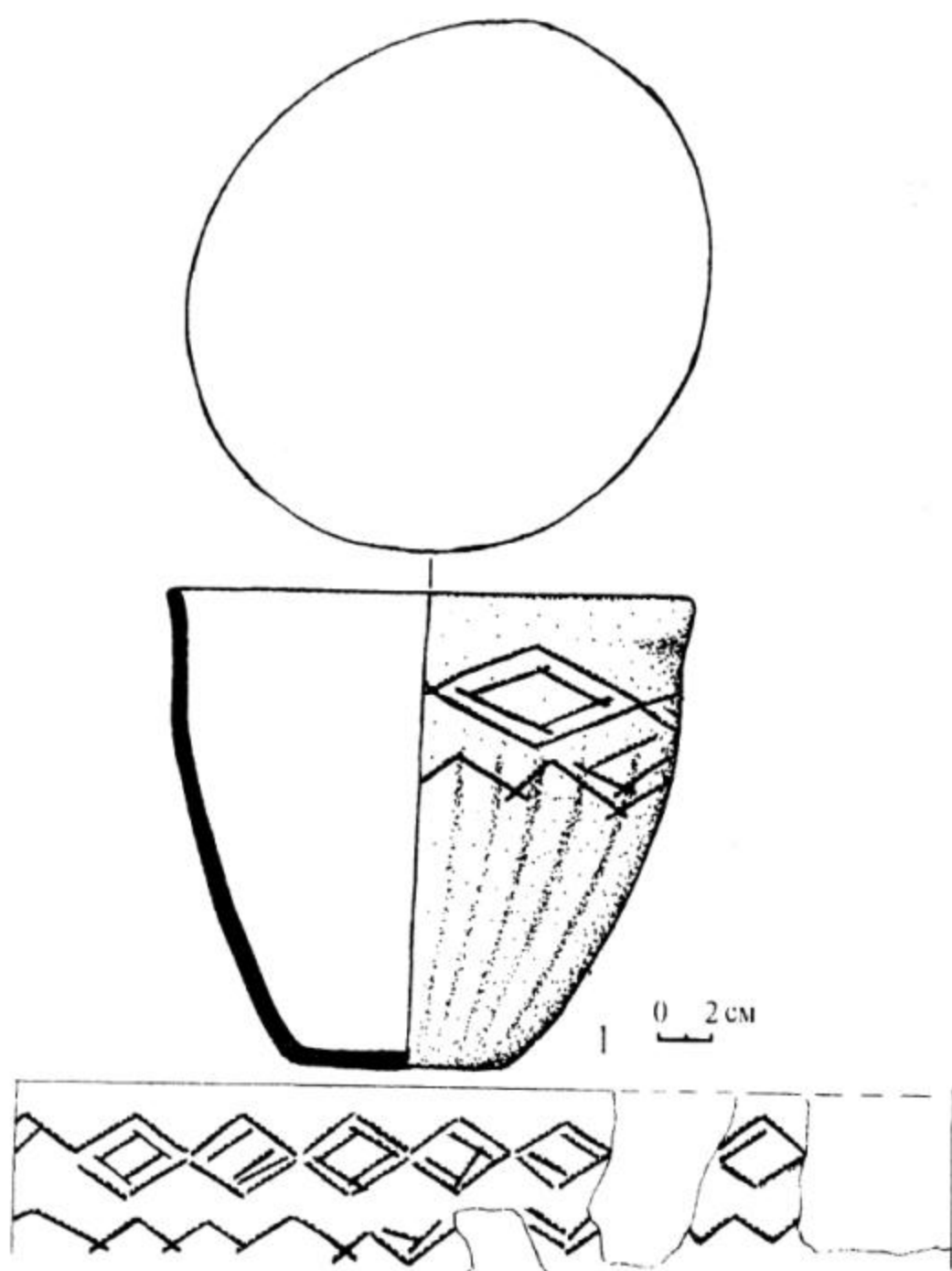

Рис. 42. Сосуд со знаковой циклической композицией из погребения 1 кургана 10 Подклетненского могильника

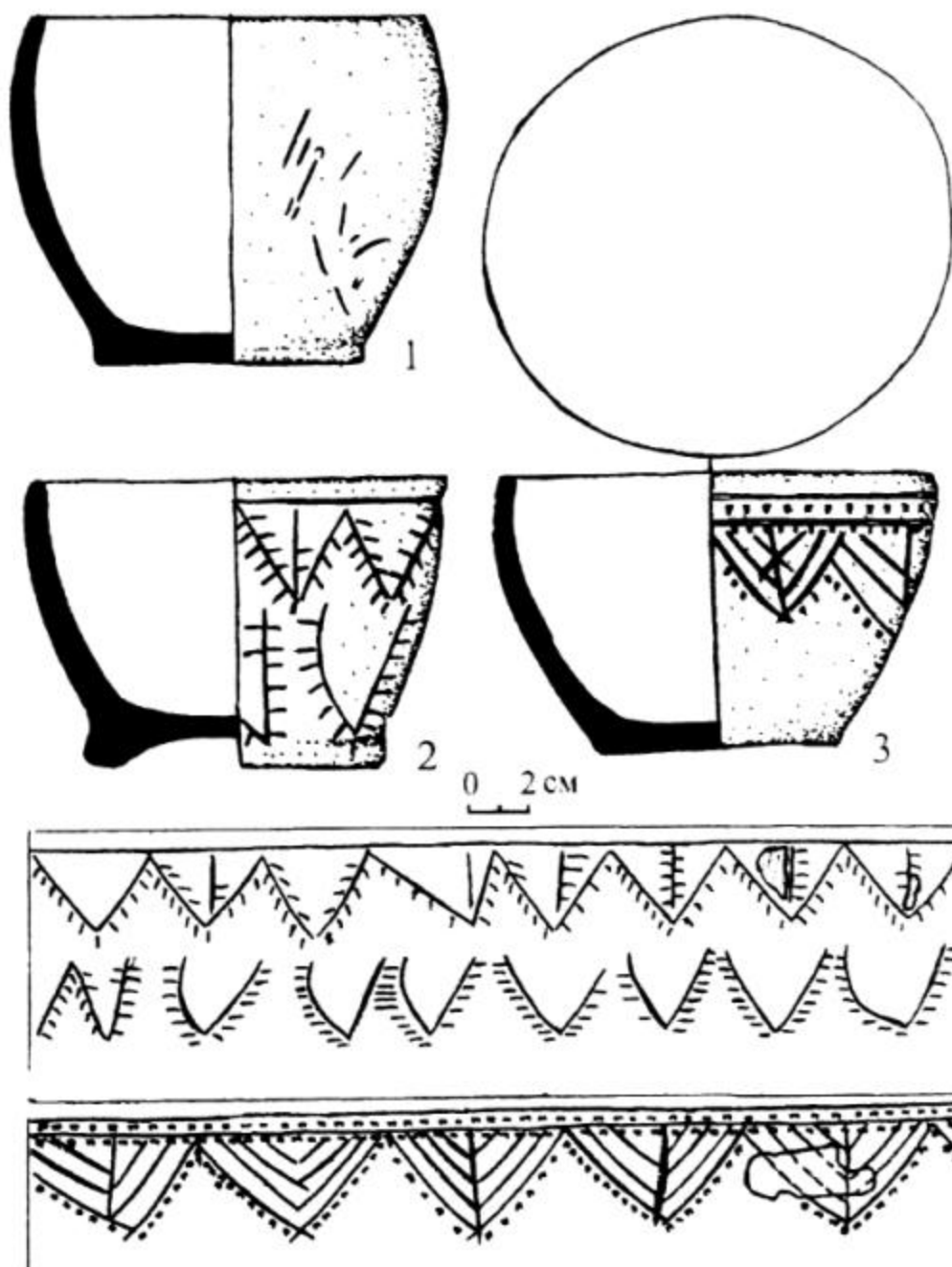

Рис. 43. Баночные сосуды со знаковыми композициями
из Подклетненского могильника
1 — кург. 41, насыпь, 2, 2а — кург. 41, погр. 8; 3, 3а — кург. 28,
насыпь

Из насыпи кургана 41 происходит баночный сосуд, по тулову которого прочерчены одиночные значки-штрихи, образующие короткую вертикальную строку (рис. 43, 1).

В погребении 8 того же кургана встречен небольшой сосуд на поддоне, в верхней и нижней части которого прочерчены зигзаги, обрамленные насечками. В верхнем ряду — девять крупных элементов, в нижнем ряду — восемь. Общее число насечек на этом сосуде в пределах 260 (рис. 43, 2, 2а).

Из насыпи кургана 28 происходит сосуд, под венчиком которого прочерчено 6 углов вершинами вниз (5 из них с вертикальными разделителями), в которые вписано различное число линий (рис. 43, 3, 3а). Обращает на себя внимание тот факт, что один из углов значительно меньших размеров. Судя по технике нанесения, он был прочерчен последним. Есть возможность проследить и последовательность нанесения всей композиции в целом. Сначала на сосуде были прочерчены горизонтальные линии, затем углы с вертикальными разделителями, вслед за ними насечки по всей композиции. Все элементы композиции были выполнены одним орудием.

Два сосуда со знаковыми композициями происходят из погребений 2 (рис. 44, 2) и 3 (рис. 44, 1) охарактеризованного в третьей главе кургана 1 могильника Селезни-2. Оба они — миниатюрные острореберные. Причем сосуд из погребения 2 — с крышкой, которая также покрыта знаковой композицией, выполненной зубчатым штампом. Из-за плохой сохранности детально проанализировать композицию на сосуде из погребения 2 не представляется возможным. Но можно проследить ее основные принципы. Венчик и тулово сосуда покрыты опоясывающей пятизональной композицией: по венчику — горизонтальный ряд насечек, в месте максимального сужения — двойная горизонтальная линия, по плечу — двойной зигзаг с насечками, в нижней части тулова — углы вершинами вниз с заполнением, в при-

донной части — двойной зигзаг. На крышке нанесена композиция, которая разделена на четыре равных сектора, в каждом из которых нанесено по два-три угла с заполнением. Единство композиции подчеркнуто расположенным в центре спиралевидным знаком.

Композиция на сосуде из погребения 3 будет подробно анализироваться ниже. Здесь же укажем, что композиция выполнена с использованием зубчатого штампа, которым, возможно, выполнялись и прочерченные линии. Она охватывает не только внешнюю поверхность, но и внутренний срез венчика. В ее основе зигзаг, по которому расположены треугольники, насечки, кресты, зооморфный знак и знаки дерева.

Еще один острореберный миниатюрный сосуд со знаками происходит из погребения 1 Пепкинского кургана в Среднем Поволжье (рис. 44, 3)⁵. В верхней части и на днище сосуда — выполненная в основном прочерчиванием композиция, состоящая из углов и насечек, ограниченная сверху и снизу вдавлениями округлой формы.

Один также острореберный сосудик со знаками встречен в погребении 4 кургана 16 Власовского могильника на территории Воронежской области (рис. 45, 1, 1а)⁶. На сосуде зубчатым штампом нанесена трехзональная композиция, в основе которой двойной зигзаг с разрывом. Верхний зигзаг состоит из двенадцати звеньев, средний — из пяти, нижний — из семи. По венчику расположены одиночные насечки, общее количество которых в пределах тридцати.

Один сосуд происходит из погребения 3 кургана 1 Филатовского могильника на территории Липецкой области (рис. 45, 2, 2а)⁷. Он представляет собой имеющий колоковидность горшок, под венчиком которого прочерчена композиция из десяти обрамленных наколами треугольников с различным заполнением внутреннего поля, которые прерываются зооморфным символом и грибовидным (?) знаком. Выше расположен прерывающийся двойной зигзаг.

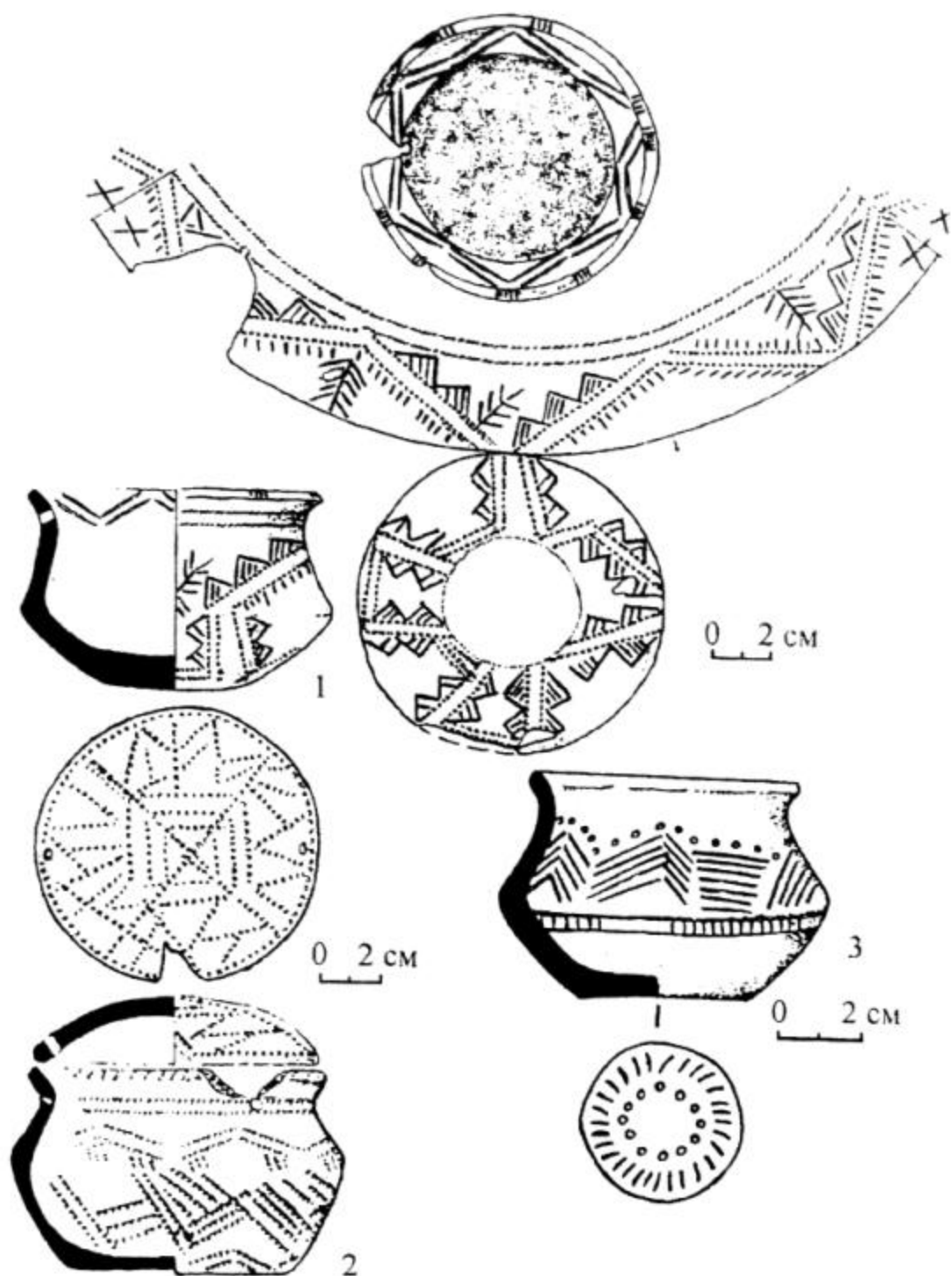

Рис. 44. Абашевские острореберные сосудики с календарными композициями
 1 – Селезни-2, кург. 1, погр. 3; 2 – Селезни-2, кург. 1, погр. 2;
 3 – Пепкинский курган, погр. 1

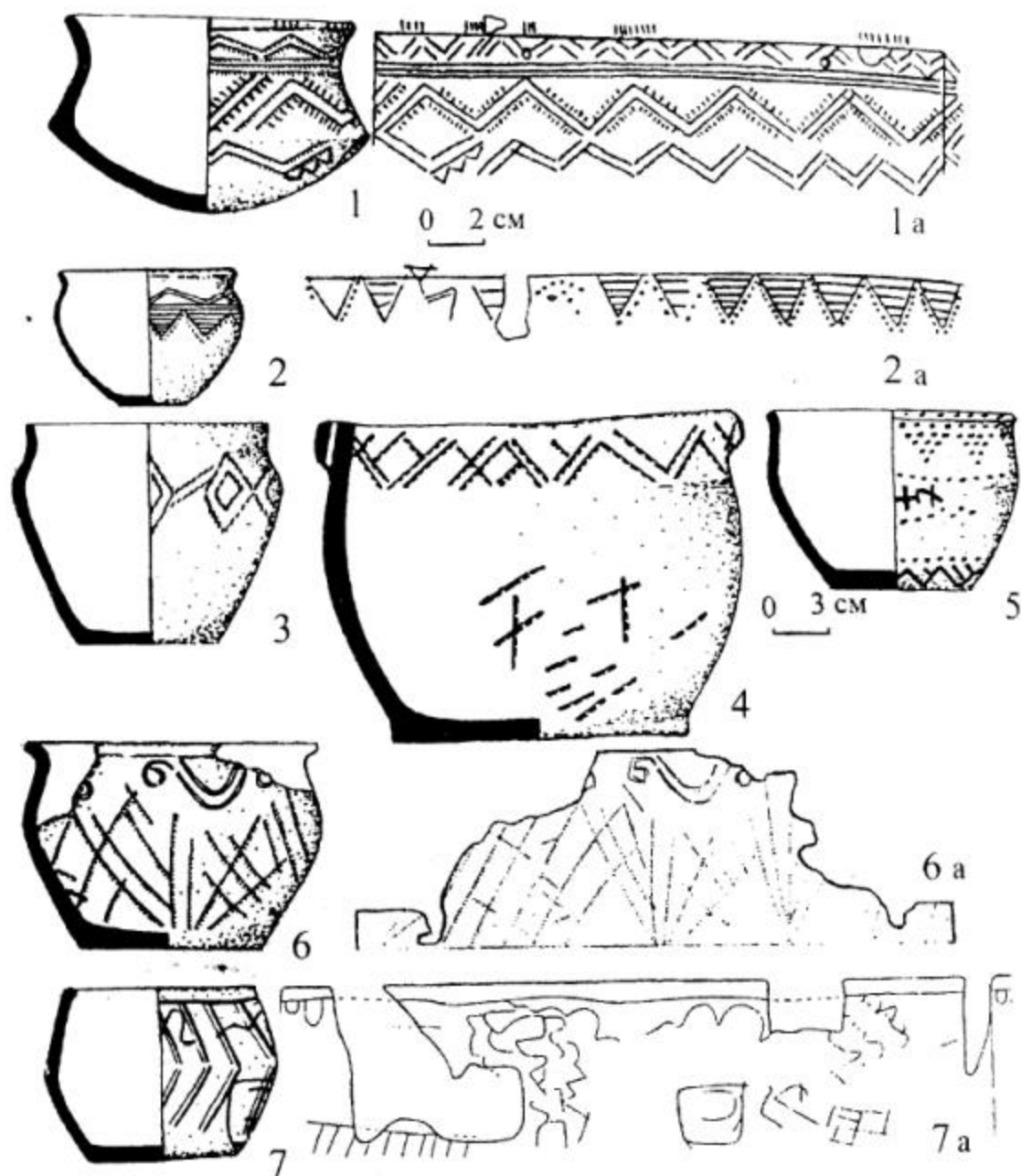

Рис. 45. Сосуды со знаками из могильников доно-волжской абашевской культуры

- 1, 1а – Власовский, кург.16, погр. 4; 2, 2а – Филатовский, кург. 1, погр. 3; 3 – 4 – Золотая Гора, кург. 4, погр. 1; 5 – Новоуренский кург., погр. 4; 6, 6а – Пичаевский кург. погр. 10; 7, 7а – Ишеевский, кург. 1, погр. 4

Два сосуда со знаками находились в погребении 1 кургана 4 могильника Золотая Гора в Саратовском Поволжье (рис. 45, 3, 4)⁸. На одном сосуде есть нанесенный веревочкой ряд из восьми примыкающих друг к другу ромбов. Такое число крупных элементов представляется изначально заданным, так как между крайними фигурами оставалось место еще для одного ромба. Для соединения соседних элементов вместо него использован дополнительный оттиск «веревочки». На другом сосуде, который имеет ушки для подвешивания, зубчатым штампом нанесены два одиночных знака, между которыми восемь боковых отпечатков штампом. В верхней части сосуда расположен двойной зигзаг со сбоем и заполнением некоторых из углов.

Сосуд со знаками был обнаружен и в погребении 4 Новоуренского кургана в Ульяновском Поволжье (рис. 45, 5)⁹. Ямочными вдавлениями на нем нанесен орнамент, состоящий из цепочки «городков» под венчиком, горизонтальных линий и прочерченного зигзага в придонной части. Знаковая композиция прочерчена на свободном участке тулова и состоит из двух крестообразных оттисков.

Из погребения 10 Пичаевского кургана с территории Тамбовской области происходит сосуд, под венчиком которого прочерчено несколько одиночных знаков. Ниже оттиском зубчатого штампа нанесена асимметричная композиция из взаимно пересекающихся линий (рис. 45, 6, 6а)¹⁰.

Еще один сосуд со знаками находился в погребении 4 кургана 1 Ишеевского могильника в Ульяновском Поволжье¹¹. Это небольшой имеющий биконичность сосуд, на который поверх орнамента нанесены знаки, охватывающие все тулово (рис. 45, 7, 7а). Под венчиком – это горизонтальная прямая линия, к которой присоединяются и образуют сложную сеть волнистые и подковообразные линии. У дна – черта с десятью отходящими от нее штрихами и ряд «фигур».

Знаки, зафиксированные на сосудах доно-волжской абашевской культуры, могут быть разделены на две разновидности: наглядно-изобразительные и символические. Под наглядно-изобразительным знаком (пиктограммой) подразумевается преднамеренно нанесенный схематический рисунок конкретного объекта (в целом или его части) с целью передачи информации о нем. Символические же знаки отражают представления об абстрактных категориях окружающего мира.

Для абашевской традиции наглядно-изобразительные знаки весьма редки. Они представлены пока двумя видами: зооморфные изображения, сопоставимые с изображением крупного и мелкого рогатого скота (рис. 45, 2, 6), а также изображение дерева (рис. 44, 1). Оба эти вида знаков отражают важные категории в рамках индоевропейской мифологической картины мира.

Наличие же зооморфных изображений на керамике может свидетельствовать об особом внимании к скоту как к источнику материального благополучия и процветания. Это наблюдение согласуется с характеристикой носителей доно-волжской абашевской культуры как общества с преимущественно скотоводческим укладом хозяйства.

Другим типом знаков на керамике доно-волжской абашевской культуры являются символические. Они более разнообразны. В первую группу включены крестообразные знаки. Вторую группу составляют геометрические символы. Последние, в свою очередь, могут быть подразделены на три вида знаков: углы, треугольники, четырехугольники.

Промежуточное положение занимает символическое изображение змеи на одном из сосудов Подклетненского могильника (см. рис. 41, 1а). Семантически оно близко наглядно-изобразительным знакам, однако, по форме передачи относится к символическим. Немаловажен и тот факт, что такая форма передачи этого образа сохранилась и в последующей срубной традиции. Это факт позволяет предполагать особую значимость образа мифологического

Змея в мировоззренческой системе древних скотоводов эпохи бронзы.

Знаки на керамике доно-волжской абашевской культуры, как правило, составляют композиции, опоясывающие тулово сосудов (см. рис. 39; 40; 42-44; 45, 1-2) или образующие короткую «строку» (см. рис. 38, 1; 43, 1; 45, 4,5). Есть основания для выделения нескольких сюжетов, зафиксированных графическими знаками. В отдельных случаях угадывается взаимосвязь композиций со значимыми для носителей доно-волжской абашевской культуры циклами в рамках календарных представлений.

Композиции на трех сосудах доно-волжской абашевской культуры уже были рассмотрены с этой точки зрения. В работе В.В. Никитина проанализирована композиция на сосуде из погребения 1 Пепкинского кургана, которая, по мнению автора, может быть сопоставлена с годичным календарным циклом в рамках лунарной системы времяисчисления¹². В совместной работе В.И. Беседина и И.Е. Сафонова, в основном посвященной анализу срубной орнаментальной традиции, в связи с проблемой происхождения последней указано на календарную символику нескольких композиций, представленных на миниатюрных острореберных абашевских сосудах¹³.

Привлечение новых материалов делает целесообразным возвращение к оценке этого сюжета. Речь идет, прежде всего, о композициях на сосуде из насыпи кургана 21 могильника Подклетное и на сосуде с перекрытия могильной ямы 3 кургана 1 могильника Селезни-2. Первая из двух композиций нанесена оттиском зубчатого штампа на тулово и днище горшковидного сосуда. По тулову расположены три композиционные зоны, соответственно в верхней, средней и придонной части. Крайние представляют собой обрамленные бахромкой ряды заполненных треугольников (соответственно семь и шесть). Посередине размещены пять фигур – «бантов». На днище нанесен вписанный в окружность крест (см. рис. 40). Символика этой композиции,

связанная с фиксацией чисел 12 и (или) 13, может быть увязана с годовым календарным циклом.

Более детального анализа заслуживает композиция на сосуде с перекрытия погребения 3 кургана 1 могильника Селезни-2 (см. рис. 44, 1). Символично уже само расположение композиционных зон на сосуде. При общем количестве три, две из них нанесены на внешнюю поверхность, а третья, представляющая собой замкнутый зигзаг, образующий двенадцать треугольников, выполнена на внутренней стороне среза венчика. Именно она может быть отождествлена с обычным (12-месячным) годовым циклом. Отсутствие каких-либо дополнительных мелких элементов, нарушающих симметрию композиции, подчеркивает постоянный, а потому и обыденный характер этого явления. Одновременно эта зона выступает своего рода эталоном при сравнении ее с композицией на внешней поверхности сосуда.

Будучи нанесенной в двух зонах, разделителем которых является ребро, композиция на внешней поверхности тем не менее обладает внутренним единством, подчеркиваемым наличием одинаковых элементов (в том числе и по технике нанесения) в обеих зонах. Выше ребра зигзаг состоит из шести звеньев, число которых определяется наличием во всех них, за исключением одного, различных знаков. Ниже ребра ломаная образует семь звеньев с разрывом. Их число маркируют заштрихованные треугольники, обращенные вершинами во внутреннее пространство звена. В целом же, на внешней поверхности сосуда размещена 13-элементная композиция, которая может отождествляться с календарным годом с интеркаляцией.

Есть основания говорить о том, что на селезневском сосуде ниже ребра изображен зимний период года, а в верхней части – весенне-летний сезон, семантика которого хорошо согласуется с символом дерева, трижды повторенного в этой композиционной зоне. Показательно и число заштрихованных треугольников, размещенных в нижней

зоне: их — двадцать девять, что соответствует продолжительности лунного синодического месяца. Таким образом, фиксируется совмещение в рамках одной композиции нескольких значимых календарных единиц, что, в общем, свойственно и для более поздней срубной традиции.

Сосуды с композициями, имеющими календарную направленность и сопоставимыми с годичным календарным циклом, входят в более многочисленную серию сосудов с опоясывающими циклическими композициями. Взаимосвязь фиксируемых на них числовых последовательностей со значимыми (священными, магическими и т.п.) числами в рамках мировоззренческой системы абашевского общества должна стать предметом специального осмысления уже после расширения источниковой базы.

Представляется оправданным и рассмотрение ряда знаков на керамике доно-волжской абашевской культуры в качестве своего рода «протописьмен». Речь идет, прежде всего, о знаках на сосудах с Шиловского поселения. Среди них наиболее показательны прочерченные знаки, сопровождающие широко известное изображение «лыжника» на сосуде с площади одного из жертвенных мест — святилищ и выполняющие, вероятно, своего рода поясняющую функцию по отношению к рисунку (см. рис. 38, 1). Сам же рисунок был интерпретирован одним из авторов данной работы как зарождение сюжета о священной птице Гаруде (изображен птенец) с подчеркиванием «северной» его атрибуции, в понимании «севера» по отношению к южным территориям, где затем фиксируется развитие индоиранских этносов¹⁴. Другие происходящие с Шиловского поселения сосуды с такого рода знаками представлены во фрагментах, что ограничивает информационные возможности их интерпретации. В данном случае мы ограничимся лишь констатацией самого факта наличия на них неповторяющихся, в основном прочерченных знаков, образующих горизонтальную «строку».

Приведенные в главе свидетельства являются основанием для предположения, что на сосудах со знаками доново-волжской абашевской культуры фиксируется начальный этап пиктографии, объектом которой являются конкретные мифологически значимые объекты, а также значимые циклы в системе времяисчисления.

Однако в эпоху средней бронзы на рассматриваемой территории такого рода сосуды — это еще явление не столь часто встречающееся, соответствующее раннему этапу графической знаковой системы.

Свое дальнейшее развитие и оформление в сложившуюся семиотическую структуру данная графическая система получает уже в рамках срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы (известно более трехсот сосудов со знаками как с погребальных, так и с бытовых памятников, охватывающих все основные территории распространения данной общности).

У населения срубной общности знаковая система представляет собой многоуровневую структуру, включающую все известные типы знаков с присущей ей направленностью на фиксацию наиболее значимых для ее носителей категорий и сюжетов в рамках мировоззренческой системы¹⁵.

Из сопоставления сосудов со знаками доново-волжской абашевской культуры с более поздними срубными проследуется важное наблюдение, сводящееся к тому, что налицо наличие между ними преемственности. Она проявляется как в наличии в знаковых системах аналогичных видов знаков, так и в одинаковых принципах построения знаковых композиций.

Что касается преемственности на знаковом уровне, то используемый абашевским населением набор знаков вошел составной частью в срубную знаковую систему. Это наблюдение касается как наглядно-изобразительных (рис. 46, 1-3), так и символических (рис. 46, 4-5) знаков на сосудах срубной культурно-исторической общности.

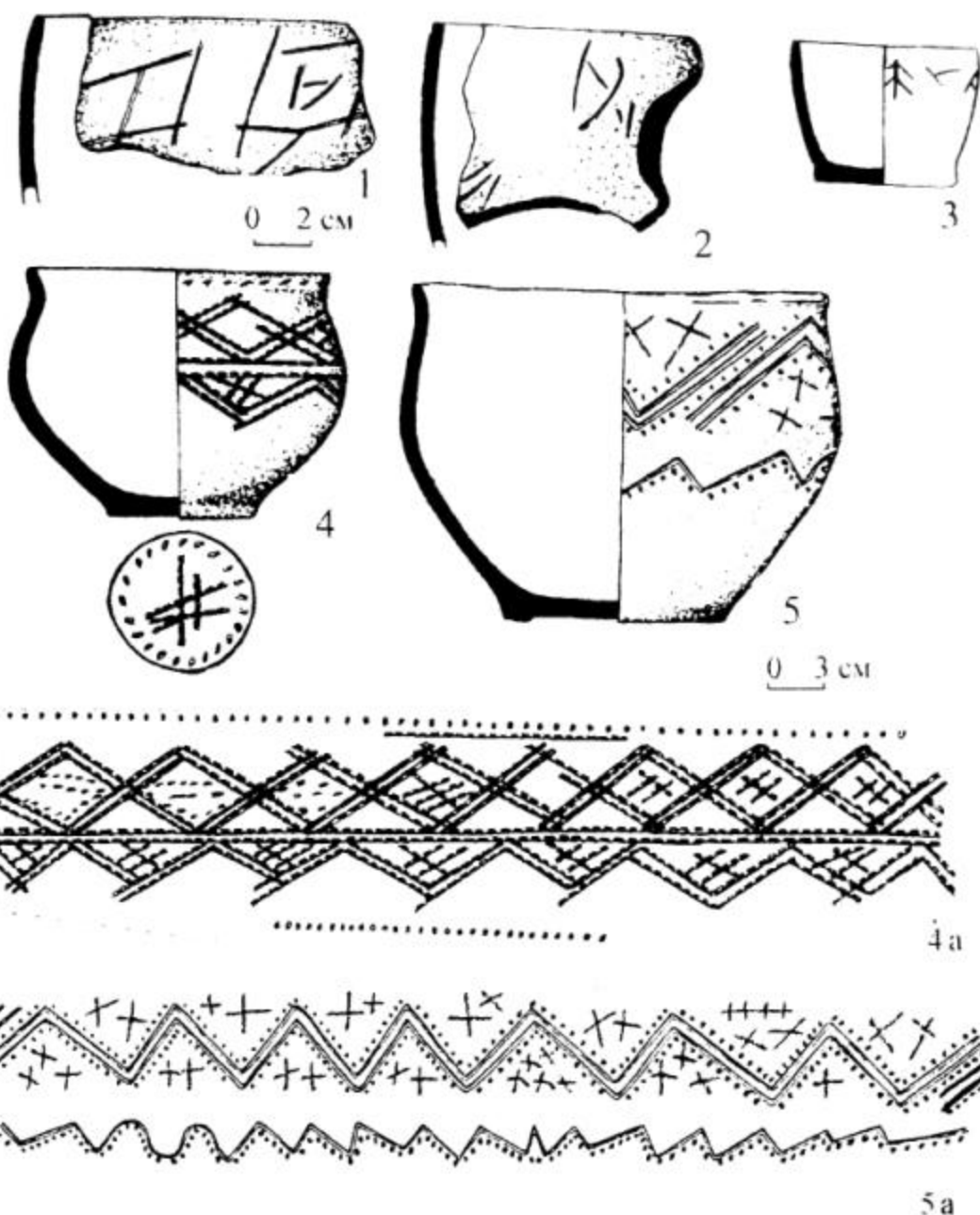

Рис. 46. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности

1-2 — Мосоловское поселение; 3 — Бородаевка, кург. 9, погр. 1;
4, 4а — кург. Бунарки, погр. 9; 5, 5а — Подгорное, кург. 7, погр. 7

Характерно и развитие абашевских традиций в композиционной организации знаков на сосудах срубной культурно-исторической общности. Это особенно наглядно проявляется при сопоставлении циклических композиций на ке-

рамике обеих культур (сравн. рис. 42; 44, 1; 45, 1 и 46, 4, 5). Показательно, что применительно к срубной керамике главенствующим видом циклических композиций на ней остается изображение 13-элементного цикла, который может быть отождествлен с годом с интеркаляцией, являющимся свидетельством существования в обществе лунно-солнечной системы времяисчисления¹⁶.

Приведенные наблюдения в пользу преемственности знаковых систем носителей доно-волжской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности выглядят еще более убедительными на фоне их сопоставления с соответствующими системами, имеющими место у носителей культуры многоваликовой керамики и катакомбной культурно-исторической области эпохи средней бронзы. Близость с ними куда меньшая¹⁷.

Сам же факт преемственности и дальнейшего развития срубным населением традиций доно-волжской абашевской культуры в области графической фиксации информации является еще одним свидетельством в пользу точки зрения о значимости роли населения доно-волжской абашевской культуры в сложении срубной культурно-исторической общности.

Сосуды со знаками, фиксируемые в керамических сериях доно-волжской абашевской культуры и срубной общности, являясь свидетельством существования в этих обществах оформившейся, имеющей графический способ фиксации и продолжающей развиваться мировоззренческой системы, к тому же подтверждают и правомерность подхода, согласно которому население абашевской и срубной общностей следует рассматривать в русле развития цивилизационных процессов в древности.

¹ Большов С.В. Некоторые закономерности построения орнаментальных композиций абашевских сосудов (по материалам могильника Пепенгер I) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы межд. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 257-262.

² Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976. – С. 33, 35, рис. 7, 14 и др.

³ Пряхин А.Д. Археология и археологическое наследие. – Воронеж, 1995. – С. 68-69; Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками доно-волжской абашевской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы межд. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 262-266.

⁴ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж, 1977. – С. 17-19, рис. 5; Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. – Рязань, 1996. – С. 43, рис. 3, 16; с. 47, рис. 7, 9.

⁵ Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган // Труды МАЭ. Т. III. – Йошкар-Ола, 1966. – С. 6-25.

⁶ Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа, 1993. – С. 17, рис. 4,7.

⁷ Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С. 46, рис. 8,7.

⁸ Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 124, рис. 2.

⁹ Буров Г.М. Курганы бронзового века близ г. Ульяновска. – Ульяновск, 1974. – С. 60-66.

¹⁰ Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С. 75, рис. 1.

¹¹ Буров Г.М. Курганы бронзового века близ г. Ульяновска. – С. 16-30.

¹² Никитин В.В. Погребальный обряд как источник для реконструкции древнейшего мировоззрения (по материалам Пепкинского кургана абашевской культуры эпохи бронзы) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 128-130.

¹³ Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. – 1996. № 2. – С. 31, рис. 6.

¹⁴ Пряхин А.Д. Археология и археологическое наследие. – С. 66.

¹⁵ Отрощенко В.В. Письмена срубной культуры // Studia Praehistorika. Т.9. – Sofia, 1988. – С.151-178; Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. – Воронеж, 2000.

¹⁶ Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры. – С. 30; Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1998. – С. 20.

¹⁷ Отрощенко В.В. Письмена срубной культуры. – С.151-154; Пустовалов С.Ж. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11). – Воронеж, 1998. – С. 22 – 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая книгу нельзя не отметить, что ее авторы не преследовали цели дать всестороннюю оценку доновожской абашевской культуры. Куда важнее начать движение в направлении обеспечения нового уровня в осмыслении этой культуры, что должно способствовать выходу на новый уровень оценки все более уверенно связываемой с древними индоиранцами абашевской культурно-исторической общности, в целом древностей средней и поздней бронзы восточноевропейской степи и лесостепи.

Изложенное в книге позволяет констатировать, что принижение роли и значения этой культуры искажает общую оценку выделенной четверть века назад абашевской культурно-исторической общности первой половины — середины II тыс. до н.э. (по традиционным датам), основной массив памятников которой размещается на территории донской и волго-уральской лесостепи и на прилегающих пространствах степной зоны, с выходом в лесное Поволжье и смежные районы Приуралья. В силу этого вряд ли оправданно вновь и вновь возвращаться к термину "классическая абашевская культура", имея в виду, прежде всего, памятники южных районов лесного Поволжья. Тем самым вряд ли оправданно и продолжать измерять по ним "чистоту" других абашевских культур.

Куда важнее сохранить достигнутое в изучении стоящего за этой общностью культурно-исторического пространства, не допуская его размывания. Речь идет не только о сумме территориальных реалий, за которыми подразумеваются конкретные археологические культуры или типы памятников, а о своего рода пространственном единстве, понимание которого возможно прежде всего на уровне целостного восприятия, за которым уже сейчас просматрива-

ется пространственное образование, историческое истолкование которого пока преждевременно.

Возьмем к примеру оценку серии имеющих четкую планировку городищ и находящихся поблизости культово-погребальных комплексов, часто содержащих серии престижных захоронений, послуживших не только поводом для выделения синташтинской археологической культуры¹, но и толчком к выделению волго-уральского (по другой версии – южноуральского) очага культурогенеза². Речь идет о комплексах памятников, имеющих культово-обрядовую обусловленность, сопряженную со скотоводческо-производственной направленностью хозяйственной деятельности оставившего их населения, само содержание которых может быть понято только в рамках масштабной пространственной системы, проявлением которой и является абашевская культурно-историческая общность.

Так не исключены и иные, чем это делалось до сих пор, трактовки "классической" средневолжской абашевской культуры, которая может быть истолкована как результат продвижения по остепненным языкам в лесные районы Поволжья еще в первой четверти II тыс. до н.э. (по радиоуглеродным датам – в пределах рубежа III-II тыс. до н.э.) относительно небольших групп населения, оказавшихся в ино-родном окружении и заметно дольше сохранявших здесь консервативный облик культуры (невыраженность социальной стратификации, общий архаизм материальной культуры и т.д.).

Вряд ли случаен и факт сосредоточения содержащих престижные захоронения курганов доно-волжской абашевской культуры в Верхнем Подонье (наиболее показателен курган 1 могильника Селезни-2). Думаю, речь надо вести не только о единичных или расположенных парами курганах, а о могильниках, где вследствие интенсивной запашки сохранились лишь единичные насыпи. Это одна из наиболее освоенных абашевцами территорий лесостепи, где фикси-

руются абашевские памятники всех этапов, в том числе и раннего, практически отсутствующего или слабо представленного на других территориях абашевского мира. Надо также иметь в виду, что Верхнее Подонье – это периферия и среднедонской катакомбной культуры, черты которой фиксируются не только в древностях доно-волжской абашевской культуры³, но и других абашевских культур.

Крайне важной оказывается и оценка в системе абашевской общности древностей самарского Поволжья: проявляющие абашевские (причем не только приуральские) и полтавкинские черты памятники потаповского типа⁴, памятники приуральского абашева⁵, памятники доно-волжской абашевской культуры, включаемые самарскими археологами в число покровских⁶, и памятники вольско-лбищенского типа, где также отмечено наличие абашевского компонента⁷. Получившая распространение преимущественная их оценка в системе древностей волго-уральского региона не позволяет в полной мере раскрыть их срединное положение в системе абашевской культурно-исторической общности. А без этого выход на качественно новый уровень осмысления абашевской культурно-исторической общности, по нашему представлению, вообще вряд ли возможен.

В исследовательском поиске крайне важным является понимание абашевской культурно-исторической общности в системе "абашевско-срубный мир". Изложенные в книге данные убедительно подтверждают факт участия доно-волжских абашевцев в становлении прежде всего донской лесостепной срубной культуры⁸. Это одна из ведущих линий в сложении срубной культурно-исторической общности⁹.

Другое дело как именовать такого рода памятники. За последнее время получил распространение термин "памятники покровского типа", с употреблением которого современная археология фактически зашла в тупик. Поводом для

их выделения послужили изучавшиеся в 20-е годы под рук. П.С. Рыкова в саратовском Заволжье Покровские курганы, результаты раскопок которых до сих пор полностью не опубликованы. Надо также иметь в виду, что речь идет не об одном, а о нескольких могильниках, содержащих как захоронения позднего этапа доно-волжской абашевской культуры, так и собственно срубные захоронения, стратиграфические наблюдения по соотношению которых в этих могильниках отсутствуют¹⁰.

В силу сказанного при их интерпретации логичнее опереться на многочисленные стратиграфически подтвержденные наблюдения по территории Подонья, где фиксируются как этапы развития абашевских древностей, так и сам переход от доно-волжских абашевцев к срубникам. Собственно такой подход позволил В.В. Отрощенко при решении проблемы происхождения выделяемой им покровской срубной культуры говорить о распространении населения из саратовского Подонья в Заволжье, с пересечением этим населением Волги в районе Саратова – Энгельса, отражением чего и явились Покровские курганы¹¹.

Выделять же на основе раскопок Покровских курганов отдельный тип памятников со статусом отдельной "покровской" археологической культуры, в которую к тому жеходя включается и большая часть памятников доно-волжской абашевской культуры¹², занятие малопродуктивное и вряд ли перспективное. Нельзя также не привести и подход, изложенный недавно А.Т. Синюком, который основной массив абашевских памятников лесостепного Подонья попытался отнести к так называемой "покровско-абашевской" археологической культуре, за которой, по его представлению, стоит возвращение на прежнюю территорию некогда сместившихся в восточном направлении изначально "донских абашевцев"¹³. Нетрудно заметить, что излагаемые в нашей книге данные свидетельствуют фактически об обратном, а именно о постепенном продвижении

доно-волжских абашевцев в юго-восточном направлении в степное Поволжье, результатом чего, надо думать, и явилось появление в степном Заволжье серии встреченных в том числе и в Покровских курганах престижных захоронений.

Сам же термин "памятники покровского типа" целесообразно если и употреблять, то только в понимании памятников переходного времени между доно-волжской абашевской культурой и срубной культурно-исторической общностью, рассматривая их уже в системе срубных древностей.

Нельзя не сказать и о том, что от осмысления абашевской культурно-исторической общности ныне все более зависит оценка исторического места в своей основе постпервобытных, имеющих сложные мировоззренческие системы, "обществ" эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи, базирующихся на скотоводческом укладе хозяйства, важнейшим условием функционирования которых было наличие сложившихся традиций металлургии и металлообработки.

Выделение на основе данных археологии поистине гигантских по масштабам культурно-исторических общностей (областей) древних скотоводов, одна из которых абашевская, — это отражение факта функционирования пространственных моделей, не развивавшихся по так называемому точечно-территориальному принципу функционирования надстроечных систем (древневосточные цивилизации). Для них не было свойственно развитие и урбанистических начал. Попытка же выделения Г.Б. Здановичем урбанистических территорий этого времени (протогородов) в Южном Зауралье не представляется в достаточной степени аргументированной¹⁴.

Фиксируемая у тех же абашевцев масштабность "строительной" деятельности обусловливается в значительной степени ее культово-престижной направленностью (пример уже упоминавшихся, имеющих четкую планировку

городищ и примыкающих к ним культово-погребальных комплексов на территории Южного Зауралья). Последнее подтверждает наличие у этого населения сложной системы мировоззренческих представлений.

Сам же уровень развития абашевского общества диктовал потребность фиксации и передачи информации, что обусловило появление протописьменности, о чем, собственно говоря, речь и идет в завершающей главе книги.

У абашевского населения на основных территориях лесостепи фиксируется наличие четко выраженной социальной стратификации, с подчеркиванием социального статуса воинства, прежде всего военно-аристократической верхушки, наделяемой и четко выраженными сакральными функциями (факт нахождения в соответствующих погребениях орудий труда ремесленников).

Приведенные наблюдения со всей определенностью демонстрируют перспективность оценки роли абашевцев, как впрочем, и других древних скотоводческих массивов населения евразийской степи и лесостепи в цивилизационных процессах древности. Последнее проявилось в стремлении рассматривать их в системе ранних комплексных обществ¹⁵. Наиболее последовательным сторонником такого подхода в отечественной науке выступает В.М.Массон. По его представлению ранние комплексные общества развиваются как по урбанистическому, так и по неурбанистическому пути. Внутри неурбанистического варианта свой путь развития имели раннеземледельческие общества (балканский вариант) и пастушеские общества (степная бронза)¹⁶. Отмечая значимость построений В.М. Массона, в то же время нельзя не видеть, что при таком подходе скотоводческие пространства Евразии вольно или невольно оказываются в соподчиненном положении по отношению к древневосточным пространствам, в положении периферийности по отношению к ним.

Но применительно к пространствам Евразийской степи и лесостепи вполне уместна постановка вопроса об изначальности и самобытности скотоводческого варианта постпервобытного развития: пастушеско-скотоводческий этап (медь, бронза) и этап древних кочевников (ранний железный век). По отношению к нему вряд ли следует спешить с употреблением термина "ранние комплексные общества".

¹ *Виноградов Н.Б. Парадоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер-лы межд. научн. конф. – Самара, 2001. – С.189-193; Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск, 1999. – С.103-138; Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. – Челябинск, 1995. – С.22-42; др. раб.*

² *Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы: Матер-лы конф. – СПб., 1995; Отрощенко В.В. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и матер. российско-украинской научной. конф. и второго украинско-российского полевого археологического семинара. Вып.2. – Воронеж, 1996; др. раб.*

³ *Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11). – Воронеж, 1998. – С.15-19; др. раб.*

⁴ *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С.5-37; Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа // История самарского*

Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С.126-130.

⁵ Кузьмина О.В. Абашевская культура в самарском Поволжье // История самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С.86-99.

⁶ Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа. С.130-134; др. раб.

⁷ Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 1999. – С.66-78; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С.69-72.

⁸ Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.13). – Воронеж, 1999. – С.60-71; Он же. Становление срубной культуры в донском бассейне // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Мат-лы межд. научн. конф. – Воронеж, 2000. – С.47-51; др. раб.

⁹ О многокомпонентности формирования срубников, в том числе и в Подонье, пишут многие исследователи (см.: Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. – 2000. № 4. – С.22 и др.; Он же. К происхождению форм керамики срубной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы межд. научн. конф. – Самара, 2001. – С.202-204; др. раб.).

¹⁰ Обоснованию наличия двух групп захоронений в Покровских курганах посвятил отдельную статью В.И.Сагайдак. См.: Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. – Т. 230. – Куйбышев, 1979. – С.57-68.

¹¹ Отрощенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Мат-лы междун. научн. конф. Часть I. – Саратов, 1997. – С.72; др. раб.

¹² Малов Н.М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тез. докл. научн. конф. –

Липецк, 1992. – С.130; Он же. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы межд. научн. конф. – Самара, 2001. – С.199-201; Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы средней и восточной Европы. Часть II. – СПб., 1995. – С.27-51; др. раб.

¹³ Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж, 1996. – С.190-210.

¹⁴ Зданович Г.Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III- I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Мат-лы к междун. конф. – Челябинск-Аркаим, 1999. – С.42.

¹⁵ Комплексные общества Центральной Евразии в III- I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Мат-лы к междун. конф. – Челябинск-Аркаим, 1999; Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 2000; др. раб.

¹⁶ Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 2000. – С.139, рис.2.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия. М.

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

Труды МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (А.Д. Пряхин)	3
ГЛАВА I. К ОЦЕНКЕ АБАШЕВСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОДКЛЕТ- НЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА (А.Д. Пряхин, В.И. Беседин) . .	9
ГЛАВА II. КОНСКАЯ УЗДА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И СТЕПИ (А.Д. Пряхин, В.И. Беседин)	33
ГЛАВА III. К ОЦЕНКЕ ПРЕСТИЖНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КУРГАНА СЕЛЕЗНИ-2 (А.Д. Пряхин)	64
ГЛАВА IV. МЕТАЛЛООБРАБОТКА ДОНО-ВОЛЖСКИХ АБАШЕВЦЕВ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ПРОИЗВОДСТВЕН- НОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов, Е.Б. Свистова)	83
ГЛАВА V. ОСТРОРЕБЕРНЫЕ АБАШЕВСКИЕ СОСУДИКИ ДОНО-ВОЛЖСКОГО РЕГИОНА (А.Д. Пряхин, В.И. Беседин)	101
ГЛАВА VI. ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ ДОНО- ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам погребальных памятников) (А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов) . .	120
ГЛАВА VII. СОСУДЫ СО ЗНАКАМИ ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (А.Д. Пряхин, Е.Ю. Захарова) .	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.Д. Пряхин)	161
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	169

CONTENTS

INTRODUCTION (A.D. Priakhin)	3
CHAPTER I. ON THE ESTIMATION OF THE ABASHEVO CULTURE GRAVES OF THE PODKLETNOE BURIAL SITE (A.D. <i>Priakhin, V.I. Besedin</i>)	9
CHAPTER II. THE HORSE BRIDLE OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE EAST EUROPEAN FOREST-STEPPE AND THE STEPPE (A.D. <i>Priakhin, V.I. Besedin</i>)	33
CHAPTER III. ON THE ESTIMATION OF THE ELITE BURIALS OF THE SELEZNI-2 KURGAN (A.D. <i>Priakhin</i>)	64
CHAPTER IV. THE METALL WORK OF THE DON-VOLGA ABASHEVO POPULATION AND THE DEVELOPMENT OF PRODUCTION ACTIVITY TRADITIONS IN THE LATE BRONZE AGE (A.D. <i>Priakhin, A.S. Savrasov, E.B. Svistova</i>)	83
CHAPTER V. SHARP-RIB ABASHEVO CULTURE VESSELS OF THE DON-VOLGA REGION (A.D. <i>Priakhin, V.I. Besedin</i>)	101
CHAPTER VI. ORNAMENTATION OF THE DON-VOLGA ABASHEVO CULTURE CERAMICS (Based on the materials of burial sites) (A.D. <i>Priakhin, I.E. Safonov</i>)	120
CHAPTER VII. VESSELS WITH SIGNS OF THE DON-VOLGA ABASHEVO CULTURE (A.D. <i>Priakhin, E.Yu. Zakharova</i>)	138
CONCLUSION (A.D. <i>Priakhin</i>)	161

ДОНО-ВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Научное издание

**Пряхин Анатолий Дмитриевич
Беседин Владимир Иванович
Захарова Елена Юрьевна
Саврасов Александр Сергеевич
Сафонов Илья Евгеньевич
Свистова Елена Борисовна**

*Электронная верстка и оригинал-макет подготовлен в кабинете
исторической информатики ВГУ*

Корректор О.А. Ковалева

Лицензия ИД № 0037 от 10.11.99 г.
Подписано в печать 21.05.2001 г.
Заказ № 402. Формат 60х84 1/16.
Объем 10,75 п.л. Тираж 350 экз.

Типография ВГУ.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3.